ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ
[redacted]

34

А. М. Мерварт

ГРАММАТИКА
ТАМИЛЬСКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА

ЦИК СССР
(54) 4-5
М-52
~~33507~~
178044
Испол

ЛЕНИНГРАД 1929
Издание Ленинградского Восточного Института имени [redacted]

Ленинградский Областлит № 26892. — 14¼ печ. л. — Тираж 500.

Типография Академии Наук СССР.
В. О., 9 линия 12.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Национальное движение в Индии вызвало в жизнь все растущий интерес к живым языкам этой страны. Как в индийских университетах, так и в высших востоковедческих учебных заведениях Европы преподаются и подвергаются научному исследованию те языки, которые служат выразителями современной жизни и мысли Индии. Наряду с великими арийскими языками севера: Урду, Хинди, Бенгали и Маратти, видное место занимает тамильский язык, как самый важный представитель дравидийских языков южной Индии. Поэтому предлагаемая здесь грамматика тамильского языка послужить, надо думать, к заполнению некоторого пробела в русской индологии и языковедении.

Южная, дравидийская, Индия нам более чужда, чем северная, арийская, с которой нас связывает языковое родство и некоторое, правда неясное, представление о культурной, а может быть даже и расовой общности. В темнокожих жителях южной Индии все кажется нам экзотичным, далеким. И все же культура дравидийцев является чрезвычайно важным фактором в общеиндийской культуре и оставила глубокий след в культуре северной, арийской Индии. Современный индолог не обойдется без изучения дравидийского элемента в культуре Индии и хотя бы поверхностного знакомства с дравидийскими языками. Все более увеличивается число ученых, рассматривающих индийскую культуру как создание не только одного арийского гения, и находящих объяснение для многих своеобразных сторон индийского быта в дравидийских его элементах.

Тамильский язык, являющийся наиболее характерным и разработанным представителем дравидийского семейства языков, на которых говорят свыше 65 миллионов жителей Индии, представляет большой интерес также и для специалиста по сравнительному языковедению. В этом языке имеется целый ряд своеобразных грамматических явлений, знакомство с которыми значительно расширяет кругозор языковеда, обычно ограничивающегося одним индо-европейским семейством.

Наконец, изучение языка и литературы тамильского народа само по себе представляет большой интерес. Дравидийские племена сумели сохранить свою самобытность несмотря на сильнейшее влияние арийской культуры. В особенности это можно сказать про тамилов, создавших большую, во многих отношениях оригинальную, литературу и меньше чем другие дравидийские племена поддавшихся влиянию санскритской литературы и арийской культуры.

Настоящая грамматика тамильского разговорного языка преследует две цели: она должна с одной стороны создать первоначальный грамматический фундамент для желающих практически овладеть современной тамильской речью и изучить изящную, научную и газетную литературу наших дней. Поэтому язык классической литературы приводится лишь в отдельных случаях, как материал для сравнения. Этой чрезвычайно важной области тамильского языка будет посвящена отдельная работа. С другой стороны мне хотелось дать краткое и наглядное аналитическое изложение своеобразного и интересного во многих отношениях строя этого языка, которое было бы полезно для индологов-недравидистов и для языковедов вообще.

Настоящий очерк является не только первой работой по дравидийским языкам на русском языке, но и отличается по способу изложения грамматических фактов от существующих на европейских и индийских языках грамматик тамильского языка. В нем я сделал попытку изложить грамматический материал, исходя из двух основных характерных признаков самого тамильского языка: агглютинативного строя и отсутствия дифференциации между глаголом и существительным. Благодаря последовательно проведенному принципу агглютинации изложение морфологии, в частности образования так наз. глагольных форм, сводится к анализу сравнительно немногих формативных элементов суффиксального типа. Благодаря тому, что так наз. глагол принципиально не отличается от существительного, все учение о фразе, в частности о придаточных предложениях, сводится к ознакомлению с рядом суффиксальных слов и частиц, тех самых, которые употребляются для выражения грамматических функций существительного и прилагательного. Таким образом анализ явлений тамильского языка сводится главным образом к разбору суффиксального материала и его функций. Насколько этот способ изложения дает ясное и наглядное представление о структуре тамильского языка, судить предоставляю читателю.

А. Мерварт.

1 июля 1928 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

I. Введение 13

§ 1. Распространение и происхождение дравидийских языков 13

§ 2. Отдельные дравидийские языки, область их распространения и численность 15

§ 3. Особое значение тамильскогого языка среди дравидийских языков 16

§ 4. Некоторые особености тамильскаго языка 19

II. Фонетика.

§ 5. Звуки и письмо 22

§ 6. Гласные 23

§ 7. Согласные 26

§ 8. Сочетания согласных с гласными 31

§ 9. Некоторые фонетические особенности тамильского языка 32

§ 10. Изменение звуков при сочетании слов (Сандхи). 34

1) Удвоение начального согласного 34

2) Удвоение конечного согласного 36

3) Исчезновение неустойчивого конечного гласного 36

4) Вставление согласных между гласными 36

стр.

5) Слияние гласных 38
6) Уподобление при встрече согласных 38
а) *m* со взрывными 38
б) *ṇ* *ṉ* со взрывными 39
в) *l* *ḷ* со взрывными 39
г) *l* *ḷ* с носовыми 39
д) двойное уподобление 39
е) уподобление носовых друг другу 39
ж) изменение *t* после *ṇ*, *ṉ* 40
з) сложное уподобление 40

III. Морфология.

§ 11. Корни тамильского языка 42
§ 12. Изменение корней 44
а) Чередование однородных кратких и долгих гласных: 45
1) при чередовании аттрибутивного и самостоятельного значения 45
2) при чередовании глагольного и существительного значения 46
3) при чередовании существительного и глагольного значения 47
4) для обозначения времени действия 47
б) Чередование разнородных гласных 47
в) Изменение конечного согласного корня 47
1) удвоение 47
2) изменение под влиянием суффикса 48
3) назализация 48
4) чередование взрывного с носовым 49

стр.

§ 13. Категории формативных суффиксов (с двумя примерными семействами слов) 49
§ 14. Формативный гласный *u* 56
§ 15. Формативные гласные *a* и *ā* 57
§ 16. Формативный гласный *i* 59
§ 17. Формативный гласный *ai* 60
§ 18. Формативные согласные 61
§ 19. Применение формативных гласных и согласных для образования «глагольных» форм: а) *i* и зубной ряд — *t*, *tt*, *nt* 62
§ 20. Применение формативных согласных для образования «глагольных» форм: б) губной и губо-зубной ряд — *p*, *pp*, *v* 68
§ 21. Применение формативных согласных для образования «глагольных» форм: в) задне-небный ряд — *k*, *kk* 70
§ 22. Фонетические изменения при образовании «глагольных» форм 72
§ 23. Закономерность в употреблении формативов трех рядов 74
§ 24. Применение формативного согласного *m* (*um*) для образования прилагательных и «глагольных» форм 80
§ 25. Обозрение форм соответствующих простым временам нашего глагола 82
§ 26. «Глагольные» существительные с формативами: *a*, *ka*, *kka*, образование «страдательного залога» 82
§ 27. Сложные «глагольные» формы 84
§ 28. Суффиксы отрицания *al*, *il* и другие способы выражения отрицания 87

стр.

§ 29. *al* как форматив для образования «глагольных» существительных. 93

§ 30. *ai* и сочетания с *ai* как формативы для образования «глагольных» существительных. 95

§ 31. Сочетания формативных согласных, *t, p, v, c, cc, ñc, ṭ, ṭṭ, ṇṭ, m* и др. с формативными гласными. 97

§ 32. Слоговые формативные суффиксы состоящие из гласного и плавного (*al, ar, il* и т. д). 89

§ 33. Форматив *am*. 100

§ 34. Формативы действующих лиц *aṇ, aḷ, ar* 101

§ 35. Суффиксы множественного числа. 103

§ 36. Суффиксальные слова. 105

§ 37. Удвоение слов и звукоподражание. 106

§ 38. Образование числительных. 109

IV. Синтаксис.

§ 39. Типы предложений. 115

§ 40. Выражение эмоций при помощи восклицаний и междометий. 116

§ 41. Выражение волевых импульсов; приказы и запрещения. 117

§ 42. Представление и его выражение (общие замечания). 120

§ 43. Вопросы. 121

§ 44. Неполные фразы. 123

§ 45. Способы выделения и подчеркивания отдельных частей предложения. 124

§ 46. Способы соединения предложений и отдельных частей предложения. 129

стр.

§ 47. Способы выражения обобщения и отрицания . . 133

§ 48. Основные элементы представления и их выражение в предложении: а) сказуемое. 136

§ 49. Основные элементы представления и их выражение в предложении: б) подлежащее. 145

§ 50. Уточнение представления при помощи аттрибутивных определений. 150

§ 51. Уточнение представления при помощи прямого дополнения. 158

§ 52. Уточнение представления при помощи косвенного дополнения. 162

§ 53. Уточнение представления при помощи определения причины, средства, условий действия. . 168

§ 54. Уточнение представления при помощи определения сопровождающих лиц, предметов, обстоятельств 176

§ 55. Уточнение представления при помощи определения места и времени действия: 179

а) места и времени вообще. 179

б) направления «откуда» и «куда» 183

в) детального указания места и времени, ... 184

1) у которого происходит действие 184

2) около которого происходит действие 185

3) на котором происходит действие. 186

4) под которым » » 187

5) позади и после которого происходит действие . 187

6) перед которым » » . 188

7) до которого » » . 189

8) внутри и вне которого » » . 190

стр.

§ 56. Уточнение представления путем сравнения. . . . 191

§ 57. Примеры современного прозаического стиля. . . 193

§ 58. Заключение: Наиболее характерные черты тамильской грамматики, и их значение для общего языковедения. 221

I.

Введение.

§ 1. Распространение и происхождение дравидийских языков.

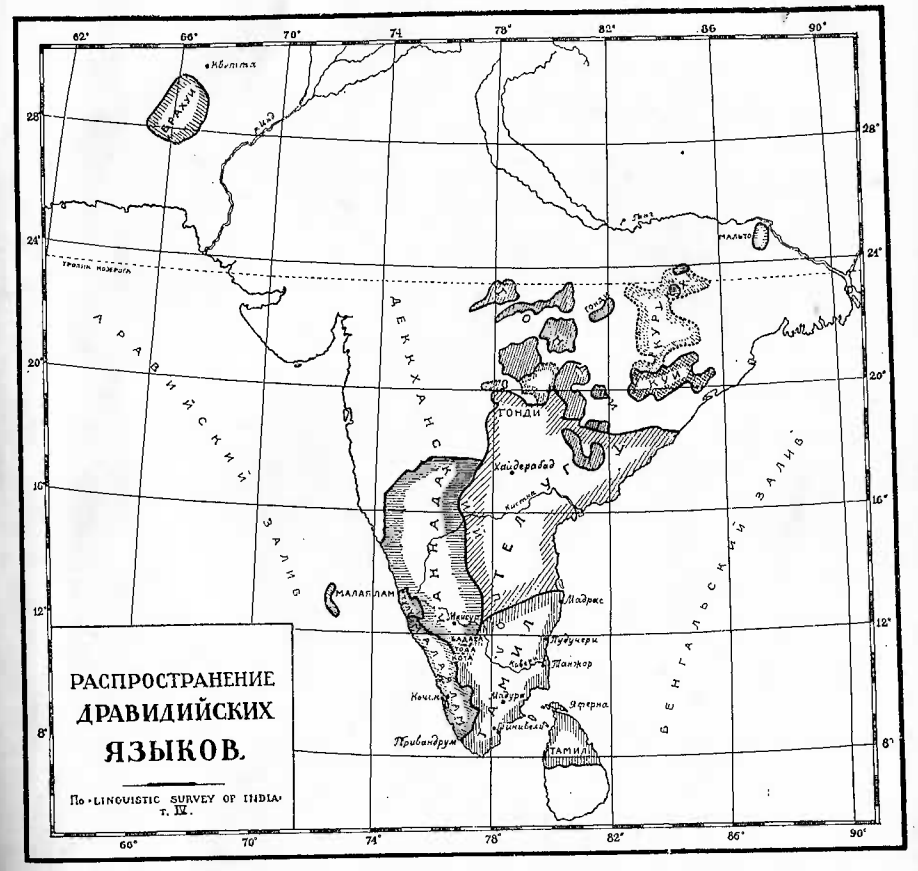
Тамильский язык принадлежит к дравидийскому семейству языков. Область распространения этой группы — южная Индия, так наз. Декканский полуостров. Однако и на северо-востоке и на крайнем северо-западе Индии сохранились небольшие островки дравидийских языков, существование которых свидетельствует о том, что когда-то это семейство имело значительно более широкое распространение, чем теперь. Есть основание думать, что до прихода арийцев — приблизительно во втором тысячелетии до нашей эры — население северной Индии говорило отчасти на дравидийских языках, отчасти на языках семейства Мунда. Появление из Средней Азии арийцев вытеснило дравидийские языки за горную преграду, отделяющую северо-индийскую равнину от Декканского полуострова. На западе арийская волна захлестнула даже часть Декканского полуострова (приблизительно теперешнюю Бомбейскую провинцию), пробираясь к югу по прибрежной полосе, Конкану, и по горам Западных Гхатов. (См. карту).

Дравидийский островок на северо-востоке находится в Раджмахальских горах у самого берега Ганга. Он окружен с одной стороны языками Мунда, с другой — бенгальским языком, т. е. одним из арийских языков. Этот отдаленный осколок является как бы памятником той борьбы, которую вели, и местами еще ведут, между собой эти три главные языковые семейства Индии.

Другой островок, на крайнем северо-западе, язык Брахуй, окружен диалектами языка Балучи, одного из иранских наречий. Наличие этого дравидийского языка, подвергшегося впрочем сильному влиянию иранских языков, на крайнем северо-западе Индии приводится как доказательство того, что дравидийские языки, подобно арийским, были занесены в Индию извне, по всей вероятности с северо-запада.

Вопрос о положении дравидийских языков среди других языковых семейств и об их родственных связях с другими языками пока еще не выяснен, хотя существует ряд предположений: так еще полстолетия тому назад Caldwell, автор первой сравнительной грамматики дравидийских языков, высказал несколько туманную мысль, что дравидийские языки находятся в родстве со «скифскими» языками. Под последними он подразумевает чрезвычайно обширный комплекс языков, в который входят и ряд других языков: тюркские, монгольские и угро-финские. Одновременно с ним известный санскритист и языковед Макс Мюллер поднял вопрос о родстве дравидийских языков с так наз. туранским семейством, под которым подразумевается очень неясно очерченная группа средне-азиатских языков. Недавно германский индолог Шрадер уточнил предположение Калдвелля и привел ряд данных, главным образом словарных, свидетельствующих, по его мнению, о связи дравидийского семейства языков с угро-финским. Было также высказано предположение о связи дравидийской группы с кавказскими языками. С другой стороны, существует теория, которая сближает дравидийские языки с австралийскими. Однако, пока еще мы вынуждены рассматривать дравидийские языки, как самостоятельную группу.[1]

[1] Главные работы по вопросу о родстве дравидийских языков: R. Caldwell, A comparative Grammar of the dravidian or south-indian family of languages 3-d revised ed. London 1913 «скифская» теория. Fr. Misteli, Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaus (Abriss der Sprachwissenschaft 2-er Teil, стр. 390—413) доказывает типологическое родство с урало-алтайской группой (ср. также заключение настоящей грамматики). O. Schrader, Dravidisch und



§ 2. Отдельные дравидийские языки, область их распространения и численность.

В южной Индии, их теперешней области распространения, дравидийские языки распределены следующим образом: 1) В низменностях к западу и к востоку от южно-индийской горной системы, а также на Декканском плоскогорьи, где издавна живет оседлое земледельческое население, создавшее высокую культуру, возникло четыре литературных дравидийских языка: Тамил, Малаялам, Каннада и Телугу (см. карту). Тамил и Малаялам находятся в столь близком родстве друг с другом, что их можно рассматривать, как диалекты одного языка. Тамил является языком жителей «Карнатика», т. е. южной части равнины, расположенной между Восточными Гхатами и Коромандельским берегом. Северная граница этого языка проходит несколько севернее Мадраса, теперешней столицы южной Индии. Частично тамильский язык захватывает и Малабарский берег. Последний в своей средней части является родиной языка Малаялам. Северная часть Карнатика и большая часть Деканского плоскогорья — область языка Телугу. Язык Каннада распространен по южной части плоскогорья с выходом на среднюю часть Малабарского берега. Северная половина западного берега, так наз. Конкан, входит уже в область арийских языков. Число лиц, говорящих на культурных дравидийских языках, достигает 62.000.000, из которых на Телугу приходится 23.500.000, на Тамил—21.000.000 на Каннада — 10.500.000 и на Малаялам — 7.000.000.

Uralisch, Zeitschr. für Indologie und Iranistik III (1925), стр. 81—112 «финно-угорская» теория. Friedr. Müller Grundriss der Sprachwissenschaft II, 1 стр. 95 «австралийская» теория (ср. также Encyclopaedia Britannica (1910) под словом Dravidian) Неубедительная теория о родстве дравидийских языков с корейским: H. B. Hulbert, Comparative Grammar of the korean language and the dravidian family of languages. Seoul, 1906. — G. Hüsing в «Memnon» IV, p. 5 f. высказывается в пользу «кавказской» теории. На основании некоторых данных из области материальной культуры James Hornell, the origins and ethnological significance of indian boat designs. Memoirs of the As. Soc. of Bengal, 1920, vol. VII № 3 pp. 225—226 приходит к предположению о родстве дравидийской культуры с средиземноморской.

2) Другие дравидийские языки не имеют письменности. На них говорят разбросанные по горам и лесам южной и средней Индии дикие и полудикие племена охотников, пастухов и первобытных земледельцев. Есть основание думать, что большинство этих племен до-дравидийского происхождения, и что они заимствовали свой теперешний язык от дравидийцев. В горах южной Индии, в частности на Нильгири, и в их окрестностях живут племена Тода (730 чел.) Кота, (1280 чел.) и Кодагу (43.000 чел.). Единственный язык, не имеющий собственной письменности, несмотря на то, что носители его живут в культурных условиях малабарской низменности, это Тулу (535.000 чел.), к северу от Малаялам и к югу от Каннада.

Дравидийские языки средне-индийских горных лесов следующие: 1) Гонд, на котором говорят свыше полутора миллионов человек, 2) язык Ораон—около 800.000 человек, 3) Кхонд—530.000 человек, 4) Раджмахал — 65.000 чел. и несколько мелких наречий. Кроме этого на языке Брахуй, в Белуджистане, говорят свыше 170.000 человек.

§ 3. Особое значение тамильского языка среди дравидийских языков.

Тамильский язык признается наиболее характерным представителем дравидийского семейства, хотя он по численности стоит на втором месте. Он и получил самую разностороннюю и подробную научную разработку из всех языков этой группы. Причин для этого несколько:

1) Тамилы — самое предприимчивое из южно-индийских племен; они распространились далеко за пределы своей индийской родины. В этом отношении они занимают одно из первых мест среди народов юго-восточной Азии вообще. Достаточно указать на то, что малайские слова *kappal* — «корабль» и *kadei* — «рынок» заимствованы из тамильского языка. Это свидетельствует о древней морской торговле и связи тамилов с островами Малайского архипелага. И сейчас тамильские

рабочие, так же как и тамильские купцы и банкиры, встречаются во всех портовых городах Индийского и Тихого океана, от Капштадта до Гонгконга. На одних Цейлонских чайных плантациях находят заработок около полумиллиона тамильских батраков.

2) На этом языке существует богатая литература, начало которой восходит к первым столетиям нашей эры. Эта литература, правда, состоит отчасти из переделок санскритских сочинений, при чем однако некоторые произведения, как Rāmāyana Kamban'a, не уступают подлинникам по своим литературным достоинствам. Но кроме этого, классическая тамильская литература представлена целым рядом выдающихся оригинальных произведений. Первое место между ними занимает знаменитый сборник стихов о житейской мудрости *Kuṟaḷ* поэта *Tiruvaḷḷuvar;* очень интересны поэтические романы из буддийской и джаинской жизни, как *Maṇimēkalai, Cilappatikkāram* и др.; гимны разных шиваитских поэтов и т. д. Сюда относится также очень интересная философская литература, в особенности из области системы Saivasiddhāntam. Столь же интересна народная литература: пословицы, песни, рассказы, сказки, которые рисуют нам тамила, как умного, не лишенного чувства юмора человека, с деловым и трезвым взглядом на жизнь, одаренного в то же время большой политической и религиозной страстностью. Современная тамильская литература ценна тем, что она отражает передовую социальную, политическую и научную жизнь южной Индии, сосредоточенную в городах Мадрасе и отчасти Мадуре, Танжоре, Яффне.

3) С довольно ранних времен тамильский язык сделался предметом грамматической разработки. Существует ряд древних туземных грамматик, как *Tolkāppiyam,* автором которой считается *Tiraṇatūmakkiṉi* из города *Tolkāppiyakkuṭi* около Мадуры, и *Naṉṉūl,* букв. «хорошее руководство», автором которого является *Pavaṇanti* из города *Caṉakai.* Последнее хорошо издано, Pope'ом с комментариями и другими приложениями.

ИНК СССР
178044

Кроме того европейские ученые изучали тамильский язык и составили грамматики его задолго до появления в Европе грамматик других современных индийских языков и даже санскрита. Это объясняется тем, что миссионерская деятельность, как иезуитов, так и других христианских организаций, была, по политическим причинам, первоначально направлена на южную Индию, и лишь впоследствии перенесена на север. Со времен первого опыта тамильской грамматики, составленной еще в XVII ст. на латинском языке датским ученым миссионером Ziegenbalg и блестящих грамматик разговорного и литературного языка иезуита C. J. Beschius, составленных в начале XVIII ст. и не утративших своего значения до сих пор, появился ряд грамматик на европейских языках.[1] Грамматический материал тамильского языка таким образом излагался и освещался подробно и с разных точек зрения. Понятно поэтому, что характерные явления общедравидийского языковедения иллю-

[1] Наиболее распространенным учебником на английском языке является U. Pope, A Handbook of the ordinary dialect of the Tamil Language, 7-th ed. Oxford, 1911. Это практическое руководство, составленное по системе Ollendorf. Грамматические правила, которые даются без систематического порядка, сопровождаются многочисленными упражнениями. Дополнением к этой грамматике служат хрестоматии того-же автора, изданные под названием Tamil Prose Reading Book, or Companion to the Handbook, in 5 books, Madras 1859 и 1911 г. Из грамматических работ Pope укажу на First lessons in Tamil; A first Catechism of Tamil Grammar; A larger Grammar of the Tamil language, Madras, 1858. Эти три книги излагают грамматику на тамильском языке, основываясь на туземных грамматиках, в частности на Nannūl. Последнюю грамматику Pope сам издал и снабдил объяснениями. Она является превосходным пособием для изучения тонкостей тамильской грамматики, в особенности поэтического языка. Среди многочисленных практических грамматик внимания заслуживают также следующие сочинения: A. H. Arden, A progressive Grammar of common Tamil, Madras and London, 1891 г.; его-же Tamil Reader I, A Companion Reader to Arden's Progressive Tamil Grammar. II, The Pancatantra with notes and translation.

На французском языке вышла работа J. Vinson, Manuel de la langue tamoule (Grammaire, textes, vocabulaire). Paris, Bibliothèque des langues orientales vivantes 1903. Кратким введением служит статья Sten Konov'a о тамильском языке в Linguistic Survey of India, vol IV, p. 302 ff., в которой приводится довольно подробно перечень грамматической, словарной и др. литературы.

стрируются обычно, хотя это и не всегда правильно, примерами из тамильского языка.

4) Основные факты дравидийской грамматики всего яснее выступают именно в тамильском языке. Это объясняется прежде всего тем обстоятельством, что древнейшие памятники дравидийской литературы написаны именно на этом языке. Многие из этих памятников восходят к первым столетиям нашей эры. Язык этих произведений, известный под названием *cen̲ tamil̲*, был впоследствии зафиксирован в грамматиках, точно так же, как это было сделано на севере с санскритом в сочинениях Панини и других. Мы имеем поэтому возможность сопоставить современный разговорный язык с языком, бывшим в употреблении больше тысячи лет тому назад, и установить нечто вроде исторического развития тамильского языка. Правда, это нужно делать с большой осторожностью, принимая во внимание, что *cen̲ tamil̲* до известной степени продукт сознательной грамматической обработки, так же, как санскрит.

§ 4. Некоторые особенности тамильского языка.

Тамильский язык обычно считается трудным языком. Недавно один английский исследователь истории индийской культуры[1] высказал даже предположение, что дравидийцы, несмотря на свое первоначальное культурное превосходство над арийцами, потому так легко отказались от своего языка в пользу арийских наречий, что их языки были неизмеримо труднее, чем языки арийских завоевателей. Последние, живя бок о бок с дравидийцами, будто бы не могли изучать трудные дравидийские языки и заставили поэтому исконных жителей выучить арийские языки. В этом, исторически мало вероятном, предположении отражается конечно прежде всего печальный опыт самого автора, боровшегося без особого успеха с тамильским языком. С другой стороны

[1] Slater, The Dravidian Element in Indian Culture, стр. 17.

нужно сказать, что действительно этот язык имеет целый ряд особенностей, резко отличающих его от близкой к нам группы индоевропейских языков и затрудняющих его понимание и изучение.

В области фонетики нужно отметить ряд звуков, не встречающихся в европейских языках. Так, звук *l* произносится тремя способами, звук *r* двумя способами, звук *t* двумя способами и наконец звук *n* пятью способами. Часто, в особенности в начале, бывает трудно уловить оттенки произношения этих звуков, даже тогда, когда мы сами уже в состоянии произносить их довольно правильно. Но так как основные звуковые комплексы (корни) в тамильском яз., как мы увидим ниже, отличаются часто друг от друга лишь оттенком произношения одного звука, то речь часто делается непонятной для непривычного уха.

Вообще нужно отметить чрезвычайную скудость фонетических средств в тамильском яз. В сравнении с индоевропейскими языками число комбинаций согласных в тамильском языке очень ограничено. Сочетания вроде *kl, kr, ks, tr, tl, ts, pr, pl, pn, ps, st, sp, sk,* и др. не допускаются вовсе, чем значительно уменьшается число возможных звуковых комплексов. В результате получаются группы фонем, чрезвычайно похожих друг на друга, но выражающих совсем различные понятия. В качестве примера привожу группу слов, показывающую, с какой тщательностью нужно произносить и воспринимать тамильские слова, чтобы избегнуть недоразумений:

kaṭu яд, или болеть, как от ядовитого укуса.
katu бородавка, рубец
kāṭu лес, пустыня
kātu ухо
kattu кричать
kāṭṭu показывать
kaṭṭu связывать
kaṭi запах
kaṭṭi кусок, глыба

kāṭi укус
katti нож
kaṭai рынок, конец
kaṭṭai пень, бревно
kāṭai тетерка
katai рассказ
kaṭā козел
kaṭal море
kaṭaṉ долг и т. д.

Действительно, нам, привыкшим к большому богатству и разнообразию фонем, трудно запомнить значение каждой из перечисленных фонем, дающих лишь незначительные зацепки для ассоциативной памяти.

Затруднительным кажется нам также и построение фразы, отличающееся, как мы увидим дальше, коренным образом от индо-европейского типа. Несомненно, что изучающему тамильский язык приходится делать над собой значительное усилие, чтобы освоиться с его своеобразным синтактическим строем.

За то тамильский язык отличается чрезвычайной ясностью морфологии. Элементы, из которых слагаются слова, выделяются отчетливо и почти не сливаются друг с другом. Основной элемент, являющийся носителем значения — так наз. корень — подвергается изменению крайне редко. Формативные элементы никогда не предшествуют корню. Префиксы встречаются исключительно в заимствованных словах. Суффиксами являются или самостоятельные слова, или остатки когда-то самостоятельных слов, потерявших свое самостоятельное значение, или же формативные слоги и звуки. Фонетические изменения, происходящие при их соединении друг с другом и с корнем, очень прозрачны. Для понимания структуры слова, как такового, и его синтактических функций требуется лишь правильное представление о словообразовательных формативах и синтактических суффиксах.

II.

Фонетика.

§ 5. Звуки и письмо.

Как всякий язык, тамильский распадается на много диалектов. Произношение уроженца Мадраса значительно отличается от произношения южанина, например жителя округа Тинивелли. Цейлонский говор также имеет свои особенности. Кроме географического деления играет роль и социальное деление. Последнее особенно важно в Индии, где кастовая рознь затрудняет свободное общение разных групп населения. Наиболее образцовым произношением считается произношение образованных, преимущественно браминских, кругов городов Мадура и Танжор. Оба эти города, в особенности Мадура, давнишние центры тамильской культуры. Правила произношения, даваемые в этой грамматике, основываются поэтому на говоре этой центральной области страны тамилов.

Тамильское письмо развилось из южно-индийской разновидности письма Brahmi (так называемое письмо Cēra, известное по надписям V века н. э.). Возможно, что на него повлияло и так называемое Vaṭeḻuttu, т. е. «старинное письмо», известное нам по памятникам IX столетия н. э. и повидимому, не стоящее в прямой связи с письмом Brahmi. Некоторые знаки для более точной передачи звуков санскритского языка и других иностранных языков (хинди, персидского, арабского, португальского, английского), заимствованы из письма Grantham, употребляемого теперь для передачи языка Малаялам. Тамильский алфавит имеет

значительно меньше знаков, чем другие дравидийские алфавиты (Grantham и Telugu—Kannada) и алфавиты северной Индии. Он имеет 12 знаков для гласных и 18 для согласных. Кроме того есть ряд сокращенных знаков, для выражения огласовки согласных. Пять знаков заимствовано из алфавита Grantham. Незначительное количество знаков для согласных объясняется тем, что каждый ряд (varga) взрывных звуков передается лишь одним знаком против четырех, имеющихся в Grantham, Devanāgari и других индийских алфавитах.

Для передачи тамильских слов латинскими буквами употребляется в настоящей грамматике так называемая графическая транскрипция, применяемая в большом словаре Tamil Lexicon, который издается в настоящее время мадрасским университетом. В этой транскрипции каждому тамильскому знаку соответствует одна латинская буква — в некоторых случаях с диакритическим знаком — независимо от произношения знака в данном месте слова или фразы. При чтении слов и текстов, передаваемых этой транскрипцией, нужно поэтому всегда иметь в виду правила произношения. Эта транскрипция удобна прежде всего своей простотой. Кроме того в ней морфологическая картина слов выступает более отчетливо, чем в фонетической транскрипции, которая к тому же никогда не может дать вполне точной картины действительного произношения.

§ 6. Гласные.

அ *a* ஆ *ā* இ *i* ஈ *ī* உ *u* ஊ *ū*

எ *e* ஏ *ē* ஐ *ai* ஒ *o* ஓ *ō* ஔ *au*

Произношение гласного зависит от того места, которое он занимает в слове. Он произносится одним способом, когда на него падает ударение слова, иным способом, когда он произносится со слабым (вторичным) ударением или же без ударения. Боль-

шую роль для произношения гласных играют также предшествующие им, и следующие за ними согласные. Положение органа речи необходимое для произношения согласного не меняется с достаточной быстротой для произнесения гласного, и поэтому оттенок произношения согласного передается, хотя бы частично, гласному. В то же самое время орган речи приготовляется во время произнесения гласного к произнесению следующего согласного, что также не остается без влияния на оттенок произношения гласного.

Вышеприведенные знаки служат для передачи гласных в начале слова. (О знаках для огласовок, т. е. гласных следующих за согласными, см. ниже § 8).

О произношении отдельных гласных здесь могут быть даны только приблизительные указания. Точную картину произношения можно получить только слушая живую речь.

a: краткий звук, произносится под ударением как «*а*» в слове «так», напр. *álla* áлла «нет».

в неударяемых слогах, перед звуками *ṉ, ḷ, r, m, l, ḻ, ṇ* произносится, как нечто среднее между «*а* — *о* — *е*».

Этот звук напоминает скорее всего немецкое *ö* (французское *eu* или английское *u* в слове *sun*).

Например *ávaṉ* авöн — «он»; *máram* марöм — «дерево».

ā: долгий звук, произносится как «*а*» в слове «бабы», например *ām* ам — «да».

i, ī: краткий и долгий звук. Они обычно произносятся как «и» в словах «блин» или «нива». Однако, перед согласными передне-небного ряда (см. § 7) *ṭ, ṇ, ḷ,* а также перед специфически тамильским *ḻ* (см. § 7) эти звуки произносятся ближе всего к русскому «ы».

Напр. *palavita* палавида — «многообразный», *vīti* вйди — «дорога». но: *viṭu* выду — «покинь» *vīṭu* вы́ду — «дом».

Поэтому туземное название тамильского языка *tamiḻ* произносится «тамыль». [Этим объясняется, что французы пишут «tam*ou*l»].

u: краткий звук, произносится под ударением как «у» в слове «лук». В неударяемых (суффиксальных) слогах произношение этого звука походит ближе всего на наше «ы» напр. *ávan-ukku* áвöныккы — «ему». После слога с *i* этот звук произносится почти как *i*, напр. *pūmi-kku* — «земле» — произносится почти как «пумикки» (это явление напоминает известную по тюркским языкам *гармонию гласных*).

ū: долгий звук, произносится как «*у*» в слове «шкура», напр., *ūr* ўр — «город», «деревня».

e, ē: краткий и долгий звук, произносится обычно как «*е*» в словах «ел» и «вера». С русским «е» этот звук разделяет ту особенность, что он вначале слова произносится с йотизацией, напр. *évaṉ*-евöн — «кто». Перед согласными передне-небного ряда произношение этих звуков становится похожим на немецкое — «*ö*»; напр. *vēlai* вēлай — «работа», но *vēḷai* вöлай — «время» *péru* перу — «большой», но *peṇ* пöн — «женщина».

ai: этот дифтонг имеет двойное произношение в зависимости от ударяемости. Под ударением он произносится приблизительно как русское «ай» в слове «май», только несколько более закрыто. Напр. *vaikka* вайкка — «класть». Без ударения произношение подходит ближе к русскому «ей» в слове «лей». Напр. *vilai*-вилей — «цена».

o, ō: краткий и долгий звук, произносятся как соответствующие звуки в русских словах «вот» и «вор». Напр. *oru*-ору «один»; *tōṭṭam*-тоттам «сад».

au: очень редкий звук, встречающийся исключительно в заимствованных словах. Он произносится как немецкое *au* в Haus — *maunam*-маунам «молчание».

§ 7. Согласные.

	I				II				III	
1.	க்	*ka*	ங்	*ṅ*	ய்	*y*	வ்	*v*	ஜ்	*j*
2.	ச்	*ca*	ஞ்	*ñ*	ர்	*r*	ல்	*l*	ஷ்	*š*
3.	ட்	*ṭa*	ண்	*ṇ*	ற்	*ṟ*	ள்	*ḷ*	க்ஷ்	*kš*
4.	த்	*ta*	ந்	*n*	ன்	*ṉ*	ழ்	*ḻ*	ஸ்	*s*
5.	ப்	*pa*	ம்	*m*					ஹ்	*h*

Для обозначения согласных тамильский алфавит имеет 18 знаков, к которым прибавляются 5 знаков из алфавита Grantham. Точно так-же, как в северо-индийских алфавитах, каждый знак выражает вместе с согласным звуком и огласовку *a*. Тамильское письмо принадлежит следовательно, как все индийские письмена, к *слоговому* типу. В тех случаях, когда нужно указать, что согласный произносится без огласовки, над знаком ставится точка или маленький кружок, так называемый *pulli* (см. таблицу).

Как видно, таблица согласных разделена на три группы. В первой группе десять знаков, разделенных на пять разрядов по два знака в каждом, при чем каждый ряд содержит по одному взрывному и по одному соответствующему носовому звуку. По примеру санскритского алфавита devanāgarī, порядок звуков этой первой группы основан на физиологическом принципе. Он соответствует порядку тех мест в органе нашей речи, на которых происходит произнесение этих десяти согласных. Мест этих пять: 1) задняя часть неба и задняя часть языка. Звук производится прижатием друг к другу этих двух органов и взрывом этого запора напором тока воздуха из легких. При поднятии завесы, разделяющей полости носа и рта получается соответствующий носовой звук. 2) Средняя часть неба и передняя часть языка. 3) Передняя

часть неба (место несколько выше десен передних зубов) и кончик языка. 4) Верхние зубы и кончик языка. 5) Обе губы. Мы получаем таким образом следующие пять категорий взрывных и носовых согласных: 1) Задне-небные *k* — *ṅ* 2) средне-небные *c* — *ñ* 3) передне-небные *ṭ* — *ṇ* 4) зубные *t* — *n* 5) губные *p* — *m*.

Важную роль при дифференциации согласных играют голосовые связки. Они при произношении бывают или натянуты, или опущены. В первом случае связки сближены друг с другом и приходят в колебание от тока воздуха, звеня подобно струнам или барабанной перепонке. Произносимые таким образом согласные называются звонкими. Когда же связки ослаблены, они отдалены друг от друга, и ток воздуха проходит через голосовую щель не приводя их в вибрацию. Получаются таким образом глухие согласные. Носовые звуки все бывают звонкими, точно так-же плавные звуки *(r, ṟ, l, ḷ, ḻ)*, гласные и полугласные *(y, v)*.

Из вышеприведенной таблицы видно, что тамильский алфавит имеет только по одному знаку для всех оттенков взрывных [глухих, звонких и придыхательных]. Получается впечатление, что тамильская речь обладает только одним видом взрывных. Это однако не так. Каждый знак взрывного имеет двоякое звуковое содержание, в зависимости от своего окружения. Так например, в слове *putu* «новый» *p* произносится глухо, как русское «п», в то время, как *t* произносится звонко, как «д» (пуду). Точно так-же в слове *pāmpu* «змея» начальное *p* произносится глухо, а второе, следующее за *m*, — звонко. Знак *ṭ* в слове *kāṭu* «лес» произносится звонко, но глухо в слове *kāṭṭu* «лесной». В виде общего правила можно сказать, что взрывные произносятся всегда глухо в начале слова, в середине же слова лишь тогда, когда им предшествует другой взрывной, в частности когда они удваиваются. Они произносятся звонко, когда они окружены звонкими звуками, т. е. гласными, полугласными, носовыми и плавными. Очевидно, напряженность голосовых связок, образовавшаяся для произнесения этих четырех категорий

первичных звонких, остается и при произнесении следующего за ними взрывного, которому в свою очередь таким образом передается звонкое произношение. Некоторое исключение из этого общего правила составляет только второй ряд.

k: как глухой звук, соответствует русскому «к» в слове «кот». При звонком произношении он имеет два оттенка: 1) как «г» типа английского *g* в слове *long,* после носового своего ряда, 2) как *h* (украинское «г») во всех других случаях, в частности между гласными.

ṅ: задне-небный носовой звук. Он встречается только перед *k* и произносится как гортанное *n* в языках германской группы *(long, gieng, konung).*

c: произношение этого звука находится в зависимости не только от его места в слове, но и от других условий, как каста и местность, к которым принадлежат говорящие, а также от происхождения самого слова. В начале слова этот звук произносится в чисто тамильских словах 1) как санскритское *š* в *šāstram* (браминское произношение) 2) как русское «с» — это произношение свойственно низким кастам и довольно распрастронено на о. Цейлоне 3) как «чь» в говоре средних каст — веллāлар и др. — мадурской области. Подобное разногласие в произношении этого звука мы находим и в романских языках: ср. Caesar др. лат. Кезар, ит. Чезаре, фр. Сезар, средневек. лат. Цезар].

При удвоении и после взрывного *ṭ* и *ṟ* оно произносится всегда как «чь», напр. *kāṭci* кāтчьи «зрение». После носового получается звонкий оттенок произношения: *koñcam* коньджам (итальянское *j*). Между гласными этот звук обычно произносится как *š*, напр. *mēcai* мēшей (палатальное ш) «стол».

ñ: встречается преимущественно перед с: *añci*-аньджу (палатальное произношение); иногда как «н» в слове «няня». *ñānam*-нянам «знание».

ṭ: этот передне-небный звук произносится глухо или звонко в зависимости от его положения в слове. Произношение его не имеет параллели в русском языке. Ближе всего подходит произношение английского *t* в словах *time, dean.*

ṇ: соответствующий *ṭ* носовой звук, произносится с тем же укладом органа речи, т. е. с прижатием кончика языка к передней части неба.

t: зубной звук, произносится как русское «т» или «д» (еще лучше как звонкое английское *th*).

n: произносится, как русское «н».

p: губной звук, произносится, как русское «п» или «б».

m: произносится, как русское «м».

Вторая группа содержит 8 знаков. Из них два, *y* и *v* называются полугласными; пять знаков передают так называемые плавные звуки *r, l, ḷ, ḻ, ṟ;* последний знак выражает носовой звук *ṉ*.

1) Полугласные *y* и *v*. Первый относится к гласному *i* точно так-же, как «й» к «и». Он встречается или после гласного (напр. *cey* чей — «делай») или перед гласными (*yōkam* йогам «созерцание»). Очень важна роль этого полугласного при соединении слов. (См. ниже § 10).

Полугласный *v* произносится, как русское губо-зубное «в» в слове «дева». Он рассматривается, как слабая (согласная) форма гласного *u*, и употребляется также при соединении слов (см. § 10).

2) Плавные *r, l, ḷ, ḻ, ṟ*. Из них зубные *r* и *l* не представляют особого затруднения. *r* произносится приблизительно как «р» в слове «вор», а *l* как русское «мягкое» «л» в слове «лью».

Другие три плавные звука *ḷ, ḻ, ṟ* представляют, однако, значительные затруднения для иностранца. Это типичные дравидийские звуки, придающие этому семейству языков его своеобразную звуковую окраску.

а) *ḷ* относится к тому-же передне-небному ряду, как *ṭ* и *ṇ*, с которыми, как видно из §§ 10 и 12, он и чередуется в известных случаях. Он произносится, следовательно, с прижатием кончика языка к передней части неба, при чем ток воздуха проходит по обеим сторонам языка.

б) *ḻ* еще более своеобразный звук. Он даже в тамильском языке не везде выгораривается чисто. Правильно произносят его только в средней области (Мадура и Танжор); в Мадрасе его заменяют звуком *y*, а на юге (Тиннивели) передненебным *ḷ*. Для правильного его произношения нужно поднять кончик языка кверху и как можно дальше назад, и при этом постараться произнести звук средний между «л» и «р» с примесью звука «ж». Заранее предупреждаю, что этот звук редко удается не-тамилу. Интересно отметить что гласное *ṛ* санскритского языка часто передается слогом *iḻ;* напр. *amṛtam : amiḻtam* «питье богов».

в) *ṟ* произносится скорее как немецкое *r* (Herren). В тех случаях, когда оно следует за носовым звуком *ṉ*, оно произносится «др» точно также, как слово «нравится» часто произносится «ндравится». Перед взрывными согласными, в частности перед *k* и *p* оно многими произносится как «т». При удвоении оно всегда произносится как «тт».

ṉ. Носовой звук *ṉ* по своему произношению нисколько не отличается от *n* (зубного). Разница лишь в том, что *ṉ* никогда не пишется в начале слова, а *n* никогда не пишется в конце. Кроме того перед *r* всегда требуется в качестве носового *ṉ*.

Этих 18 знаков достаточно для передачи согласных чисто тамильских слов. Ими же можно передавать и слова заимствованные из других языков, в частности из санскрита. В таком случае *c* заменяет санскритские звуки *c, j, ch, jh, š, s kš; k* заменяет санскритское *h* и т. д. При такой передаче часто заимствованные слова искажаются до неузнаваемости, напр. слово *sākši* «свидетель» превращается в *cāṭci* и т. д. Поэтому для более точной передачи заимствованных слов употребляются указанные

в третьей группе пять знаков, взятых из алфавита grantham, в частности:

j соответствует	санскритскому		ज
š	»	»	श
kš	»	»	क्ष
s	»	»	स
h	»	»	ह

Однако при употреблении этих пяти знаков далеко не достигается точная передача звуков санскритского языка, прежде всего потому, что в тамильском языке совершенно отсутствует категория придыхательных, а также ввиду того, что произношение взрывных в тамильском языке ввиду вышеизложенного правила о глухих и звонких звуках совершенно не соответствует санскритскому произношению. Напр. санскритское слово *dantam* «зуб» произносится по тамильски «тандам», а пишется *tantam*. *Damayanti* > *Tamayanti* произн. Тамаянди. *Agni* > *akkiṉi* произн. аккини (огонь). Вообще требуется некоторый опыт, чтобы узнавать санскритские слова, написанные тамильским шрифтом.

Указания о произношении, данные здесь, могут конечно служить лишь приблизительным руководством. Для того, чтобы вполне овладеть произношением необходима постоянная практика под руководством учителя-тамила.

§ 8. Сочетание согласных с гласными.

Когда за согласными следует гласный — кроме краткого *a* — то он выражается сокращенным знаком, который соединяется со знаком согласного наиболее удобным способом. Чаще всего сокращенный знак представляет собой какую-нибудь характерную черту полного знака. Этот способ передачи огласовки перешел к тамилам вместе с северо-индийским алфавитом. Особое внимание следует обратить на те случаи, когда знак огласовки ставится перед знаком согласного, к которому он относится, (так пишется *e, ē, ai*), или когда знак огласовки пишется частью

перед знаком согласного, частью после него (так пишутся *o*, *ō*, *au*). См. таблицу.

§ 9. Некоторые фонетические особенности тамильского языка.

На морфологическую картину тамильского языка сильное влияние оказывает ряд фонетических особенностей, из которых наиболее важные следующие: 1) Слова тамильского происхождения могут начинаться только со следующих звуков: а) гласных, и б) согласных *k, c, ñ, t, n, p, m, y, v*.

Следовательно из числа начальных звуков совершенно исключаются: *ṅ, ṭ, ṇ, l, r, ḷ, ḻ, ṟ, ṉ*. Лишь в крайне редких случаях — только в заимствованных словах — *l* и *r* могут стоять в начале слова. Когда иностранное слово начинается с *l* или *r*, то требуется приставка гласного, обычно *a* или *i* или *u*. Напр. *skr*.

rājā «царь» > *i-rājaṉ* или *a-racaṉ*
lōka «мир», «люди» > *u-lōkam* или *u-laku*
Laṅka «Цейлон» > *I-laṅka*

[подобное явление наблюдается и в баскском языке, где латинское слово *reg-e* превращается в *errege* — «царь». Сюда может быть, относится и греческое *o-reg-o* против латинского и обще-индо-европейского корня *reg* «править»]. Только в сильно санскритизированных сочинениях встречаются формы как *rājan, lōkam, Laṅka*.

2) С другой стороны слова могут оканчиваться только на следующие звуки: а) гласные и б) *m, ṇ, ṉ, l, ḷ, ḻ, r, y*. В конце слова никогда не встречаются взрывные, а лишь носовые, плавные и полугласный *y*.

3) Как было уже указано в введении, число звуковых комбинаций в тамильском языке чрезвычайно ограничено. Совершенно не встречаются например соединения взрывного с плавным или носовым — *tr, pr, kr, kl, pl, kn, dn* и т. д., которые так характерны для индо-европейских языков. Также отсутствуют сочетания

ГЛАСНЫЙ	*ā*	*i*	*ī*	*u*	*ū*	*e*
ПОЛНЫЙ ЗНАК	ஆ	இ	ஈ	உ	ஊ	எ
ЗНАК ОГЛАСОВКИ.	ா, ◌	◌ி	◌ீ	◌ு	◌ூ	◌ெ
k க	கா	கி	கீ	கு	கூ	கெ
c ச	சா	சி	சீ	சு	சூ	செ
ñ ஞ	ஞா	ஞி	ஞீ	ஞு	ஞூ	ஞெ
ṭ ட	டா	டி	டீ	டு	டூ	டெ
ṇ ண	ணா	ணி	ணீ	ணு	ணூ	ணெ
t த	தா	தி	தீ	து	தூ	தெ
n ந	நா	நி	நீ	நு	நூ	நெ
p ப	பா	பி	பீ	பு	பூ	பெ
m ம	மா	மி	மீ	மு	மூ	மெ
y ய	யா	யி	யீ	யு	யூ	யெ
r ற	றா	றி	றீ	று	றூ	றெ
l ல	லா	லி	லீ	லு	லூ	லெ
ḻ ழ	ழா	ழி	ழீ	ழு	ழூ	ழெ
v வ	வா	வி	வீ	வு	வூ	வெ
ḷ ள	ளா	ளி	ளீ	ளு	ளூ	ளெ

ē	ai	o	ō	au	
ஏ	ஐ	ஓ	ஓ	ஔ	
ே	ை	ொ	ோ	ௌ	
கே	கை	கொ	கோ	கௌ	k
சே	சை	சொ	சோ	சௌ	c
ஞே	ஞை	ஞொ	ஞோ	ஞௌ	ñ
டே	டை	டொ	டோ	டௌ	ṭ
ணே	ணை	ணொ	ணோ	ணௌ	ṇ
தே	தை	தொ	தோ	தௌ	t
நே	நை	நொ	நோ	நௌ	n
பே	பை	பொ	போ	பௌ	p
மே	மை	மொ	மோ	மௌ	m
யே	யை	யொ	யோ	யௌ	y
ரே	ரை	ரொ	ரோ	ரௌ	r
லே	லை	லொ	லோ	லௌ	l
ழே	ழை	ழொ	ழோ	ழௌ	ḷ
வே	வை	வொ	வோ	வௌ	v
ளே	ளை	ளொ	ளோ	ளௌ	ḷ

тания сибилянтов *(s, š, sh)* с *k, p, t, ṭ, n, m, f, l* и т. д. Правда, иногда в санскритских и других заимствованиях сохраняется такое не-тамильское сочетание согласных. Но это происходит только в сочинениях научного и поэтического характера. Разговорный язык избегает их. В таких случаях между двумя согласными этих сочетаний вставляется гласный, (чаще всего *i*) или же происходит уподобление. Напр.

скр.	там.	
klēšam	*kilēcam*	беда
grāmam	*kirāmam*	деревня
brāhmaṇa	*pirāmaṇaṉ*	брахман
snānam	*cināṉam*	купание
pustakam	*puttakam*	книга.

(Это характерное для дравидийских языков явление распространялось также на пракриты и на современные арийские диалекты. Ср. k*i*lēsa, s*i*nēha, rat*a*na, p*a*rāṇa, b*a*rāmhaṇa и др.).[1]

4) Следующие комбинации согласных типичны для тамильских слов.

а) удвоение: *peṭṭi*-«коробка»; *tirupp*u «возвращать»
aṭakku «прижимать»; *ciṉṉa* «маленький»

б) носовой звук со своим взрывным: *aṅke* «там»; *koñcam* «немного»; *iraṇṭu* «два»; *vantāṉ* «он пришел»; *irumpu* «железо»; *oṉṟu* «один».

в) плавные *r, ḷ* и полугласный *y* со взрывным. Напр. *vāḷkai* «благосостояние»; *varttakaṉ* «купец», *ceytāṉ* «он делал».

г) *ṭ, ṟ* со взрывными *k, c, p*: *kēṭ-pu* вопрос
kāṭ-ci зрение
niṟ-ka стоять.

Эти последние и некоторые другие комбинации происходят обычно при сочетании слов (см. ниже).

[1] Suniti Kumar Chatterji в своей книге «The Origin and Development of the Bengali language предполагает не без основания, что это явление в арийских пракритах находится в связи с распространением арийских языков на большие области с дравидийским населением. Том I, стр. 170 ff.

§ 10. Изменения звуков при сочетании. (Sandhi).

Звуки живой речи никогда не произносятся отдельно, а всегда в сочетании с другими звуками, и мы наблюдаем, что конечные и начальные звуки сочетаемых слов влияют друг на друга так-же, как это происходит со звуками внутри слова. И в русском языке происходит это явление, хотя оно не всегда находит выражение в письме. Так например «з» произносится глухо в сочетании «без тебя», но звонко в сочетании «без меня». В некоторых случаях это отражается и в письме. Мы пишем «возлияние», но «востребование».

В тамильском языке, ввиду его агглютинативного строя, не существует между словами и формативными или синтактическими суффиксами той разницы как во флективных языках. Слова и даже комбинации слов имеющих каждое самостоятельное значение употребляются как суффиксы. Например слово *il* означает «дом» или «место»; в то же время оно употребляется как суффикс для выражения места. Сочетание *il-iruntu* значит буквально «побыв на месте» и употребляется, как суффикс с аблативным значением (вопрос «откуда?») Таким образом несколько слов вместе образуют одно синтактическое целое, которое во флективных языках выражается словом с падежным окончанием. По примеру таких сочетаний и другие группы слов образующие одно логическое, хотя несколько расширенное, целое, как существительное со своими прилагательными или сказуемое со своими дополнениями и определениями, рассматриваются как одно слово. Те же самые фонетические правила, которые применяются при сочетании слова с разными суффиксами — словообразовательными и синтактическими — вступают в силу, хотя, не с той-же строгостью, при соединении отдельных слов предложения в одну логическую группу. Звуковые изменения происходящие при таких сочетаниях следующие:

1) *Удвоение начального согласного.* Когда первое слово оканчивается на гласный, или же на звонкий согласный *y*, а второе

слово, образующее с первым одно логическое целое, начинается с согласного *k, c, t, p,* то этот последний звук попадает как бы в положение согласного, находящегося между двумя звонкими звуками (см. выше § 7), вследствие чего он должен был бы произноситься так-же звонко. Для сохранения первоначального глухого произношения, без которого затруднялось бы точное понимание смысла, начальный согласный удваивается.[1] Напр. *nalla(p) paiyaṉ* «хороший мальчик», *itu(c) cey* «сделай это», *avaṉai(k) kaṇṭēṉ* «я его видел», *ippoḻutu(p) pō* «иди теперь», *tāy-k-ku* «матери».

Это удвоение начального согласного — характерный признак тамильской письменности. В устной разговорной речи оно не чувствуется как удвоение, а лишь как подчеркнуго глухое произношение.

Из многочисленных случаев удвоения начального согласного следует выделить сочетания с указательными словами *i* «этот», *a* «тот» и с вопросительным словом *e* «который?» Многие из этих сочетаний приобрели характер наречий, в которых оба слова слились в одно неразрывное целое. Напр. от *paṭi* «способ»:

i-p-paṭi этаким способом, этак,
a-p-paṭi таким способом, так,
e-p-paṭi каким способом? как?

от *poḻutu* «время»;	*i-p-poḻutu*	в это время, теперь, сейчас
	i-p-pōtu	
	i-p-pō	(грубая форма)
	a-p-poḻutu	в то время, тогда, потом
	a-p-pōtu	
	a-p-pō	(грубая форма)
	ē-p-poḻutu	в какое время? когда?
	e-p-pōtu	
	e-p-pō	(грубая форма)

[1] В языке Телугу происходит обратное явление: начальный согласный произносится в таких случаях звонко и пишется соответственно.

от *tanai* «количество», «мера»:

i-t-tanai этакое количество, вот столько
a-t-tanai такое количество, столько
e-t-tanai какое количество? сколько?

Эти три слова *i*, *a*, *e*, приставляются с указательным и вопросительным значением к любому существительному, причем каждый раз удваивается начальный взрывной гласный, напр. *i-p-pillai* «этот ребенок» *a-k-kāṭu* «тот лес». По аналогии со словами, начинающимися с глухого согласного, удваивается при таких сочетаниях начальный согласный и тогда, когда он принадлежит к звонкой категории. Напр. *i-v-vīṭu* «этот дом», *a-m-maram* «то дерево».

2) *Удвоение конечного согласного.* Когда слово состоящее из одного *краткого* слога и оканчивающееся на согласный сочетается со словом начинающимся с гласного, то удваивается конечный согласный первого слова. Напр.:

maṇ «земля», *maṇ-ṇ-āl* «землею», *maṇ-ṇ-illai* «земли нет».

3) *Исчезновение неустойчивого конечного гласного.* Многие тамильские слова оканчиваются на гласный звук, который пишется *u* и выговаривается довольно неясно, как нечто среднее между «ы» и «у». Как мы увидим ниже (§ 14), этот звук возникает и исчезает при определенных фонетических условиях. (Некоторую параллель представляет др.-слав. ъ напр. в «сынъ» или французское *e muet*). Тамильское «неустойчивое *u*», как мы будем называть этот звук, в конце слова исчезает перед начальным гласным следующего слова. Напр.: *kāt-u* «ухо», *kāt'-il* «в ухе», *it-u* «это» *it' enna*? «это что?».

4) *Вставление согласного между гласными.* Когда конечный гласный слова — кроме неустойчивого *u* — встречается с начальным гласным следующего слова, то происходит так называемое зияние (hiatus). Во избежание этого, вставляется между двумя гласными полугласный *y* или *v*. При этом выбирается тот полугласный, который по своему характеру ближе к конечному гласному. Если напр. первое слово оканчивается на *i*, *ī* или на *ai*, то совершенно естественно соединить его со следующим гласным при помощи полугласного *y*. Напр. *vali* «путь»: *vali-y-āl* «путем» *vali-y-illai* «нет пути», *pillai* «ребенок» *pillai-y-ōṭu* «с ребенком». С другой стороны, если конечный гласный *u*, *ū*, то естественно соединить его с другим гласным посредством полугласного *v*. Напр. *pasu* «корова»: *pasu-v-ai* «корову» *pasu-v-uṇṭu* «есть корова». В группу гласных, соединяемых посредством *v*, включаются также *o*, *ō*, *au*, *a*, *ā*. Напр. *kō* «царь», «бог», *kō-v-il* «дом бога» или «храм»; *nāṉ pōka-v-illai* «я не пошел», *kaṭā-v-iṉ* «самца».

Гласный *e*, *ē* соединяется посредством *v* или *y*.

Из многочисленных случаев этого способа соединения выделяем сочетание слов указательных и вопросительных *i*, *a*, *e* со словами — принявшими теперь характер словообразовательных суффиксов — *aṉ (āṉ)* «мужчина» *aḷ (āḷ)* «женщина» *ar (ār)* «люди» и *ar-kaḷ* «люди» [с прибавлением суфф. мн. ч. *kaḷ*]. *a-v-aṉ* «тот мужчина» или «он» [эти сочетания с *-a-* употребляются как местоимение третьего лица] *a-v-aḷ* «та женщина», «она» *a-v-ar* «те люди», «они». Часто *a-v-ar* употребляется со значением «он» когда речь идет о лице особенно почтенном. (Ср. такую-же привычку русского простонародья) *a-v-ar-kaḷ* «они», «те люди». Точно так-же образуются *e-v-aṉ* «кто?» (мужский род) *e-v-aḷ* «кто?» (женский род) *e-v-ar* «кто?» (мн. ч. или почтит. форма) наряду: с *evar* существует *ya-v-ar*. Путем сокращения образуется от *ya-v-ar*: *yār* «кто?», а с потерей йотизации *ār*.

По аналогии с только что приведенными двумя типами сочетания указательное слово *i* соединяется с этими тремя суффиксами также посредством *v* вместо ожидаемого *y*: *i-v-aṉ* «этот мужчина» *i-v-aḷ* «эта женщина» *i-v-ar* «эти люди» или «это почтенное лицо», *i-v-ar-kaḷ* «эти люди».

В некоторых случаях сочетаний с *a*, *i*, *e*, звук, вставляемый для соединения, удваивается. Напр.: *i-vv-aḷavu* «столько» («эта-

кая мера»), *a-vv-aḷavu* «столько» («такая мера»), *e-vv-aḷavu* «сколько»? («какая мера»?). Здесь, по всей вероятности, удвоению звука содействовал образец слов вроде *ippaṭi, ivvīṭu* и т. д. Но и в других случаях *v* имеет склонность к удвоению, в особенности когда первое слово состоит из одного краткого гласного. Так напр. от *o* «соответствовать» образуется путем присоединения двух суффиксов *ā* и *tu: o-vv-ā-tu* «не соответствует», «невозможно». Точно так-же *o-vv-oru* от *o + oru* «каждый в отдельности», причем *o* является сокращенной, а *oru* полной формой числительного 1 (один).

В целом ряде случаев в качестве соединительного согласного употребляется *ṉ*. Особенно важную роль играет *ṉ* при образовании отглагольных прилагательных. Напр.:

pēcī-ṉ-a «говоривший» *vanta-ṉ-a* «пришедшие» (или «они пришли» сред. род). *vanta-ṉ-aṉ* вместо *vanta-v-aṉ* «пришедший».

5) Сравнительно редко в чисто тамильских словах употребляется при сочетании слов *слияние* последнего гласного с тем-же начальным гласным второго слова. Напр. *aṭā* и *appā* соединяются в одно восклицание *aṭāppā* «ой батюшки». Большую роль в словообразовании играет слияние вышеуказанных суффиксов *aṉ, aḷ, ar, arkaḷ* с прилагательными действия (причастиями), оканчивающимися на *a*. Напр. *ceyta-aṉ: ceytāṉ* «он сделал» (см. ниже § 19). Часто этот способ употребляется в словах заимствованных из санскрита: *ciṅkācaṉam* < *ciṅka + ācaṉam*.

6) *Уподобление при встрече согласных.* Когда первое слово оканчивается на согласный, а второе слово начинается с согласного, то замечается стремление смягчить разницу в произношении этих двух согласных. Достигается это разными путями:

а) Если в конце первого слова находится носовой *губного* ряда *-m-* он переходит в ряд того согласного, с которого начинается второе слово.

maram + kaḷ	(суф. мн. ч.)	> *maraṅkaḷ*	деревья
paṇam + koṭu		> *paṇaṅ koṭu*	дай денег
cattiyam + collu		> *cattiyaṅ collu*	говори правду
paṇam + tantāṉ		> *paṇan tantāṉ*	он дал денег.

б) Остальные носовые, которые могут стоять в конце слова, т. е. *ṇ* и *ṉ*, переходят при сочетаниях с *k, c, t, p* часто во взрывной согласный своего ряда: *ṭ* и *ṟ* (о произношении *ṟ* в этом положении см. выше § 6).

kāṇ + ci > *kāṭci* зрение
poṉ + peṭṭi > *poṟpeṭṭi* золотая коробка.

в) Этим же способом изменяются и конечные плавные звуки *l* и *ḷ*. Первый переходит в *ṟ* второй в *ṭ*. *naḷ + pu* > *naṭpu* «дружба» *nāl + kālai* > *nāṟkālai* «стул» (4-х ногий).

г) В тех случаях, когда первое слово оканчивается на плавный *l* и *ḷ*, а второе слово начинается с носового, то конечный звук первого слова превращается в соответствующий носовой: *l* в *ṉ*, *ḷ* в *ṇ*. *nal + mai* > *naṉmai* «доброта» *veḷ + ney* > *veṇṇey* «масло» *uḷmai* > *uṇmai* «сущность».

д) При встрече двух согласных происходит часто двойное уподобление, т. е. измененный под влиянием своего соседа гласный уподобляет себе в свою очередь своего соседа. Напр. при сочетании слова *kaṭal* «море» со словом *tirai* «берег» получается (согласно правила *в*) *kaṭaṟ-tirai*. Полученное таким образом конечное *ṟ* уподобляет себе начальное *t* и мы получаем в конечном результате *kaṭaṟṟirai* «морской берег». Точно так-же обстоит дело, когда второе слово начинается с носового:

nal-nūl > **naṉ-nūl* > *naṉṉūl* «хороший учебник».

Иногда происходит упрощение полученной путем такого уподобления формы:

nāḷ-tōrum > **nāṭṭōrum* > *nāṭōrum* «каждый день».

е) При встрече конечных и начальных носовых звуков могут произойти разного рода уподобления: если первое слово оканчи-

вается на *m*, а второе начинается на *n*, то *m* часто переходит в *n*. Если же слово оканчивается на *ṇ* или *ṉ*, а второе слово начинается с *n*, то происходит обратное явление: начальное *n* принимает звуковую окраску конечного звука первого слова:

taṉ nāṭu > *taṉ-ṉāṭu* своя страна
kaṇ-nīr > *kaṇṇīr* слезы (вода глаз).

ж) Конечные носовые звуки — *ṇ* и *ṉ* — в некоторых случаях превращают начальное *t* следующего слова или суффикса во взрывной своего ряда. Так напр. *kaṇ + tu* (суффикс существительного действия) дает *kaṇṭu* «видение», «увидев». *eṉ* (сказать) + *tu* > *eṉṟu* «сказав», «сказание» *kaṇ* «глаз» + *tira* «открой» > *kaṇṭira*.

з) При словообразовании посредством суффикса *nt* происходит уподобление довольно сложного типа:

āḷ + ntu > **āḷṇṭu* > *āṇṭu* управляв
nil + ntu > **nilṉṟu* > *niṉṟu* постояв.

Здесь одновременно действуют правила г, ж, д.

Изложенные здесь фонетические правила соблюдаются со всей строгостью только в классической литературе, где фактически все предложение рассматривается как одно слово. Это щепетильное отношение к требованиям sandhi составляет характерную особенность *ceṉ-tamiḻ*. В разговорном языке — *koṭun-tamiḻ* — эти правила применяются менее строго, в особенности при соединении отдельных самостоятельных слов. При словообразовании они и здесь применяются неукоснительно. В качестве примера привожу один стих из «*Kuṟṟal*» в подлинной форме и с объяснением:

kēṭil viluccelvaṅ kalvi yoruvaṟku
māṭalla maṟṟai yavai

1	2	3	4	5
kēṭ(u)-il	*vilu-c* —	*celvam*	*kalvi-y-oruvaṉ-ku*	
уменшения-без	настоящее	богатство	учение	одному;

6	7
māṭ(u) alla	*maṟṟai-y-avai*
богатство не есть	другие вещи.

1, 6: исчезновение *u*; 2: удвоение начального согласного; 4, 7: вставление полугласного; 3, 5: изменение согласного под влиянием соседа.

Смысл стиха: учение — настоящее, неуменьшающееся богатство для человека; остальные вещи не суть богатство.

III.

Морфология.

§ 11. Корни тамильского языка.

Что такое корень слова? Если мы откроем словарь, напр. Толковый Словарь Живого Великорусского Языка Владимира Даля, то мы встретим под заглавием одного какого-нибудь простого слова множество других слов, которые все содержат один и тот-же комплекс звуков, являющийся в то же время основной частью заглавного слова. Так напр. у Даля приводятся под словом «видеть» (Том I, стр. 495) следующие слова: *вид*ать, *вид*ывать, *вид*еться, *вид*имый, *вид*анный, *вид*ный, *вид*кий, *вид*кой, *вид*алый, *вид*ячий, *вид*ючий, *вид*ущий, *вид*ычий, *вид*но, *вид*имость, *вид*альщина, *вид*альщинка, *вид*ак, *вид*ец, *вид*итель, *вид*ок, *вид*ность, *вид*кость, *вид*ение, *вид*неть, *вид*ъ, *вид*овой, *вид*омо, *вид*имо и т. д. Сюда же относятся и слова с приставкой как за*вид*ный, с*вид*ание, про*вид*ец, пред*вид*ение, за*вид*овать, и др. Общий всем перечисленным совам звуковой комплекс — *вид*. Разбираясь в значении всех приведенных здесь слов, мы можем убедиться, что в основе их всех лежит одно и то же общее представление: — «восприятие глазами». Это основное представление и связано со звуковым комплексом «вид». Не всегда легко установить основной звуковой комплекс. Лишь путем исторического и сравнительного анализа мы находим комплекс «вид» в словах: зависть, вижу, ненавистный и т. д.

В тамильском языке выделение основного звукового комплекса облегчается тем, что слово всегда начинается именно

с него. Остальные, так называемые формативные элементы слова, присоединяются в дравидийских языках всегда *позади* основного элемента, в отличие от индоевропейских языков, где они могут присоединяться как спереди, так и сзади. Напр. основной элемент *cey* «дело» или «делать» мы встречаем в следующих словах: *cey-tu, cey-ti, cey-kiṟa, cey-y-al, cey-tal, cey-pavaṉ, cey-taval, cey-kiṟatu* и т. д.

Но зато встречается сравнительно часто изменение фонетического состава основного элемента под влиянием вышеизложенных правил sandhi. Напр. √*kēḷ* слушать *kēḷ-vi, kēṭ-ṭu, kēṭ-ka;* √*kol* убивать *koṉṟu, koṉṟavaṉ, kolla* и т. д. Это конечно несколько затрудняет анализ.

Основной звуковой комплекс — «вид» или «*cey*» является результатом грамматической абстракции. [Этому не противоречит и то обстоятельство, что слово «вид» случайно совпадает с основным комплексом «вид». Объясняется это окончательным исчезновением писавшегося еще недавно словообразовательного элемента «ъ», который является пережитком гласного и происходит в свою очередь от индоевропейского словообразовательного суффикса *os*. Вообще такого рода «вторичные» корни нередки, в особенности в современных индо-европейских языках].

Этот абстрактный звуковой комплекс выражает то общее понятие, которое лежит в основе вышеприведенных словарных групп. Эту абстракцию мы называем корнем, по выражению, возникшему в романтический период науки сравнительного языковедения. Тогда предполагалось, что эти абстракции были когда-то — именно в начале развития человеческой речи — живыми словами, и что из них впоследствии выросли современные слова, подобно тому, как ствол дерева с ветвями выростает из корня. Правда, в языках индо-европейской группы существует ряд слов, которые по своему звуковому составу совпадают с корнем. Напр. в латинском языке *dic* «скажи» *duc* «веди» *fer* «неси» *fac* «делай» *sal* «соль». Таких случаев сравнительно немного и не всегда достоверно, имеем ли мы дело с первичной

формой или со вторичным исчезновением словообразовательных элементов.

В тамильском языке число случаев, когда абстрактный корень совпадает с живым словом, довольно значительно. То обстоятельство, что формативные элементы не сливаются с основным элементом, а также свидетельство древне-тамильских памятников, сохранивших слова тамильского языка более или менее в том же виде, в каком мы их встречаем сейчас, показывает, что эти слова-корни первичны и не являются результатом грамматического выветривания. Эти слова имеют двоякое значение, глагольное и существительное. В первом случае они выражают приказание, обращенное к одному лицу, как напр. *col* «скажи», *ī* «дай». Примеры существительных: *col* «слово», *ī* «муха».

Корни тамильского языка представлены со звуковой точки зрения в трех разновидностях. 1) Они могут состоять из одного гласного — краткого или долгого, напр. *ȧ* «тот»; *i* «этот»; *u* «тот поближе» (употребляется только в поэзии); *e* «который»; *o* «походить на»; *ā* «делаться», «корова»; *ī* «давать», «муха»; *ai* «пять» и т. д. 2) они представляют собой сочетание из одного гласного и одного согласного, при чем гласный бывает краткий и долгий. Напр. *iṭ* «класть» *aṭ* «приближаться» *āḷ* «управлять» *cā* «умирать» *pō* «итти» и т. д. 3) Чаще всего, однако, встречается сочетание согласный — гласный — согласный. Напр. *koṭ* «давать» *col* «говорить», «слово»; *pal* «зуб» *cey* «делать».

§ 12. Изменение корней.

Для индоевропейских языков особенно характерно, что звуковой состав самого корня подвергается изменению, когда нужно выразить тот или иной оттенок основного значения. Особенно подвержен переменам гласный корня, при чем он может изменяться в количестве или в качестве, напр. греческ. l*e*g-ō «говорить» l*o*g-os «слово». Англ. s*i*ng «петь» s*a*ng «я пел» s*o*ng «пение», русск. н*е*с-у, водо-н*о*с; б*е*р-у, под-б*и*р-ать, под-б*о*р.

бр-ать, бер-у. Скр. *gam-; ja-gām-a* «я пошел»; *lip; li-lēp-a* «я помазал».

Тамильский язык пользуется, как мы увидим далее, для оттенения значения преимущественно суффиксами, но в известной мере словообразовательным средством служит также изменение самого корня, при чем это изменение может относиться или к *гласному* или к *конечному согласному* корня.

А) Чередование краткого и долгого гласных.

1) В ряде случаев корни с кратким гласным имеют *аттрибутивное* значение в отличие от корней с долгим гласным, имеющих *самостоятельное* значение. Это чередование происходит в частности в личных местоимениях: *tāṉ* «сам»; а также в местоимениях 1-го и 2-го лица. Самостоятельным формам

tāṉ «сам» *tām* «сами» (или «сам» в почтительной речи) *tāṅkaḷ* «сами» (или «Вы» в почтительном обращении)

соответствуют аттрибутивные формы:

taṉ *tam* *taṅkaḷ* имеющие значение возвратного притяжательного местоимения «свой». Например:

avaṉ tāṉ makaṉaik koṉṟāṉ. *avaṉ taṉ makaṉaik koṉṟāṉ*
он сам сына убил. Он своего сына убил.
kuruvar tām ituc connār *kuruvar tam cīšarai*
Наставник сам это сказал. Наставник своих учеников
aḻaittār. tāṅkaḷ itu eppōtuc ceyvīrkaḷ? ūrār taṅkaḷ
призвал. Вы это когда будете делать? Крестьяне свою
ūr viṭṭu viṭṭārkaḷ.
деревню бросили.

Что касается личного местоимения 1-го и 2-го лица, то картина этого чередования затемнена исторически происшедшими звуковыми изменениями. Она вполне ясна только в одном случае, а именно:

nām «мы» (ты и я) — *nam* «наш» (твой и мой).

Для вскрытия этого чередования у других форм личных местоимений приходится прибегнуть к историческому анализу:

а) Взаимоотношения между *nāṉ* «я» и *eṉ* «мой» а также между *nāṅkaḷ* «мы» (в противоположность тем, к кому обращена речь) и *eṅkaḷ* «наш» объясняется так: наряду с *nāṉ* существует более древняя форма *yāṉ*, употребляемая в разных современных диалектах и в древней литературе. *yāṉ* восходит к *ēṉ*, точно так-же, как напр. *yātu* «что» восходит к *ētu*. Форма *ēṉ*, как мы увидим ниже, употребляется до сих пор, как подлежащее в суффиксальном положении. Первоначально чередовалось поэтому: *ēṉ : eṉ* и *ēṅkaḷ : eṅkaḷ*, а теперь: *nāṉ : eṉ* и *nāṅkal : eṅkal*.

б) Еще более запутана картина чередования в местоимениях 2-го лица.

nī	ты	*uṉ*	твой
nīr	вы или Вы	*um*	ваш или Ваш
nīṅkaḷ	вы, Вы	*uṅkaḷ*	ваш, Ваш

где видимо слились два разных корня.

Однако, если мы обратимся к древнему тамильскому, или же к современному малаяльскому языку, то мы найдем следующее чередование:

nī : *niṉ*
nīm : *nim*
nīṅṅaḷ : *niṅṅaḷ* (малаяльское произношение вместо *nīṇkaḷ : niṅkaḷ*).

Приведенные примеры показывают, что чередование долгих и кратких корней личного местоимения с соответствующим чередованием функционального значения было проведено последовательно.

2) Чередованию краткого и долгого корневого звука иногда соответствует чередование *глагольного* значения с *существительным* значением:

paṭ-u	страдать	*pāṭ-u*	страдание
miṇ	сверкать	*mīṇ*	звезда

koḷ	брать	*kōḷ*	прием
naṭ-u	сажать растение	*nāṭ-u*	страна (букв. обработанная земля)
viṭ-u	покидать	*vīṭ-u*	покидание, убежище, дом.

3) Редко это чередование соответствует обратному чередованию значения, напр.:

kaṇ глаз — *kāṇ* видеть

4) В некоторых случаях корневой гласный изменяется количественно при образовании времен, причем происходит обычно сокращение долгого гласного при образовании прошедшего времени, напр.

kāṇ	видеть	*kaṇ-ṭ-ēṉ*	я видел
vā	приходить	*va-nt-ēṉ*	я пришел
tā	давать	*ta-nt-ēṉ*	я дал
nō	болеть	*no-nt-ēṉ*	я болел, и т. д.

5) Долгий корневой гласный удлиняется взамен исчезнувшего слога (Ersatzdehnung): *per-u : pēr* «большой» *or-u : ōr* «один» *ir-u : īr* «два».

Б. Чередование гласных разного характера.

Это явление встречается только в очень немногих случаях и не может считаться типичным для тамильского языка. В частности чередуется *i* и *e*. Напр.:

piṟ-a	родиться	*peṟ-u*	родить
vir-i	расширяться	*vēr*	корень
nir-ai	быть прямым	*nēr*	прямота, встречаться.

В. Изменение конечного согласного корня.

1) Особенно характерно для тамильского языка и важно для словообразования *удвоение* конечного согласного корня. Этот способ применяется:

а) для образования аттрибутивных форм, напр.

kāṭ-u лес	*kāṭṭ-u* лесной
ār-u река	*ārr-u* речной

б) для образования слов выражающих действие в прошедшем времени (применяется очень редко).

pak-u делиться	*pakk-a-tu* оно делилось
nak-u смеяться	*nakk-ēn* я смеялся
puk-u входить	*pukk-ēn* я входил

в) для выражения транзитивности (активности)

ōṭ-u бежать	*ōṭṭ-u* гнать. (Ср. ниже § 17).

2) Конечный согласный корня изменяется под влиянием присоединяемого суффикса. Сюда относятся следующие случаи:

а) переход *c* в *y* перед суффиксом, начинающимся с гласного, например

muc-al	> *muy-al*	заяц.
pēc-u говорить	> *pey-ar*	имя

б) *k* попадающее в такое-же междугласное положение иногда совершенно исчезает, что влечет за собой слияние корневого гласного с суффиксом, напр.
tok-al : **to-al* : *tōl* «кожа»; *pak-al* деление : **pa-al* : *pāl* «сторона»

в) о фонетических изменениях, происходящих при столкновении конечного согласного и начального согласного суффикса см. выше § 10,6.

3) Перед конечным согласным корня в ряде случаев *вставляется* соответствующий *носовой* звук. Таким образом получается вариант корня с несколько иным оттенком значения. Этот вариант в свою очередь является основой для новой группы слов, образуемых при помощи суффиксов (см. ниже § 13).

Напр. *aṭ-* сжимать(ся), прижимать(ся) *aṇṭ-* приближать(ся) также *or-u* «один»: *oṉru* «один».

Под эту фонетико-морфологическую категорию подходит и назализация *формативных элементов* (*k* : *ṅk*; *c* : *ñc*; *ṭ* : *ṇṭ*; *t* : *nt*; *p* : *mp*; *r* : *ṉr*), имеющая, как мы увидим ниже, большое значение для словообразования.

4) Конечный согласный корня *чередуется* иногда с *носовым согласным* того-же звукового ряда

aṭ : *aṇ* сжимать(ся)	: привязывать(ся)
āḷ : *āṇ* править	: мужчина

§ 13. Категория формативных суффиксов.

Как видно из предыдущего, словообразовательные функции выполняются только в исключительных случаях самими корнями путем изменения их звукового состава. Характерным же для дравидийских языков, в частности для тамильского языка, способом словообразования является *агглютинация суффиксов*.

Словообразовательный — или формативный — материал тамильского языка группируется естественно на три категории:

1) *слова*, имеющие еще — или имевшие в сравнительно недавнем прошлом — самостоятельное значение и сочетаемые с другими словами в сложные слова типа «взаимо-*давец*», англ. friend-*ship*, лат. arti-*fex*. Сюда относятся слова-суффиксы как *āḷi* «мужчина, хозяин, правитель» от *āḷ* «править». Напр.: *kūṭṭu* «соединяться»: *kūṭṭ-āḷi* «товарищ, компанион». Такого-же типа *kāraṉ* «деятель» — *vēlai-k-kāraṉ* «работник». *aṉa-v-aṉ* «не имеющий, лишенный» — *kūṭṭ-arravaṉ* «без родни». *uḷḷa* «имеющий, сущий» — *aṉp-uḷḷa* «имеющий любовь, любимый». *āṉa* «ставший, являющийся»; — *veṇ-mai-y-āṉa* «ставший белизной, белый».

2) *фонетические комплексы*, которые являются, очевидно, результатом языкового выветривания, но сами по себе уже никакого значения не имеют. Они лишь видоизменяют значение того слова, в котором они встречаются. Их роль в деле словообразования очень важна. Их происхождение в большинстве слу-

чаев нам уже неизвестно. Для некоторых можно указать связь с самостоятельными словами, напр. *ā* от *al* «не быть». Сюда можно вероятно отнести и суффиксы для выражения действующих лиц: *an, al, ar,* которые, вероятно, когда-то имели самостоятельное значение «мужчина, женщина, люди» (ср. баскское *ar* «мужчина»). Сюда относится также и большинство синтактических суффиксов (см. IV часть).

3) *Простые звуки* (гласные и согласные), которые едва ли можно рассматривать как результаты языкового выветривания. Здесь мы имеем дело с формативами, которые с самого начала имели только словообразовательную функцию. В целях большей наглядности привожу две группы слов, образуемых от корней *aṭ* и *toṭ*. В этом списке встречаются наиболее употребительные формативы.

	Номинальное значение.	Глагольное значение.
1) *AṬ*	прижим, прижатие, сжатие, приближение, давка	прижимать(ся) сжимать(ся), приближать(ся)
aṭ-u		быть близким, приближаться, варить, толочь, покорить
aṭ-u-kk-a	близко, приближение	приближать
aṭ-u-tt-u	приближение (в прош. вр.)	приблизив
aṭ-u-tt-a	близкий	
aṭ-u-tt-ar	близкие, родные	
aṭ-u-kk-al	ряд, серия, гора	
aṭ-u-kk-u	нагромождение, серия, благоденствие	нагромождать, укладывать, ставить в ряд
aṭ-u-kk-u-k-ai	нагромождение	

aṭ-u-tt-i	ростовщичество	
aṭ-u-pp-u	привязанность, жена, очаг, огонь	
aṭ-u-v-al	смесь риса с просом	
aṭ-a-kk-am	воздержание, давление	
aṭ-a-kk-u	воздержание, давление	подчинять, сдерживать
aṭ-a-ṅk-u		подчиняться, сдерживаться
aṭ-a-kk-i	сдержанный, замкнутый человек	
aṭ-a-ṅk-al	подчинение, вселенная (подчиненная божеству)	
aṭ-a-ṅk-al-an	неподчиняющийся, враг	
aṭ-a-ṅk-ā	неподчиняющийся	
aṭ-a-ṅk-ā-mai	неподчинение	
aṭ-ar	давление, близость, подстрекание, тонкий слой металла.	быть близкими друг от друга, сражаться, сдавливать, нападать
aṭ-ar-ār	враги	
aṭ-ar-cc-i	близость (деревьев, волос)	
aṭ-ar-p-u	густота, толщина, тонкость металлической пластинки	
aṭ-ar-v-u	густота, толщина	
aṭ-ar-pp-am	скученность	
aṭ-ar-pp-u	нападение	
aṭ-al-ai	пепел, поле битвы	

aṭ-al	сила, победа	
aṭ-al-ar	враги, воины	
aṭ-a-v-i	густой лес, джунгля	
aṭ-i	источник, низ, дно, удар, раб, близость	бить, прикреплять
aṭ-i-v-an̲	раб	
aṭ-i-mai	рабство, зависимость, раб.	
aṭ-ai	достижение, поддержка, залог	достигать, запирать, прилипать
aṭ-ai-c-u		сойти с дороги, отступать
aṭ-ai-cc-u		обвивать голову цветами
aṭ-ai-k-ai	приближение, достижение	
aṭ-ai-nt-a-v-ar	достигшие	
aṭ-ai-pp-am	закрытие, останавливание	
aṭ-ai-pp-an̲	сужение горла	
aṭ-ai-pp-u	закрытие	
aṭ-ai-v-u	достижение	
aṭ-ai-v-al	нечто достигнутое, налаженое, достижение	
aṭ-ai-v-al-ar	противники	
AṆṬ-u		приближаться, соединяться
aṇṭ-al	приближение	
aṇṭ-il	насекомое влезающее в глаза скота	
aṇṭ-al-ar	недруги, неблизкие	

aṇṭ-ār (*ā-v-ar*)	недруги, враги	
aṇṭ-u-t-al	приближение	
aṇṭ-ai	близость, близко, сторона, сосед	
AṆ-ṇ-u		приближаться, быть привязанным, приверженным
aṇ-mai	близость	
aṇ-ṇ-aṇ-i	очень близко (удвоение корня *aṇ*)	
aṇ-ṇ-aṇ-i-tt-u	близ находящееся	
aṇ-ṇ-i-mai	близость	
aṇ-m-u-ṭ-al	приближение	
aṇ-a-ṅk-u	страдание	быть связанным, страдать
aṇ-a-tt-al		соединяться
aṇ-a-v-u-t-al	приближение, объятие	привязываться
aṇ-an̲	обладатель	
aṇ-u-k-u-t-al		приближаться
aṇ-u-mai	близость	
aṇ-ai		ложиться, входить в контакт
aṇ-ai-cu	мундштук духового инструмента (к которому прикасается играющий)	
aṇ-ai-pp-u	объятие	
aṇ-ai-v-ār	неприятели (не близкие)	
aṇ-u-kk-an̲	близкий друг	
aṇ-u-kk-am	близость	
aṇ-u-kk-u	»	

TOṬ	соединение, связь,	соприкасаться
toṭ-u		соединяться, связать, привязывать, любить, ненавидеть, создавать
toṭ-u-k-ai	соприкосновение	
toṭ-u-tt-u	»	связав
toṭ-u-tt-a	связанный, привязанный	
toṭ-u-pp-u	повязка, узы, совокупление, соприкосновение, клевета	
toṭ-u-c-u	сношение, совокупление	
toṭ-u-v-u	огороженное место	
toṭ-u-v-ai	привязанный предмет, ручной слон привязанный к дикому, компанион	
toṭ-a-ṅk-u		начинать, приступить к делу
toṭ-a-kk-am	начало, предприятие, средство	
toṭ-a-kk-u	запутывание, связь, нечистота женщины во время менструации и родов	завязывать, запутывать
toṭ-ar	нить, клей, цепь, последовательность	следовать друг за другом, следить, преследовать
toṭ-ar-i	куст в котором можно запутаться	
toṭ-ar-nt-a	беспрерывный	
toṭ-ar-nt-a-v-ar	друзья, приверженцы	

toṭ-ar-cc-i	преследование, продолжение, постоянство
toṭ-ar-p-u	продолжительность, родство, дружба
toṭ-ar-v-u	»
toṭ-al-ai	гирлянда, игра женщин (хоровод)
toṭ-i	браслет
toṭ-i-c-u	связь, половое сношение
toṭ-ai	серия, ряд, поэтическая композиция
toṭ-ai-v-al	гирлянда

Примечание. Деление вышеприведенного словарного материала на две группы: *номинальную* (существительные и прилагательные) и *глагольную* не относится к формальной стороне слов, а лишь к их функции в предложении. Если ради удобства здесь и в дальнейшем употребляется термин «глагол», то этим указывается только на функциональное сходство между известной группой тамильских слов или сочетаний и индоевропейским глаголом. Как мы увидим, с формальной точки зрения о глаголе как о самостоятельной грамматической категории в тамильском языке говорить не приходится.

Приведенные два списка слов дают представление о тех формативных средствах, которыми пользуется тамильский язык для образования слов. Этот материал, как видно, сравнительно небогат. Зато обширно практикуется нагромождение суффиксов. Картина суффигирования несколько затмевается тем, что ввиду фонетических правил то выпадают, то вставляются, то изменяются звуки. Получаемые путем анализа словарного материала[1] форма-

[1] Для составления подобных «гнезд» слов удобнее всего пользоваться Tamil Lexicon, дающим слова не только в транскрипции, но и с делением на составные части.

тивные элементы мы можем сгруппировать по следующим категориям:

1) Формативные гласные *a, ā, i, u, ai*

2) Формативные согласные:

а) взрывные согласные *k, t, p* — простые, удвоенные и назализированные — а также полугласный *v* (губно-зубной). Эта группа, как видно из вышеприведенных «гнезд» слов, и как будет показано в дальнейшем, имеет выдающееся значение для словообразования и в особенности для образования «глагола». Звуки этой группы встречаются одни или в соединении с гласными первой категории: *k-u, t-u, p-u, k-a, k-ai, t-i* и т. д.

б) Другие согласные — отдельно или в соединении с гласными первой категории. Сюда относятся *c, cc, ñc, ṭ, ṭṭ, ṇṭ, m.*

3) Слоговые суффиксы, являющиеся во многих случаях пережитком самостоятельных слов: *am, ār, aṉ, aḷ, ar, al, il, iṟ, ir, iḷ, ur, uḷ.*

4) Суффиксы-слова (см. выше) *āḷi, paṭi, kāraṉ* и т. д.

§ 14. Формативные гласные: *u.*

Эта группа гласных имеет огромное значение для образования простейших слов, употребляемых как самостоятельно, так и в качестве основ для дальнейших образований. Наиболее распространенный гласный: *u* (неустойчивое, см. § 10,з).

а) Ввиду того, что целый ряд согласных не может заканчивать слова (§ 9), к ним прибавляется *u* ввиде огласовки. Напр.

pēc-u	говори	*kāṭ-u*	лес
up-p-u	соль	*āṟ-u*	река

б) Очень часто, в особенности в разговорном языке, огласовка прибавляется также и к таким согласным, которые могут стоять в конце слова, напр.

koḷ	или	*koḷḷu*	бери
col	или	*collu*	скажи

в) В разговорном языке этот гласный служит для облегчения произношения в тех случаях, когда при словообразовании встречаются два согласных, напр.

класс. яз. *avaṟ + ku < avaṉ-ku;* разг. яз. *avaṉ-u-kku* ему

» *col-v-ēṉ* » *col-l-u-v-ēṉ* я скажу.

г) *u* является огласовкой для многих словообразовательных элементов, когда они стоят в конце слова или же предшествуют согласному. Эти элементы, о которых речь еще впереди, следующие: *k, kk, ṅk, t, tt, nt, p, pp, mp, v, c, cc, ñc, m, ṭ, ṭṭ* и т. д.

д) Во всех тех случаях, когда конечный согласный корня встречается с гласным, *u* конечно не вставляется. (См. § 10,з).

nāṭṭ-u	к стране относящийся	*nāṭṭ-ai*	страну
pēc-u	говорить	*pēc-i*	говорив

е) Значение слов, образуемых при помощи суффиксального гласного, или глагольное, или номинальное (номинальное — существительное и прилагательное).

peru	большой, увеличиваться
teṭṭu	обман, обманывать
oppu	сходство, сходиться, согласиться
ciru	маленький, делаться маленьким, уменьшаться
puḷu	червяк, распространяться как червяк и т. д.
maṟu	другой, отрицать.

ж) В тех случаях, когда слово, оканчивающееся на *u*, имеет глагольное значение, оно выражает повеление, напр.

pēc-u	говори	*paṇ-ṇ-u*	делай.

§ 15. Формативные гласные: *a, ā.*

а) Гласный *a* служит также огласовкой последнего согласного корня.

naṭ-a	уходить	*kaṭ-a*	переходить
tiṟ-a	открывать	*kal-a*	смешиваться

б) Примерами его роли, как *соединительного* гласного могут служить:

kīl-a-tu	то, что внизу	*en-a-kku*	мне
en-a-tu	наш	*un-a-kku*	тебе
vil-a-ku	уходить с дороги	*tan-a-kku*	себе

в) Слова, образуемые при помощи *a* имеют различные значения:

1) Повелительное наклонение «глагола»: *naṭa* ходи!

2) Прилагательные: *nal:* *nal-l-a* хороший
uḷ: *uḷ-ḷ-a* находящийся

(Дальнейшие примеры см. ниже §§ 19 и сл.).

3) В некоторых случаях *a* служит для выражения *множественного* числа, напр.

pal-a много *cil-a* немного *vanta-n-a* они пришли.

(Дальнейшие примеры см. ниже § 19).

4) Широко употребляется *a* для образования существительных, выражающих действие или состояние. По своему значению эти существительные соответствуют нашему неопределенному наклонению, хотя в тамильском языке они употребляются шире. (См. Часть IV §§ 40, 48). [При этом нужно вспомнить, что и русское неопределенное наклонение ничто иное, как имя существительное с суффиксом *-ти* или *ть*]. Напр.

pēc-a	говорить	*cey-y-a*	делать
var-a	приходить	*pan-n-a*	делать

5) Целый ряд таких существительных может брать на себя функции наречий, отчасти со значением наших предлогов, напр.

tavir	устранять	*tavir-a*	кроме
oli	недоставать	*oli-y-a*	кроме
pōl	походить	*pōl-a*	подобно, как
var	приходить	*var-a var-a*	постепенно, мало по малу
vil-a-k-u	уходить с дороги	*vil-a-k-a*	прочь, вон

en	говорить, сказать	*en-a*	со словом, со звуком; напр.
		calacal-ena	с журчащим звуком
		tiṭīr-ena	внезапно; буквально: созвуком *tiṭīr* (см. § 37)
kūṭ-u	соединяться	*kūṭ-a*	вместе
kiṭ-ṭ-u	приближаться	*kiṭ-ṭ-a*	близко
cūl-u	окружать	*cūl-a*	вокруг

и другие.

В целом ряде случаев *ā* (долгое *a*) употребляется для образования основ, как с глагольным так и с номинальным значением.

ēm-ā ликовать, *āl-ā* морской орел *kaṭ-ā* козел

§ 16. Формативные гласные: *i*.

1) Этот гласный служит, как и предыдущие, как форматив для образования многих основ и слов с глагольным и номинальным значением.

aṭ-i удар, ударять *kut-i* пятка, каблук, прыгать
piṭ-i рука, рукоятка, схватывать *onr-i* единый, одинокий, объединяться.

2) Он служит также как *u* и *a* соединительным гласным:

pir-i-tu другое дело (от *pir* другой).

3) Он служит огласовкой для ряда формативных согласных, как *t, p, c, cc, tt, v* (см. § 30).

4) Он прибавляется, как форматив, к глагольным корням, заимствованным из санскритского языка, образуя таким образом глагольные основы тамильского языка.

cint: *cint-i* думать; *anubhāv:* *anupāv-i* испытывать.

5) Он служит как суффикс женского рода, — часто в соединении с формативами того или иного согласного ряда (см. §§ 30, 34).

oru-tt-i одна, *manai-v-i* жена, *kuca-v-i* жена горшечника.

6) Он служит формативом для образования обширной группы существительных, выражающих действующее лицо (nomen agentis), причем эти существительные образуются от корней и основ, выражающих действие или состояние (глагольные основы), напр. *et-ir* «противиться» *et-ir-i* «противник». Обычно эти слова встречаются в соединении с другим существительным, стоящим к ним в отношении аттрибута, или скорее прямого дополнения, напр.

poy-c-col-l-i	лгун (сказатель лжи)	от *col* сказать
maran-tin-n-i	вредитель дерева	от *tin* съедать
tantai-k-kol-l-i	отцеубийца	от *kol* убивать

Об употреблении этих nomina agentis при образовании «глагольных» форм — в частности прошедшего времени см. ниже § 19.

§ 17. Формативные гласные: *ai:*

Роль этого суффиксального гласного следующая:

1) Как и предыдущие три гласных, он служит для образования основ (слов) с глагольным и номинальным значением. Напр.

aṭ-ai достигать	*nul-ai* влезать	*uṭ-ai* разбивать
naṭ-ai ходьба, поведение	*koṭ-ai* отдача, щедрость,	*koḷ-ai* взятие, ограбление.

Как суффикс, образующий существительные, *ai* часто сочетается с другими суффиксами, в частности с *k*, *kk*, *m*, *v* (см. ниже § 30).

ā-k-ai	делание, происхождение	*per-u-m-ai*	величие
ir-u-kk-ai	бытие	*para-v-ai*	расширение.

2) В словах, заимствованных из санскрита, он заменяет суффикс *ā* существительных женского рода. Напр.

Matur-ai	из скр.	*Mathur-ā*	столица тамилов
vēḷ-ai	» »	*vel-ā*	время.

3) Он служит, как суффикс мн. ч. среднего рода со значением «вещи, дела». Напр. от *nalla* «хороший» — *nalla-v-ai* «хорошие

вещи, хорошие дела». Также *i-v-ai* «эти вещи». *a-v-ai* «те вещи». *e-v-ai* «какие вещи». (Часто это значение мн. числа уточняется прибавлением суффикса *kaḷ; ivai-kaḷ; nallavai-kaḷ* и т. д.).

4) В некоторых случаях он служит для образования прилагательных:

anru тот день *arr-ai-k-kūḷi* поденная плата.

§ 18. Формативные согласные.

Наиболее значительную роль в тамильском словообразовании играют согласные — взрывные и носовые — задненебного, зубного, губного и губо-зубного ряда, а именно:

k	*kk*	*ṅk*
t	*tt*	*nt*
p	*pp*	*mp.*
v		

При помощи этих суффиксальных согласных, которые в зависимости от их места в слове и от значения слова, дополняются огласовками *u, i, a, ai* и другими формативами вроде *al,* образуется значительная часть тамильских слов. Первые три ряда представлены трояко: простым, удвоенным и назализированным звуками. Произношение их разное. Простой звук *k*, *t*, *p* встречающийся внутри слова почти исключительно в положении между звонкими, произносится, согласно общему правилу, *звонко* — *г, д, б.* Также звонко произносятся *ṅk, nt, mp* и губно-зубное *v*. С другой стороны, удвоенные взрывные, как мы видели, произносятся *глухо*. Подводя под это произношение психологическую основу, тамильский язык выражает звонким (мягким) произношением мягкость, пассивность, а глухим (твердым) — притом удвоенным — твердость и активность. Поэтому первая — мягкая — категория употребляется преимущественно для образования слов с интранзитивным значением, т. е. для выражения состояния и страдания. Вторая — твердая — группа употребляется для выражения действия,

направленного на какой-нибудь объект, или лицо (транзитивное значение).

Это соотношение между фонетикой и значением слов можно иллюстрировать следующими примерами:

Интранзитивное значение:		*Транзитивное значение:*	
1) Задненебный ряд.			
aṭ-aṅk-u	подчиняться	*aṭ-a-kk-u*	подчинять
viḷ-a-ṅk-u	блестеть	*viḷ-a-kk-u*	зажигать
nuṇ-u-ku	быть тонким	*nuṇ-u-kk-u*	измельчать
nuṇ-u-ṅk-u	измельчаться, утончаться		
pō-ku	ходить	*pō-kk-u*	заставлять ходить.
2) Зубной ряд.			
por-u-tu	соединяться	*por-u-tt-u*	соединять
por-u-n-tu	»		
tir-u-n-tu	исправляться	*tir-u-tt-u*	исправлять.
3) Губной ряд и губо-зубной.			
tir-u-mp-u	возвращаться	*tir-u-pp-u*	возвращать.

Слова, образуемые при помощи только что перечисленных формативных согласных, имеют в большинстве случаев и глагольное и номинальное значение. Напр.

iḷakku	распускать; усталость
tuvakku	начинать, связывать; кожа, тело
расарри	льстить, болтать; лесть, болтовня.

§ 19. Применение формативных согласных и гласных для образования «глагольных» форм. 1) *i* и зубной ряд *t*, *tt*, *nt*.

а) Как было уже указано (§ 16) многие слова образованные при помощи формативного гласного *i*, в частности, когда они образуются от корней и основ выражающих действие или состояние, имеют значение существительных выражающих действующие лица. (Nomen agentis), Напр. *koll-i* убийца *coll-i* говорун. Такие

существительные занимают во фразе часто место *сказуемого*. (Ср. futurum periphrasticum санскритского языка: *kartā* «он будет делать», а также русские формы: «я дела-л, дела-ла» и т. д.). Правда в современном тамильском языке такие формы рассматриваются как сказуемые только в ограниченном смысле, т. е. только тогда, когда они не находятся в конце фразы (периода), т. е. когда за ними еще идет окончательное сказуемое данного периода. Напр.

avaṉ tantai-y-iṭattil pēc-i, tampikku kākitam eḻut-i,
с его отцом говорил, младшему брату письмо написал,
avaṉukku pattu rūpāy aṉupp-i iṅke avaṉai-t-tēṭi-ṉ-ēṉ.
ему десять рупий послал, здесь его искал я.

б) Окончательное сказуемое, как видно из этого примера, отличается от предыдущих, которые можно назвать «предварительными сказуемыми», тем, что к нему еще присоединяется личное местоимение. Это местоимение подразумевается как подлежащее всех предыдущих сказуемых данного предложения. Присоединение производится при помощи соединительного согласного *y* или *ṉ*. Напр.

aṭi-y-ēṉ раб я (выражение почтения вроде нашего «покорный слуга»)

paṉṉi-ṉ-ēṉ делал я

(о роли *ṉ* как соединительного звука см. § 10,4).

Для понимания этих сочетаний нужно прежде всего остановиться на своеобразной форме, в которой здесь представлено личное местоимение. Оно несколько отличается от тех местоимений, которые употребляются в самостоятельном виде.

Самостоятельное местоимение		Местоимение в сочетаниях.
я	*nāṉ, yāṉ*	*ēṉ, yāṉ*
мы	*nām, yām*	*ōm, ām*
ты	*nī*	*āy, ai*
вы	*nīr*	*īr.*

Разница между этими двумя типами сводится главным образом к тому, что самостоятельные формы имеют начальный звук *n*, или *y* (йотизацию).

Исчезновение йотизации (*yām* > *ām*) и переход *ā* > *ō* *ām* > *ōm* явление в тамильском языке не редкое. (Ср. *yār* > *ār* «кто?» *muṉṉ-ār* > *muṉṉ-ōr* «предки»). Единственная форма, которая несколько трудно объяснима, это *ai*, *āy* «ты» рядом с самостоятельным *nī*. Исходной формой для обеих служила по всей вероятности «*ī*», вокализм которой сохранился в *nī*. Переход в *ai* — последняя форма встречается часто в литературе — фонетически вполне возможен (ср. средне-нем. *sīn* и современное *sein*). Переход *ai* > *āy* происходит уже в историческое время. (Ср. § 17, д).

Соединяя личное местоимение с вышеуказанными существительным на *i*,

мы получаем:	*paṇṇ-i-ṉ-ēṉ*	делал я (т. е. деятель я)
	paṇṇ-i-ṉ-āy (*ai*)	делал ты
	paṇṇ-i-ṉ-ōm (*ām*)	делали мы
	paṇṇ-i-ṉ-īr	делали вы
	paṇṇ-i-ṉ-īr-kaḷ	» »

Прибавление суффикса мн. ч. *kaḷ* явление позднее, и происходит от того, что личное местоимение 2-го лица без этого суффикса обычно употребляется для почтительного обращения к одному лицу (наше *Вы*). Точно также как русским nomina agentis с суффиксом *л*, и этим сочетаниям придается *синтактическое значение прошедшего времени глагола.*

в) Для этой же функции употребляются и сочетания существительных с суффиксом *tu* и его разновидностями *ttu* и *ntu* с вышеприведенными личными местоимениями. Суффикс *tu* имеет значение «вещь, «дело» и служит для образования конкретных и абстрактных существительных. Напр. от корня *tī* «зло»: *tī-tu* «злое дело», от *nal-l-a* «хороший»: *nalla-tu* «хорошее дело», «хорошая вещь». Точно также:

i-tu	это (указательное существительное в отличие от прилагательного)		*i-nt-a*
a-tu	то	»	*a-nt-a*
e-tu	что?	»	*e-nt-a.*

Когда этот суффикс, или его вышеуказанные разновидности, прибавляется к корню или основе выражающей действие или состояние, то образуется существительное действия или состояния вроде наших отглагольных существительных гуля-*ние*, зре-*ние* и т. д. Такие слова, как *cey-tu* «делание», *naṭ-a-ntu* «хождение», *paṭi-ttu* «чтение» употребляются как сказуемые, т. е. как центральное слово предложения, причем личный элемент — местоимение — прибавляется только к *последнему сказуемому* в предложении. Напр.

ippaṭi *cey-tu* *koñcam* *nēram* *naṭantu*
такого — способа — делание, некоторого — времени — гуляние,
nallak *katai* *paṭitt(u)—ēṉ*
хорошего — рассказа — чтение — мое, т. е.: «я так сделал, гулял некоторое время и читал хороший рассказ».

г) Как видно, логическое отношение приставного личного местоимения к сказуемому несколько иное, чем в предыдущем случае. В то время, как *paṇṇi* и *ēṉ* рассматриваются как противоставляемые друг другу равнозначащие члены уравнения «деятель-я», *paṭi-ttu* и *ēṉ* относятся друг к другу как существительное к своему аттрибуту. *cey-t-ēṉ* значит буквально «делание мое» или «делание относящееся ко мне».

Формы как *paṇṇi* и *ceytu*, которые я называю «предварительными сказуемыми» в отличие от «конечного сказуемого» в конце фразы, переводятся удобнее всего нашим деепричастием, или же просто глаголом. Напр.

appōtu anta vaḷḷuvaṉ *pala caṭaṅkukaḷai* *cey-tu,*
Тогда тот колдун — пария много церемоний делал (делав),
pala paccilaikaḷai *piṭuṅk-i,* *kutirai mēlē* *tūv-i,*
много зеленых листьев нарвал (нарвав), на лошадку насыпал (в),

muṇa-muṇ- eṉṟum ā ō eṉṟum apayam-iṭ-ṭu, c cūḻa- c
звук «муна-муна» и звуки а! о! выкрикивал (в), кругом-
cūḻa mummuṟai valam va-ntu, vāl mutar kōṇṭu,
кругом три раза с левой стороны ходил (в) хвост сперва взял (в)
talai- pariyantam kutiraiyait taṭṭ-i, taṭav-i, oruk kātai
до самой головы лошадку мял (в) гладил (в) одно ухо
kai-pparṟ-i niṉṟ-āṉ.
рукой схватил (в), стоял он. (О способе образования последней формы см. ниже § 22).

Если перевести эту фразу буквально в духе тамильского языка согласно вышеприведенному анализу, то получается: «В то время со стороны этого колдуна-парии (было) делание многих церемоний, (он был) нарывателем многих зеленых листьев, и насыпателем (их) на лошадку, (было) выкрикивание звуков «муна-муна» и «а» «о», хождение кругом три раза, (было) взятие сперва хвоста, (был он) мявшим лошадь до самой головы, гладившим, державшим ухо одной рукой, и мужчиной стоящим». Чрезвычайно важно иметь всегда в виду первоначальную и основную природу тамильских «глагольных форм» несмотря на то, что тамилы сами в своих грамматиках — под влиянием сперва санскритской и теперь английской грамматики — говорят о глаголе как о самостоятельной формальной категории.

Когда глагольные существительные на *tu* сочетаются с вышеперечисленными личными местоимениями, неустойчивое конечное *u* исчезает. Мы получаем таким образом следующие формы, имеющие значение глагола:

cey-t-ēṉ	я делал (а)	*cey-t-āy*	ты делал (а)
cey-t-ōm	мы делали	*cey-t-īr (kaḷ)*	вы делали.

Наряду с суффиксом *tu* употребляются в том-же смысле и его разновидности *nt* и *tt*. Напр.

aṭai-nt-ēṉ	я достиг (мое достижение)	*aṭai-nt-ōm*	мы достигли (наше достижение)
aṭai-nt-āy	ты достиг (твое достижение)	*aṭai-nt-īr (kaḷ)*	вы достигли (ваше достижение)
kuṭi-tt-ēṉ	я пил (мое выпивание)	*kuṭi-tt-ōm*	мы пили (наше выпивание)
kuṭi-tt-āy	ты пил (твое выпивание)	*kuṭi-tt-īr (kaḷ)*	вы пили (ваше выпивание)

д) От глагольных существительных вышеописанных типов образуются прилагательные при помощи суффиксального гласного *a* (§ 15 в). К словам на *i* прибавляется *a* при помощи соединительного согласного *ṉ* или *y*; Гласный *u* зубной формативной группы исчезает. Мы получаем таким образом прилагательные, соответствующие нашим причастиям: *pēc-i-ṉ-a* «говоривший, ая, ое». *cey-t-a* «делавший, ая, ое». *aṭai-n-ta* «достигший, ая, ое». *kuṭi-tt-a* «пивший, ая, ое».

Путем присоединения суффиксов *aṉ, aḷ, ar (kaḷ)* (см. § 10,4) образуются существительные, имеющие значение: «сделавший то-то мужчина» (женщина, люди). Способ присоединения троякий:

1) при помощи *v*: Напр.

pēciṉa-v-aṉ	говоривший мужчина
ceyta-v-aḷ	сделавшая женщина
aṭainta-v-ar	достигшие люди
kuṭitta-v-ar (kaḷ)	выпившие люди.
viḻunta-v-ai (kaḷ)	упавшие вещи

2) при помощи *ṉ*. Этот способ применяется очень редко и встречается преимущественно в классической литературе. Напр.

ceyta-ṉ-aṉ сделавший человек и т. д.

3) путем слияния конечного *a* прилагательного с начальным *a* суффикса, напр. *pēciṉa-aṇ > pēciṉāṉ; ceyta-aḷ > ceytāḷ; aṭainta-ar > aṭaintār; kuṭitta-ar-kaḷ > kuṭittārkaḷ*. Образования 1 и 3 употребляются оба в классической литературе как существительные. Однако за образованиями типа 3 установилось значение третьего лица «глагола» (прош. вр.). Вышеперечисленные

*

формы переводятся поэтому обычно: «он говорил, она делала, они достигли, они пили». (В классической литературе форма 2-го типа тоже имеют глагольное значение).

Таким-же образом получаются и формы, выражающие 3-е лицо ед. и мн. ч. *среднего* рода. Суффиксами для этой цели служат *tu* (см. выше § 19в) и *a*. Слова с суффиксом *tu* сохраняют двойное значение: существительного и глагола. Напр.

pēcin̲a-tu	говорение (в прошедш. врем.)	или	оно говорило
ceyta-tu	делание	»	» оно делало.
aṭainta-tu	достижение	»	» оно достигло
kuṭitta-tu	вышивание	»	» оно пило.

В своем существительном значении эти формы играют важную синтактическую роль (см. IV-ю часть § 49).

Суффикс мн. числа *a* (ср. § 15вз) присоединяется к глагольному прилагательному при помощи соединительного согласного *n̲*.

ceyta-n̲-a	они делали
aṭainta-n̲-a	они достигли
kuṭitta-n̲-a	они пили
pēcin̲a[-n̲-a]	они говорили.

В последнем случае звуковой комплекс *n̲a-n̲a* полученный в результате двойного суффиксирования *a* упрощается.

§ 20. Применение формативных согласных для образования «глагольных» форм: 2) зубной и губо-зубной ряд: *p, pp, v*.

Точно также объясняются также и «глагольные» формы, образованные при помощи *губных* и *губо-зубных* согласных. Правда, здесь картина развития не так ясна, как в формах зубного ряда. Существительные с суффиксами *pu, ppu, mpu, vu*. не приобрели — или же потеряли — ту важную роль, «предварительного сказуемого» (деепричастие), которые взяли на себя существительные зубного ряда. Объясняется это тем, что последние выполняют эту роль для всех трех времен — настоящего,

прошедшего и будущего — предоставляя выражение времени последнему сказуемому:

itu cey-tu pon̲ān̲	он это сделал и пошел
itu cey-tu pōvān̲	он это сделает и пойдет
itu cey-tu pōkir̲ān̲	он это делает и идет.

Существующие еще в современном языке многочисленные существительные действия или состояния с губными суффиксами, вроде

naṭ-pu дружба *ar̲i-vu* знание *paṭi-ppu* учение

свидетельствуют о широком распространении этого суффикса. Кроме того существуют, применяющиеся, правда, сравнительно редко в разговорном языке, отглагольные прилагательные с суффиксальным комплексом *pa, ppa, va,* т. е. точно того же типа, как для зубного ряда. К этим существительным и прилагательным присоединяются личные элементы таким же способом как к соответствующим словам зубного разряда, и мы получаем сочетания, с которыми связывается идея будущего времени.

kēṭ-p-ēn̲ (< kēḷ-p-ēn)	я услышу (буду слушать) букв. слушание мое т. е. относится ко мне.
kuṭi-pp-āy	ты выпьешь (будешь пить)
aṭai-v-ōm	мы достигнем (будем достигать)
pēcu-v-īr (kaḷ)	вы поговорите (будете говорить)
cey-v-ān	он сделает (будет делать)
kuṭi-pp-āḷ	она выпьет (будет пить)
kēṭ-p-ār (kaḷ)	они услышат (будут слушать).

Как видно, при образовании будущего времени употребляются только три суффикса — *p; pp; v*.

Рядом с формами на: *ān̲ (< a-an̲) āḷ, ār* существуют и формы образуемые при помощи соединительного согласного *v* (см. выше § 19). Эти слова имеют, как было отмечено в предыдущем § значение существительных. Напр.:

kēṭ-pa-v-aṉ	тот, который услышит
» *v-aḷ*	та, которая услышит
» *v-ar (kaḷ)*	те, которые услышат
» *tu*	то, которое услышит
kēṭ-pa-v-ai (kaḷ)	те, которые услышат
kuṭi-ppa-v-aṉ	тот, который будет пить
» *v-aḷ*	та, которая будет пить
» *v-ar (kaḷ)*	те, которые будут пить
» *tu*	то, которое будет пить
» *v-ai (kaḷ)*	те, которые будут пить
cey-p-a-v-aṉ	тот, который будет делать
cey-p-a-v-aḷ	та, которая будет делать
cey-p-a-v-ar (kaḷ)	те, которые будут делать
cey-v-a-tu	то, что будет делать
cey-p-a-v-ai (k-aḷ)	те, которые будут делать

Интересен здесь переход *v* в *p* (**ceyvavan* в *ceypavan*). Это объясняется процессом диссимиляции, распространенным и в индоевропейских языках.

Формы вроде *keṭpatu, kuṭippatu, ceyvatu,* употребляются также со значением: «слушание» (действие от глагола) «выпивание, делание». Эти существительные не имеют оттенка будущего времени, который, впрочем, и не всегда присущ вышеперечисленным именам существительным действующих лиц. Напр.: *kēṭ-pavaṉ* часто означает просто «проситель, слушатель», *eṉ-pavaṉ* «говорящий» или (с пассивным знач.) «называемый» и т. д. Даже те формы, которые соответствуют нашему определенному глаголу — *ceyvān, kuṭippān* и т. д. — употребляются часто без оттенка будущего времени, и выражают повторное, регулярное действие или иногда даже настоящее время.

§ 21. Применение формативных согласных для образования «глагольных» форм: 3) Задне-небный ряд *k, kk.*

Повидимому разграничение между настоящим и будущим временем, как по форме, так и по значению, не проводилось очень строго в более отдаленном периоде тамильского языка. (Параллели для совпадения настоящего и будущего времени можно найти и в других языках; например в современном немецком разговорном языке: ich komme может, в зависимости от контекста, означать «я иду» или «я приду»). Хотя в теперешнем тамильском языке формы с суффиксами задне-небного ряда (*-k-; -kk-*) употребляются лишь для выражения настоящего времени, но мы имеем следы употребления этих суффиксов и со значением будущего времени. Напр.: *cey-k-ēṉ* «я сделаю»[1] (делание мое) *eṉ-k-ō-yān* «скажу-ли я»[2]? (сказание-ли мое), из корня *eṉ,* суффикса *ku,* вопросительного суффикса *ō* и личного местоимения *yān.* Точно также употребляется *urai-kk-ō* из *urai-kku-ō* «выскажу ли я»[3]? (без личного местоимения). Из этих примеров видно и то, что существительные с суффиксами *ku* и *kku* употреблялись, как сказуемые. Непосредственно от слов на *ku* образуются такие формы разговорной речи, как:

talai nō-ku-tu	голова болит, букв. боль головы
maḻai pey-ku-tu	дождь идет, букв. падение дождя
nāṉ pō-ku-tu	я иду, букв. мое хождение.

Эти формы встречаются преимущественно в поэзии и в языке простонародья. Обычные же формы настоящего времени имеют вид:

cey-k-iṉṟ-ēṉ	или	*cey-k-iṟ-ēṉ*	я делаю, т. е. делание теперь мое
kuṭi-kk-iṉṟ-ēṉ	или	*kuṭi-kk-iṟ-ēṉ*	я пью, т. е. выпивание теперь мое.

---

[1] См. «Manimēkalai» XVI, 36; Ср. J. Vinson, Grammaire de la langue tamoule p. 117.

[2] См. Cilappatikāram XVII, 25, 26, 27. Ср. J. Vinson, op. cit. p. 117.

[3] J. Vinson op. cit.

Новым в этих формах является элемент, имеющий вид *inr* или *ir*. Первый звуковой комплекс представляет собой очевидно слово *inru* «теперь, сегодня». Прибавлением, в порядке суффиксирования, этого слова *inru*, время действия или состояния фиксируется точно, и вместо *cey-k-ēn*, которое означает «делание мое», т. е. «я делаю» или «я буду делать», мы получаем *cey-k-inr-ēn* (из *ceyku-inru-ēn*), которое уже имеет определенное значение «делание теперь мое», т. е. «я делаю теперь». *iru* представляет собой деназализованное *inru* (ср. *inru* «сегодня», но *irr-ai* «сегодняшний». См. § 12). От сочетаний вроде *cey-k-i(n)r-u; kuṭi-kk-i(n)r-u* образуются прилагательные (причастия настоящего времени) *cey-k-i(n)r-a; kuṭi-kk-i(n)r-a*. К этим причастиям присоединяются, как в прошедшем и в будущем временах суффиксы *an, aḷ, ar(kaḷ), tu, a,* и мы получаем в результате следующую парадигму настоящего времени:

cey-k-inr-ēn : *cey-k-ir-ēn*	я делаю, букв. делание теперь мое
cey-k-inr-āy : *cey-k-ir-āy*	ты делаешь букв. делание теперь твое и т. д.
cey-k-inr-ōm : *cey-k-ir-ōm*	мы делаем
cey-k-inr-īr (kaḷ) : *cey-k-ir-īr (kaḷ)*	вы делаете
cey-k-inr-ān : *cey-k-ir-ān*	он делает букв. делающий теперь мужчина и т. д.
cey-k-inr-āḷ : *cey-k-ir-āḷ*	она делает
cey-k-inr-ār (kaḷ) : *cey-k-ir-ār (kaḷ)*	они делают
cey-k-inr-a-tu : *cey-k-ir-a-tu*	оно делает
cey-k-inr-a-n-a	они делают

Или

kuṭi-kk-i(n)r-ēn	я пью букв. выпивание теперь мое
kuṭi-kk-i(n)r-āy	ты пьешь и т. д.
kuṭi-kk-i(n)r-ān	он пьет
kuṭi-kk-i(n)r-āḷ	она пьет
kuṭi-kk-i(n)r-ōm	мы пьем

kuṭi-kk-i(n)r-īr (kaḷ)	вы пьете
kuṭi-kk-i(n)r-ār (kaḷ)	они пьют
kuṭi-kk-i(n)r-a-tu	оно пьет
kuṭi-kk-inr-a-n-a	они пьют.

[Как видно, в третьем лице среднего рода мн. ч. употребляется лишь назализированная форма суффикса настоящего времени *inru*].

Точно также как для прошедшего и будущего времени, и для настоящего времени образуются глагольные существительные действующего лица при помощи суффиксов *an, aḷ, ar, tu, ai* напр.:

cey-k-inr-a-v-an или *cey-k-ir-a-v-an*	тот, который делает
kuṭi-kk-inr-a-v-aḷ или *kuṭi-kk-ir-a-v-aḷ*	та, которая пьет
pō-k-inr-a-v-ar (kaḷ) или *pō-k-ir-a-v-ar (kaḷ)*	те, которые идут
naṭa-kk-inr-a-tu или *naṭa-kk-ir-a-tu*	то, что случается (или происшествие)
vilu-k-inr-a-v-ai или *vilu-k-ir-a-v-ai*	те, которые падают (напр. плоды)

§ 22). Фонетические изменения при образовании «глагольных форм».

При сочетании корня — простого или расширенного — с суффиксами этих трех рядов происходят фонетические изменения согласно правилам, изложенным в § 10. Происходят главным образом разного рода *уподобления*.

1) *ḷ* и *l* превращаются в *ṭ* и *r*, которые в свою очередь превращают суффиксальное *t* в *ṭ* и *r*.

Напр.: *kēḷ* слушать *kēṭ-k-ir-ēn; kēṭ-ṭ-ēn; kēṭ-p-ēn*
vil продавать *vir-k-ir-ēn; vir-r-ēn; vir-p-ēn* (§ 10,6 b)

Однако часто (по крайней мере в современном разговорном языке) между *ḷ, l* и *k, p* вставляется неустойчивое *u*.

col-l-u-k-ir-ēn	я говорю	*col-l-u-vēn*	я скажу
koḷ-ḷ-u-k-ir-ēn	я беру	*koḷ-ḷ-u-vēn*	я возьму (§ 14).

2) В исключение из общего правила носовые *ṇ* и *n̲* перед *k* и *p* не переходят в соответствующие взрывные (ср. § 10,6 б)

напр. *kāṇ* видеть *kāṇ-k-ir̲-ēṇ; kāṇ-p-ēn̲*
en̲ сказать *en̲-k-ir̲-ēn̲; en̲-p-ēn̲.*

Но следующее за этими носовыми *t* превращается в *ṭ* и *r̲* (10,6 ж)

kaṇ-ṭ-ēn̲ я видел *en̲-r̲-ēn̲* я сказал.

3) Когда назализованный суффикс *nt* сочетается с *l* и *ḷ*, то получается довольно сложная цепь уподоблений (ср. § 10,6 з).

Напр.: *nil* стоять > **nil-ntu* > **nil-n̲r̲u* > *nin̲r̲u*
āḷ управлять > **āḷ-ntu* > **āḷ-ṇṭu* > *āṇṭu*
koḷ брать > *koḷ-ntu* > **koḷ-ṇṭu* > *koṇṭu.*

4) В некоторых случаях происходит слияние, как напр.:

pō идти *pō-y-i* | **pō-y-i-n̲-ēn̲* > *pō-n̲-ēn̲*
ā делаться *ā-y-i* > *ā-n̲-ēn̲*
col сказать *col-l-i-n̲-ēn̲* > *con̲-n̲ēn̲*
и т. д.

§ 23. Закономерность в употреблении формативов трех рядов.

Как видно из предыдущего, для образования тех форм, которые соответствуют трем основным временам нашего глагола, употребляются следующие формативы:

1) для настоящего времени: *kk, k*
2) для прошедшего времени: *tt, t, nt, i*
3) для будущего времени: *pp, p, v.*

Удвоенные согласные и согласные следующие за другими согласными не звонкими от природы произносятся глухо; согласные же стоящие между звонкими, а также *v* и *i* произносятся звонко (ср. § 7).

Сопоставляя весь материал мы видим, что в большинстве случаев звуковой характер формативов выдерживается во всех

трех временах, так что звонкому формативу в настоящем времени соответствуют такие же звонкие формативы в других временах. Тоже самое правило относится и к глухим формативам. Однако эта закономерность нарушается рядом небольших групп, в которых чередуются звонкие и глухие формативы. Следующие чередования формативов характерны для тамильского «глагола».

А) Глухие — удвоенные — формативы *kk, tt, pp*

kuṭi-kk-ir̲-ēn̲, kuṭi-tt-ēn̲, kuṭi-pp-ēn̲ пить

Б) Звонкие формативы

1) *k, t, v*

aḷu-k-ir̲-ēn̲, aḷu-t-ēn̲, aḷu-v-ēn̲ плакать
cey-k-ir̲-ēn̲, cey-t-ēn̲, cey-v-ēn̲ делать

2) *k, nt, v*

aṭai-k-ir̲-ēn̲, aṭai-nt-ēn̲, aṭai-v-ēn̲ достигать

3) *k, i, v*

pēcu-k-ir̲-ēn̲, pēc-i-n̲-ēn̲, pēcu-v-ēn̲ говорить
aṭakku-k-ir̲-ēn̲, aṭakk-i-n̲-ēn̲, aṭakk-u-v-ēn̲ подчинять.

В) Смешанные формативы

1) *kk, nt, pp*

naṭa-kk-ir̲-ēn̲, naṭa-nt-ēn̲, naṭa-pp-ēn̲ ходить, вести себя
iru-kk-ir̲-ēn̲, iru-nt-ēn̲, iru-pp-ēn̲ быть, сидеть

2) *k, t, p*

(глухие) √*kēḷ*: *kēṭ-k-ir̲-ēn̲, kēṭ-ṭ-ēn̲, kēṭ-p-ēn̲* слушать, спрашивать
(звонкие) √*kāṇ*: *kāṇ-k-ir̲-ēn̲, kaṇ-t-ēn̲, kāṇ-p-ēn̲* видеть

3) *k, nt, p*

(гл. и зв.) √*nil*: *nir̲-k-ir̲-ēn̲*[1], *nin̲r̲-ēn̲, nir̲-p-ēn̲* стоять
(звонкие) √*en̲*: *en̲-k-ir̲-ēn̲, en̲r̲-ēn̲, en̲-p-ēn̲* сказать.

[1] *r* перед *k* и *p* произносится приблизительно как *t*, вследствие чего *k* и *p* произносятся глухо.

Самые многочисленные группы: А и Бз.

Существуют-ли какие-нибудь правила определяющие, в каких случаях употребляется та или иная группа суффиксов (твердая, мягкая или смешанная)? До некоторой степени этот вопрос решается *значением* данного слова. Мы уже видели, что языковое чувство тамилов связывает твердые (удвоенные) суффиксы с понятием активности и транзитивности. Поэтому существует большое количество основ, имеющих сами по себе и активное и пассивное (интранзитивное) значение, но приобретающих или то или другое значение в зависимости от суффиксов. Напр.:

	k-nt-v	*kk-tt-pp*
cēr	приближаться	приближать
tāl̲	унижаться	унижать
tīr	кончаться	кончать
val̤-ar	расти	выращивать
tav-ir	отстраняться	отстранять
mēy	пастись	пасти
vil̲-u	падать	бросать
al̲-i	погибать	губить
iṭ-i	крошиться	крошить

и много других.

Формы с глухими формативами подходят по смыслу под категорию так называемых каузативных глаголов, означающих, что одно лицо заставляет другое лицо произвести то или иное действие. Способов выражения каузативности кроме только что приведенного в тамильском языке еще несколько. Было уже указано выше (§ 18) на чередование основ с глухими и звонкими суффиксами *(aṭ-a-nk-u: aṭ-a-kk-u)*. Также существует ряд особых каузативных суффиксов. Самые распространенные — соединение губных и губо-зубного суффиксального согласных — *p, pp, v* с гласным *i*. Напр.:

kāṇ	видеть	*kāṇ-pi*	*(kk, tt, pp)*	заставлять видеть, показывать

uṇ	кушать	*uṇ-pi*	*(kk, tt, pp)*	заставлять кушать, кормить
al̲-ai	звать	*al̲ai-ppi*	»	заставлять звать, приглашать
paṭ-i	учиться	*paṭi-ppi*	»	заставлять учиться, учить.
cey	делать	*cey-vi*	»	заставлять делать
viṭ-u	покидать	*viṭu-vi*	»	заставлять покинуть, освободить
ar̲-i	знать	*ar̲i-vi*	»	заставлять знать, осведомлять

Однако только эта губная группа каузативов соединяется с суффиксами твердой группы. Другие, как мы сейчас увидим, принимают мягкие суффиксы, руководствуясь другим — фонетическим — принципом.

С точки зрения *происхождения*, можно выделить довольно большую группу слов заимствованных из санскрита и тамилизированных при помощи словообразовательного гласного *i* (см. § 16). Все они в своем глагольном значении соединяются с твердой суффиксальной группой. Напр.:

Скр.	Тамильская основа		Значение
raksh-	*iraṭc-i (kk, tt, pp)*		защищать
uc-car-	*uccar-i*	»	произносить
cint-	*cint-i*	»	думать
icch-	*icc-i*	»	желать

Другой принцип определения суффиксальной группы — *фонетический*, который можно формулировать таким образом: 1) Все «глагольные» основы образованные при помощи гласного *a* (и *ā*) относятся к смешанной группе В1 — *(kk-nt-pp)*; 2) большинство основ на *i* к твердой группе А; 3) большинство основ на *u*, в частности основы имеющие одновременно и значение существительных — относятся к мягкой группе Бз; 4) корни оканчи-

вающиеся на *ṇ, n̲, l, ḷ* относятся к смешанным группам В2 и 3. Напр.:

1) *maṛ-a (-kk-iṛ-ēn; -nt-ēn; -pp-ēn)* забывать
tiṛ-a » » открывать
iṛ-a » » умирать
kal-a » » смешиваться
naṭ-a » » ходить
ēm-ā » » ликовать

сюда относится и *ir-u* быть, находиться, сидеть:

iru-kk-iṛ-ēn; iru-nt-ēn; iru-pp-ēn

2) *aṭ-i (-kk-iṛ-ēn; -tt-ēn; iru-pp-ēn)* бить
kuṭ-i » » пить

Но с другой стороны мы наблюдаем ряд основ на *i* с мягкими суффиксами, как *aṛi* знать: *aṛi (-k-iṛ-en; -nt-ēn; -v-ēn)*.

3) *tēṭ-u (k-iṛ-ēn; i-n-ēn; v-ēn)* искать
tuḷ-ḷ-u » » » прыгать
paṇ-ṇ-u » » » делать
toṭ-a-ṅk-u » » » начинать.

Сюда относятся даже *транзитивные* глаголы, которые, как было отмечено в § 18, чередуются с интранзитивными глаголами *(aṭaṇku : aṭakku; tirumpu : tirupu)*, а также и *каузативные* глаголы, образуемые при помощи суффикса *tt*. Например:

интранзитивный гл.		каузатив		
cir-u	уменьшаться	*cir-u-tt-u (k; i; v)*		уменьшать
paṭ-u	страдать	*paṭu-tt-u*	»	заставлять страдать
cel-l-u	итти	*celu-tt-u*	»	заставлять итти, расходовать
uṭ-u	одеваться	*uṭu-tt-u*	»	заставлять одеться, одевать

paṭ-u	лежать	*paṭu-tt-u*	»	заставлять лежать

Но с другой стороны мы встречаем основы на *u* с твердой группой суффиксов, причем значение отнюдь не всегда транзитивное.

uṭu- (kk-iṛ-ēn, tt-ēn, -pp-ēn) одеваться (ср. выше каузатив от этого слова с мягкой суфф. группой)
paṭu- » » » лежать »

4) *kal (kaṛ-k-iṛ-ēn; kaṛ-ṛ-ēn- kaṛ-p-ēn)* учиться
nil (niṛ-k-iṛ-ēn; ninṛēn, niṛ-p-ēn) стоять
kēḷ (kēṭ-k-iṛ-ēn; kēṭ-ṭ-ēn, kēṭ-p-ēn) слушать
uṇ-k-iṛ-ēn; uṇ-ṭ-ēn, uṇ-p-ēn кушать, жрать
tin-k-iṛ-ēn, tin-ṛēn, tin-p-ēn кушать

Как видно, абсолютной закономерности в выборе суффиксов и здесь нет; корни на *l, ḷ* принимают в прошедшем времени то *t* то *nt*. Очень часто, в особенности в разговорном языке, суффиксы присоединяются к расширенному — при помощи *u* — корню. Тогда в будущем времени мы имеем не *p*, а *v*.

Например: *kol-l-u-k-ir-ēn; konṛ-ēn kol-l-u-v-ēn* убивать
koḷ (koḷḷu-k-iṛ-ēn; koṇ-ṭēn, koḷḷu-vēn) брать.

Часто к таким расширенным корням присоединяются формативы группы Б3 и в прош. вр.

nuḷ-ḷ-uk-iṛ-ēn;	*nuḷ-ḷ-i-n-ēn;*	*nuḷ-ḷ-u-v-ēn*	щипать
tuḷ-ḷ-u-k-iṛ-ēn;	*tuḷ-ḷ-i-n-ēn;*	*tuḷ-ḷ-u-v-ēn*	плясать
col-l-u-k-iṛ-ēn;	*(col-l-i-n-ēn) conn-ēn;*	*col-l-u-v-ēn*	сказать

Ввиду того, что почти каждое из вышеприведенных правил имеет целый ряд исключений, приходится сказать, что выбор формативов не регулируется абсолютно твердыми законами, и что в тамильском языке, как и в индоевропейских и других языках, познания в этой области грамматики не приобретаются без некоторого напряжения памяти. При этом однако вышеизложенные правила могут служить значительным облегчением.

§ 24. Применение формативного согласного *m (u-m)* для образования прилагательных и «глагольных» форм.

Одна из функций форматива *m* состоит в образовании *прилагательных*. Образование прилагательного производится следующими способами:

1) Основа ставится без изменения и без формативов перед существительным: *neṭu nāḷ* длинный день (длина — день)
peru viṭu большой дом (величина — дом)

2) В самом корне, или в формативах происходят звуковые изменения (ср. § 12).

3) Прибавляется формативный гласный *a* (§ 15).

4) Прибавляется формативный согласный *m*, который, превращается в *ṅ, ñ, n* в зависимости от начального согласного следующего слова: (§ 10).

netu-ṅ	*kaṇakku*	длинный счет
netu-ñ	*cevi*	длинное ухо
peru-n	*tōṭṭam*	большой сад
peru-m	*pāpam*	большой грех.

При помощи этого форматива *m* образуются точно таким же образом прилагательные (или аттрибутивные существительные) от корней и основ выражающих действие или состояние, или от существительных образуемых при помощи формативов *ku* и *kku*. Эти прилагательные имеют двойное значение: 1) *аттрибутивное;* в этом случае они соответствуют нашим причастиям, причем, в отличие от вышеприведенных (§§ 19—21) причастий с формативом *a*, эти причастия не связываются с каким-нибудь временем, и выражают скорее действие или состояние, простирающееся на продолжительное время.

Например:

kāṭṭil valar-um maram; caṉaṅkaḷaiy aṭakk-um eṅkaḷ aracaṉ;
в лесу растущее дерево; людей притесняющий наш царь;

avaṉukku cā-k-uṅ kālam vantatu; cellāmal niṟ-k-um
ему умереть — время пришло; неподвижно стоящий
caṉṉiyāci.
отшельник.

2) *Предикативное;* в таких случаях образования с суффиксом *m (um)* заменяют образования с суффиксом *tu*. При этом формы с суффиксом *m (um)* употребляются:

а) со значением будущего времени. Напр.:

inta māṭu mūṉṟu nāṭkaḷukkuḷ cettu-pō-k-um.
Этот бык через три дня умрет (букв. умирание - идущий).
It' ākum. tēṅkāy marattil-iruntu viḻ-um.
Это случится. Кокосовый орех с дерева упадет.
Uṅkaḷ vīṭukaḷum, vāstiraṅkaḷum āpāraṇaṅkaḷum aḷi-y-um.
Ваши дома, (и) платья (и) украшения (и) погибнут.

б) со значением настоящего времени, или скорее без определенного оттенка времени:

ituc ceyyak kūṭum
это сделать можно. От *kūṭ-u* соединяться (букв. этого-деланиевозможная вещь).
inta cāman turai-y-uṭaiya vīṭṭukkuk koṇṭu-pōka vēṇṭum
эти вещи в господина — дом отнести надо. От *vēṇṭ-u* желать.
avaṉukku nāṉ koṭuṭṭap paṇam pōṭum
ему мною данных денег достаточно. От *pōṭ-u* быть достаточным.
inta kuraṅku uyarnta marattiṉ mēl ēra muṭiyum
эта обезьяна на высокое дерево влезть может. От *muṭ-i* кончаться, удаваться.
nī eṉakkuc coṉṉatu teri-y-um
то что ты мне сказал понятно (известно). От *ter-i* становиться ясным.
ippērppaṭṭak kaḷḷaṉai aṭikkat takum
такого мошенника бить следует (от *tak-u* приличествовать).

(u)m присоединяется:

1) К корню или основе непосредственно в мягких рядах (Б1-3): *сеу-ут, рēс-ит, аṛі-у-ит.*

2) К формативу *k* в смешанных рядах В2 и 3 *kēṭ-ku-m, niṛ-ku-m* и часто в мягком ряде Б1, когда корень оканчивается на долгий гласный: *рō-ku-m, ā-ku-m* (но также и *рō-m, ā-m).*

3) К формативу *kk* в твердом ряду А: *aṭi-kk-um* и смешанном ряде В1: *naṭa-kk-um, iru-kk-um.*

§ 25. Обозрение форм, соответствующих простым временам нашего глагола.

Из вышеприведенного анализа видно, насколько проста и прозрачна структура тех сочетаний, которые соответствуют нашему глаголу. Число употребляемых формативов и суффиксальных слов крайне ограничено и способ сочетания один и тот-же во всех временах. Для наглядности и для справок приводится нижеследующее обозрение семи главных разновидностей сочетаний существительных и прилагательных с личными элементами. Это обозрение соответствует по своему смыслу парадигме глагола. В нем указываются:

1) Существительное действия служащее основой для данного времени,

2) образуемое при помощи суффикса *a* прилагательное или причастие,

3) сочетания этих двух форм с личными элементами — местоимениями и суффиксами.

§ 26. Глагольные существительные с формативами: *a, ka, kka,* и образование страдательного залога.

Суффиксальный гласный *a,* при помощи которого. как мы видели в § 15, образуются существительные действия и состояния, *(infinitivus),* присоединяется: 1) непосредственно к корню

	1) Твердый ряд kk-tt pp aṭ-i бить.	2) Мягкий ряд k-t-v сеу делать.	3) Мягкий ряд k-i-v рēс-u говорить.
Настоящее время.	*aṭi-kk-u	*сеу-k-u	*рēсu-k-u
	aṭi-kk-i(n)r-a	сеу-k-i(n)r-a	рēсu-k-i(n)r-a
	aṭi-kk-i(n)r-ēn	сеу-k-i(n)r-ēn	рēсu-k-i(n)r-ēn
	aṭi-kk-i(n)r-āy	сеу-k-i(n)r-āy	рēсu-k-i(n)r-āy
	aṭi-kk-i(n)r-ān	сеу-k-i(n)r-ān	рēсu-k-i(n)r-ān
	aṭi-kk-i(n)r-āḷ	сеу-k-i(n)r-āḷ	рēсu-k-i(n)r-āḷ
	aṭi-kk-i(n)r-a-tu	сеу-k-i(n)r-a-tu	рēсu-k-i(n)r-a-tu
	aṭi-kk-i(n)r-ōm	сеу-k-i(n)r-ōm	рēсu-k-i(n)r-ōm
	aṭi-kk-i(n)r-īr(kaḷ)	сеу-k-i(n)r-īr(kaḷ)	рēсu-k-i(n)r-īr(kaḷ)
	aṭi-kk-i(n)r-ār(kaḷ)	сеу-k-i(n)r-ār(kaḷ)	рēсu-k-i(n)r-ār(kaḷ)
	aṭi-kk-inr-a-n-a	сеу-k-inr-a-n-a	рēсu-k-inr-a-n-a
Прошедшее время.	aṭi-tt-u	сеу-t-u	рēс-i
	aṭi-tt-a	сеу-t-a	рēс-i-n-a
	aṭi-tt-ēn	сеу-t-ēn	рēс-i-n-ēn
	aṭi-tt-āy	сеу-t-āy	рēс-i-n-āy
	aṭi-tt-ān	сеу-t-ān	рēс-i-n-ān
	aṭi-tt-āḷ	сеу-t-āḷ	рēс-i-n-āḷ
	aṭi-tt-a-tu	сеу-t-a-tu	рēс-i-n-a-tu
	aṭi-tt-ōm	сеу-t-ōm	рēс-i-n-ōm
	aṭi-tt-īr(kaḷ)	сеу-t-īr(kaḷ)	рēс-i-n-īr(kaḷ)
	aṭi-tt-ār(kaḷ)	сеу-t-ār(kaḷ)	рēс-i-n-ār(kaḷ)
	aṭi-tt-a-n-a	сеу-t-a-n-a	рēс-i-n-a
Будущее время.	*aṭi-pp-u	*сеу-v-u	*рēсu-v-u
	aṭi-pp-a	сеу-v-a	рēсu-v-a
	aṭi-pp-ēn	сеу-v-ēn	рēсu-v-ēn
	aṭi-pp-āy	сеу-v-āy	рēсu-v-āy
	aṭi-pp-ān	сеу-v-ān	рēсu-v-ān
	aṭi-pp-āḷ	сеу-v-āḷ	рēсu-v-āḷ
	aṭi-kk-um	сеу-y-u-m	рēсu-m
	aṭi-pp-ōm	сеу-v-ōm	рēсu-v-ōm
	aṭi-pp-īr(kaḷ	сеу-v-īr(kaḷ)	рēсu-v-īr(kaḷ)
	aṭi-pp-ār(kaḷ)	сеу-v-ār(kaḷ)	рēсu-v-ār(kaḷ)

4) Мягкий ряд k-nt-v ar-i знать.	5) Смешанный ряд kk-nt-pp ir-u быть.	6) Смешанный ряд k-t-p kēḷ спрашивать, слушать.
aṟi-k-u	*iru-kk-u	*kēṭ-k-u
aṟi-k-i(ṉ)ṟ-a	iru-kk-i(ṉ)ṟ-a	keṭ-ki(ṉ)ṟ-a
aṟi-k-i(ṉ)ṟ-ēṉ	iru-kk-i(ṉ)ṟ-ēṉ	kēṭ-k-i(ṉ)ṟ-ēṉ
aṟi-k-i(ṉ)ṟ-āy	iru-kk-i(ṉ)ṟ-āy	kēṭ-k-i(ṉ)ṟ-āy
aṟi-k-i(ṉ)ṟ-āṉ	iru-kk-i(ṉ)ṟ-āṉ	kēṭ-k-i(ṉ)ṟ-āṉ
aṟi-k-i(ṉ)ṟ-āḷ	iru-kk-i(ṉ)ṟ-āḷ	kēṭ-k-i(ṉ)ṟ-āḷ
aṟi-k-i(ṉ)ṟ-a-tu	iru-kk-i(ṉ)ṟ-a-tu	kēṭ-k-i(ṉ)ṟ-a-tu
aṟi-k-i(ṉ)ṟ-ōm	iru-kk-i(ṉ)ṟ-ōm	kēṭ-k-i(ṉ)ṟ-ōm
aṟi-k-i(ṉ)ṟ-īr(kaḷ)	iru-kk-i(ṉ)ṟ-īr(kaḷ)	kēṭ-k-i(ṉ)ṟ-īr(kaḷ)
aṟi-k-i(ṉ)ṟ-ār(kaḷ)	iru-kk-i(ṉ)ṟ-ār(kaḷ)	kēṭ-k-i(ṉ)ṟ-ār(kaḷ)
aṟi-k-iṉṟ-a-ṉ-a	iru-kk-iṉṟ-a-ṉ-a	kēṭ-k-iṉṟ-a-ṉ-a
aṟi-nt-u	iru-nt-u	kēṭ-ṭ-u
aṟi-nt-a	iru-nt-a	kēṭ-ṭ-a
aṟi-nt-ēṉ	iru-nt-ēn	kēṭ-ṭ-ēṉ
aṟi-nt-āy	iru-nt-āy	kēṭ-ṭ-āy
aṟi-nt-āṉ	iru-nt-āṉ	kēṭ-ṭ-āṉ
aṟi-nt-āḷ	iru-nt-āḷ	kēṭ-ṭ-āḷ
aṟi-nt-a-tu	iru-nt-a-tu	kēṭ-ṭ-a-tu
aṟi-nt-ōm	iru-nt-ōm	kēṭ-ṭ-ōm
aṟi-nt-īr(kaḷ)	iru-nt-īr(kaḷ)	kēṭ-ṭ-īr(kaḷ)
aṟi-nt-ār(kaḷ)	iru-nt-ār(kaḷ)	kēṭ-ṭ-ār(kaḷ)
aṟi-nt-a-ṉ-a	iru-nt-a-ṉ-a	kēṭ-ṭ-a-ṉ-a
*aṟi-v-u	*iru-pp-u	*kēṭ-p-u
aṟi-v-a	iru-pp-a	kēṭ-p-a
aṟi-v-ēṉ	iru-pp-ēṉ	kēṭ-p-ēṉ
aṟi-v-āy	iru-pp-āy	kēṭ-p-āy
aṟi-v-āṉ	iru-pp-āṉ	kēṭ-p-āṉ
aṟi-v-āḷ	iru-pp-āḷ	kēṭ-p-āḷ
aṟi-y-um	iru-kk-um	kēṭ-k-um
aṟi-v-ōm	iru-pp-ōm	kēṭ-p-ōm
aṟi-v-īr(kaḷ)	iru-pp-īr(kaḷ)	kēṭ-p-īr(kaḷ)

(или основе), напр. *pēc-a* «говорить», *aṟ-i-y-a* «знать»; 2) к суффиксам *k* или *kk*, напр. *pō-ka* «итти», *kaṟ-ka* «учиться» *aṭi-kka* «бить». [Относительно правил, регулирующих выбор того или иного суффикса, см. то, что было сказано по поводу суффикса *um* § 25]. Напр.

aṭi-kka (aṭi-kk-iṟ-ēṉ)	бить
pō-ka (pō-k-iṟ-ēṉ)	ходить
kaṟ-ka (kaṟ-k-iṟ-ēṉ)	учиться
pēc-a (pēc-u-k-iṟ-ēṉ)	говорить.

Эти формы употребляются как наше неопределенное наклонение, но имеют кроме того еще ряд значений, о которых речь будет в отделе о синтаксисе, § 47.

Здесь коснемся только еще их роли при образовании *страдательного залога*. Существительные на *a, ka, kka* соединяются в качестве прямого дополнения со словом *paṭ-u* «терпеть, страдать» *(paṭu-k-iṟ-ēṉ, paṭṭēṉ, paṭu-v-ēṉ, paṭ-a)* и мы получаем следующие сочетания:

aṭikkappaṭukiṟēṉ	я терплю избиение, меня бьют (букв.: избиения — терпение теперь мое)
aṉuppappaṭukiṟāy	ты терпишь высылку, тебя высыляют
kollappaṭukiṟāṉ	он терпит убиение, его убивают
kaṭṭappaṭṭāṉ	он терпел связывание, его связали.
niṟuttappaṭṭōm	мы терпели останавливание, нас остановили
koḷḷappaṭuvīrkaḷ	вы потерпите взятие, вас возьмут.

и т. д.

Из всех способов выражения пассивности это наиболее употребительный. Говоря вообще, тамилы избегают, как и русские, пассивных конструкций и придают фразе активный оборот. Они скажут охотнее: «они били его», чем «он потерпел от них побои».

Кроме слов с суффиксами *a, ka, kka* употребляются для образования страд. зал. и простые основы, выражающие действие: *aṭi-ppaṭṭēṉ* «я терпел побои, меня били».

Такие сочетания с *paṭu* выражают часто просто то или иное психологическое состояние:

paya-p-paṭukiṟēṉ (от *pay-am*)[1] — я боюсь (испытываю боязнь) букв.: боязни — испытание теперь мое

cantōša-p-paṭukiṟēṉ (от *cantōš-am*)[1] — я радуюсь (испытываю радость)

añcu-p-paṭukiṟēṉ (от *añc-u*) — я боюсь (испытываю боязнь)

kavalai-p-paṭukiṟēṉ (от *kav-al-ai*) — я забочусь (испытываю заботу) и мн. др.

На ряду с *paṭ-u*, но сравнительно очень редко, употребляется слово *uṇ* (в)кушать: напр.:

aṭi-y-uṇṭāṉ — он вкусил побои, его побили

alai-y-uṇṇukiṟāḷ — она испытывает горе.

§ 27. Сложные «глагольные» формы.

Вышеприведенные формы, образуемые при помощи разных суффиксов, в достаточной мере обслуживают нужды более примитивного мышления. Но с развитием мысли в сторону дифференциации часто возникают грамматические формы для передачи более тонких оттенков. Так например прошедшее время дифференцировалось на: прошедшее повествовательное время — прошедшее время совершенного вида — давно-прошедшее время — прошедшее время по отношению к будущему. Что однако даже очень развитое мышление может обойтись без выражения этих оттенков, показывает русский язык, в котором нет ни давно-прошедшего времени (плюсквамперфект), ни будущего прошедшего времени (*futurum exactum* лат. языка). В тамильском языке эти сложные формы образуются очень просто. Глагольное существительное прошедшего времени (деепричастие) соединяется с формами глагола *ir-u* «быть, пребывать, находиться». Напр.: *ceyt(u)irukkiṟeṉ*

[1] Обратите внимание на изменение существительного при сочетании paya- и cantoša являются аттрибутивными формами (см. § 339).

«делание — пребывание теперь мое», «сделав я пребываю» т. е. «я сделал» (совершенный вид; *perfectum*); или *aṭitt(u)iruntēṉ* «побив я пребывал», т. е. «я был побившим». *(I had beaten) vant(u)iruppāṉ* «он будет пришедшим» буквально «пришедши он пребудет». При сочетании конечного *i* с начальным *i* слова *iru* вставляется *y* (см. § 10,4). Конечное *u* исчезает (§ 10,3). Примеры:

paṇṇi-y-irukkiṟēṉ я сделал	*koṇṭ-iruntēṉ* я был взявшим
paṇṇi-y-irukkiṟāy	*koṇṭ-iruntāy*
paṇṇi-y-irukkiṟāṉ	*koṇṭ-iruntāṉ*
paṇṇi-y-irukkiṟāḷ	*koṇṭ-iruntāḷ*
paṇṇi-y-irukkiṟatu	*koṇṭ-iruntatu*
paṇṇi-y-irukkiṟōm	*koṇṭ-iruntōm*
paṇṇi-y-irukkiṟīr(kaḷ)	*koṇṭ-iruntīr(kaḷ)*
paṇṇi-i-y-irukkiṟār(kaḷ)	*koṇṭ-iruntār(kaḷ)*
paṇṇi-y-irukkinṟaṉa	*koṇṭ-iruntaṉa*

iṟant-iruppēṉ я буду умершим
iṟant-iruppāy
iṟant-iruppāṉ
iṟant-iruppāḷ
iṟant-irukkum
iṟant-iruppōm
iṟant-iruppīr(kaḷ)
iṟant-iruppār(kaḷ)

Но этим не ограничивается способность тамильского языка выражать разные оттенки действия путем сочетания двух — и даже больше — «глаголов». Полное отсутствие префиксов вроде наших «пре-, про-, с-, вы-», приводит к тому, что все оттенки действия выражаются путем суффиксирования или нагромождения слов.

Там, где для выражения совершенности действия в русском языке употребляется тот или иной предлог вроде: «по-ложил», «вы-шел», «у-мер» и т. д., тамильский язык употребляет соединение двух или больше слов действия, так: «положив — оставил»

«умерев-ушел», «построив-положил». Самые употребительные слова, служащие для такого уточнения действия следующие:

1) *viṭ-u* «оставлять, покидать». Напр.: *iṟantu-viṭṭān* «он умерев-покинул». Некоторые сочетания с *viṭu* слились как бы в одно слово, как *pōyviṭṭāṇ* «он окончательно ушел» *viṭṭuviṭṭāṇ* «он совсем покинул» *aṇuppiviṭṭāṇ* «он выслал».

2) *pō* «итти, уходить» напр.: *āṭukaḷ cettupōyiṟṟu,*[1] «овцы околели». Путем дальнейшего нагромождения можно сказать — и это очень принято в разговорном языке — *āṭukaḷ cettuppōyviṭṭatu* «овцы совсем околели».

3) *var-u (vā)* «приходить, явиться» *iṟaṅki-vantāṇ* «он слез до самой земли» (буквально: «он слезши-пришел»). Постоянно употребляется выражение *tirumpi-vantāṇ* «он вернулся» («он повернувшись-пришел»).

4) *pōṭ-u* «класть, ставить» напр.: *kaṭitam eḻutip pōṭṭāṇ* «он написал письмо» («он писавши-ставил письмо»).

5) *vai* «класть»: *tiruṭaṇaik kaṭṭi-vaittārkaḷ* «они связали вора».

7) *koṇṭu-pō* «уносить» (буквально: «взяв-уходить») и *koṇṭu-var-u* «приносить» (букв. «взяв приходить»): *kaḷḷaṇ koḷḷaic ceytu-koṇṭu-pōṇāṇ* «разбойник ограбил» («грабеж сделав-взяв-ушел»); *āparaṇam paṇṇi koṇṭu vantāṇ* «он сделал украшения» («сделав-взяв-пришел»).

Наряду со словами, служащими для оттенения законченности действия, существуют и слова, оттеняющие продолжительность. Из них наиболее употребительное *koḷ* «брать». Чаще всего это слово употребляется вместе с *iru* «пребывать». Напр. *kucavaṇ appaṭic cīvaṇaṅ ceytu-k-koṇṭ-iruntāṇ* «гончар таким путем зарабатывал средства на жизнь». *pāṭam pāṭik-koṇṭ-iruntārkaḷ* «они пели — продолжительно — песню». Но и без *iru* слово *koḷ* часто

[1] Формы вроде *pōyiṟṟu, āyiṟṟu* употребляются часто вместо регулярных форм *pō-ṇ-a-tu āṇ-a-tu.* Они объясняются следующим фонетическим переходом: *pōyiṇ-a-tu > pōyiṇ-tu > pōyiṟ-tu > pōyiṟṟu* (ср. § 10).

встречается в указанном значении: *tōṭṭakkāraṇ ataṭṭi koṇṭu ōṭi vantāṇ* «садовник ругаясь (все время) прибежал» (буквально бегая пришел). *aṅkē niṇṟuk koḷ* «оставайся там стоять».

Это накопление глагольных форм для выражения того или иного оттенка действия является характерной особенностью тамильского — в частности разговорного — языка, и затрудняет вначале понимание смысла фразы.

§ 28. Суффиксы отрицания *al, il;* другие способы выражения отрицания.

Понятие отрицания выражается двумя корнями: *il* и *al.* Их значение: «небыть» или «небытие». В классической литературе, да и сейчас в языке простонародья, оба эти корня употребляются приблизительно одинаково. В современном литературном языке и в речи образованных кругов существует однако разница в употреблении между *il* и *al. il* отрицает само существование того или иного лица, предмета, действия и т. д. Напр. *iṅkē avaṇ il-l-ai* «здесь его нет» *eṇṇiṭattil paṇam illai* «у меня нет денег» *avaṇ poka-v-illai* «он не идет» (буквально «его хождения нет»). Как видно из этих примеров, к корню *il* присоединяется суффикс *ai,* так что *illai* является в самом деле существительным, что вполне в духе тамильского языка. Наряду с *illai* мы встречаем и существ. *iṇṟu* «нет» (образование при помощи суффикса *n-tu: il-ntu > iṇṟu*).

Корень *al* употребляется для отрицания того или иного качества лица, предмета или действия, само существование которого не отрицается, напр.: *avaṇ nallavaṇ al-l-a* «он не хорош». *itu avaṇ vīṭ' alla* «это не его дом». Как видно, к корню *al* прибавляется суффикс *a.* Наряду с *alla* встречается *aṇṟu,* образованное точно так же, как *iṇṟu.* И то и другое слово — существительные. *al* и *il* употребляются не только самостоятельно, но и суффиксально, в особенности корень *al.* В вышеприведенном (§ 13) списке слов, образованных от корня *aṭ* мы встречаем слова:

aṭaṅk-al-aṉ	неподчиняющийся, враг
aṭai-y-al-ar	неприближенные, противники
aṇṭ-al-ar	недруги

и рядом с этим

aṭaṅk-ā	неподчиняющийся
aṭaṅk-ā-mai	неподчинение
aṇṭ-ā-r(<ā+ar)	недруги

Это сопоставление приводит нас к заключению, что *ā* получилось от *al* путем сокращения и компенсирующего удлинения *a*, точно так же как *pō-tu* получилось от *poḻ-(u)-tu* (ср. § 10: *ippoḻutu > ippōtu > ippō* «теперь» и т. д.). В современном языке общепринятым суффиксом отрицания является *ā*. Этот суффикс придает словам прежде всего значение прилагательных (причастий): *cey-y-ā* «неделающий» *var-ā* «неприходящий» *aṭi-y-ā* «небьющий». В классической литературе такие формы употребляются как со значением существительного так и глагола.

Формы, в которых употребляется один лишь суффикс *ā*, относятся, главным образом, к более древнему периоду. Они встречаются в большом количестве в *ceṉ tamiḻ*. Современный разговорный язык предпочитает формы с добавочными суффиксами: *tu* для образования существительных, *t + a* для образоприлагательных. Слова с суффиксом *tu* имеют, как мы уже видели (§ 19) также и значение сказуемого, т. е. глагола. Напр.: *kēḷ-ā-tu* «неслушание» или «оно не слушает»; *naṭa-v-ā-tu* «нехождение» или «не ходит, не случается». Следующие отрицательные формы образуемые таким путем, соответствуют перечисленным в § 24 положительным формам на *um*.

kūṭ-ā-tu	нельзя	*tak-ā-tu*	неприлично
pōṭ-ā-tu	недостаточно	*pō-k-ā-tu*	негоже, нельзя
muiṭ-i-y-ā-tu	не кончено не кончается, нельзя	*ter-i-y-ā-tu*	неизвестно.

В редких случаях вместо суффикса *tu*, к *ā* присоединяется суффикс *m*. Так *vēṇṭ-ā-m* «не надо» (соответствует *vēṇṭ-um* «надо»).

При соединении корней или основ с *ā* происходят обычные фонетические изменения:

naṭa-v-ātu	не случается
teri-y-ātu	неизвестно
kiṭai-y-ātu	не получается.

Точно так же, как суффикс *tu*, присоединяются к *ā* и суффиксы *aṉ, aḷ, ar*, и мы получаем:

**pēc-ā-aṉ > pēc-āṉ*	он не говорит (не говорящий мужчина)
**kēḷ-ā-aḷ > kēḷ-āḷ*	она не слушает
**aṟi-y-ā-ar > aṟi-y-ār(kaḷ)*	они не знают.

Для множественного числа среднего рода употребляются или формы ед. числа на *tu*, или просто на *ā*.

Путем присоединения сложного суффикса *t-a* мы получаем прилагательные — причастия — с отрицательным значением. Напр.: *pēc-ā-t-a* не говорящий, ая, ее. *kēḷ-ā-t-a* не слушающий, ая, ее. Если присоединить к таким словам суффиксы *aṉ, aḷ, ar, ai* при помощи соединительного полугласного *v* (§ 10,4), то мы получаем формы как *pēcāta-v-aṉ* «не говорящий мужчина», *kēḷāta-v-aḷ* «не слушающая женщина», *aṟiyāta-v-ar* «незнающие люди», *viḻāta-v-ai* «не падающие вещи».

Для образования первого и второго лица отрицательного «глагола» тамильский язык пользуется другим способом. Мы видели, что суффиксы *k, t, p, kk, tt, pp* и т. д. определяют время различных «глагольных» форм, причем для большей ясности в настоящем времени присоединяется и слово *iṉṟu* «теперь». Если присоединить личные окончания непосредственно к корням (простым или расширенным, т. е. основам), то получаются формы на подобие «глагольных», но *лишенные признака времени*. Такое слово выражает действие происходящее, как-бы вне времени,

т. е. не происходящее вовсе. На этом принципе возникают формы вроде

cey-y-ēn	я не делаю (не делал, не буду делать)
ari-y-ēn	я не знаю (не знал, не буду знать)
pēc-āy	ты не говоришь (не говорил, не будешь говорить)
naṭ-a-v-ōm	мы не ходим (не ходили, не будем ходить)
koḷ-ḷ-īr(kaḷ)	вы не берете (не брали, не будете брать).

Личные местоимения присоединяются к корню или к основе с соблюдением обычных фонетических правил (§ 10). Как видно по приведенным примерам, эти слова не относятся к определенному времени, а могут в зависимости от общего смысла быть истолкованы как формы настоящего, прошедшего и будущего времени. Они употребляются в разговорном языке крайне редко, но встречаются часто в языке литературы.

В разговорном языке существует целый ряд способов выражения отрицания, из которых большая часть сводится к сочетанию какого-нибудь существительного действия с *illai* «нет, не существует» (см. выше). Такими существительными действия могут быть: 1) слова со суффиксом *a (kka, ka);* 2) слова с суффиксальным комплексом *-kkiṟatu, -kiṟatu* 3) слова с суффиксальным комплексом *-tatu, -ttatu, -ntatu, -iṉatu* 4) Слова с суффиксальным комплексом *-patu, -ppatu, -vatu.*

1) *nāṉ pōka-v-illai* означает буквально «я (моего) хождения отсутствие», т. е., «что касается меня, то хождения не существует». Переводится это «я не хожу» или «я не ходил». Обычно этим способом выражается отрицание действия в *прошедшем* времени. Напр.:

nāṉ	*pēca-v-illai*		я не говорил (говорю)
nī	»	»	ты не говорил (говоришь)
avaṉ	»	»	он не говорил (говорит)
avaḷ	»	»	она не говорила и т. д.
atu	»	»	оно не говорило

nām (nāṅkaḷ)	*pēca-v-illai*		мы не говорили
nīr (nīṅkaḷ)	»	»	вы не говорили
avar (kaḷ)	»	»	они не говорили
avai (kaḷ)	»	»	» » »

Так как сказуемое по своему значению не меняется — оно просто означает «нет того или иного действия или состояния» — то необходимо выражать личный элемент в виде личного местоимения *nāṉ, nī, avaṉ* и т. д. или какого-либо другого подлежащего.

2) *nāṉ cey-k-i(ṉ)ṟ-a-t(u) illai* означает «моего делания в *настоящее время* отсутствие», т. е. время выражено вполне определенно. Подобные сочетания и употребляются для того, чтобы выражать отрицание действия в настоящем времени.

nāṉ	*ceyki(ṉ)ṟat-illai*		я не делаю
nī	»	»	ты не делаешь
avaṉ	»	»	он не делает
avaḷ	»	»	она не делает
atu	»	»	оно не делает
nām (nāṅkaḷ)	»	»	мы не делаем
nīr (nīṅkaḷ)	»	»	вы не делаете
avar (kaḷ)	»	»	они не делают
avai (kaḷ)	»	»	
nāṉ	*aṭikki(ṉ)ṟat-illai*		я не бью
nī	»	»	ты не бьешь
avaṉ(avaḷ)atu	»	»	он, она, оно не бьет
nām(nāṅkaḷ)	»	»	мы не бьем
nīr(nīṅkaḷ)	»	»	вы не бьете
avar(kaḷ)	»	»	они не бьют.
avai(kaḷ)	»	»	

3) *nāṉ kuṭi-tt-a-t(u)illai* (что касается меня, то выпивания в прошедшем отсутствие) «я не пил», *nī cey-t-a-t(u)illai* «ты не делал» и подобные формы выражают недвусмысленно прошедшее время и употребляются исключительно в этом смысле.

nān kuṭittat-illai	я не пил
nī » »	ты не пил
avaṉ » »	он не пил
avaḷ » »	она не пила
atu » »	оно не пило
nām(nāṅkaḷ) »	мы не пили
nīr(nīṅkaḷ) »	вы не пили
avar(kaḷ) »	они не пили
nāṉ aṭaintat-illai	я не достиг
nī » »	ты не достиг
avaṉ » »	он не достиг
avaḷ » »	она не достигла
atu » »	оно не достигло
nām (nāṅkaḷ) »	мы не достигли
nīr (nīnkaḷ) »	вы не достигли
avar (avarkaḷ) »	они не достигли
naṉ pēciṉat-illai	я не говорил
nī » »	ты не говорил
avaṉ » »	он не говорил
avaḷ » »	она не говорила
atu » »	оно не говорило
nām (nāṅkaḷ) »	мы не говорили
nīr (nīṅkaḷ) »	вы не говорили
avar (kaḷ) »	они не говорили

4) Для образования будущего времени употребляется сочетание *illai* с существительными на *-patu; -ppatu, -vatu.* Напр.: *nāṉ cey-vat-illai* «я не буду делать» *nī aṭi-ppat-illai* «ты не будешь бить» *avaṉ kaṟ-pat-illai* «он не будет учиться» и т. д.

Но чаще для этой цели употребляется сочетание существительного на *a -ka -kka* с отрицательными формами слова *māṭṭu* «зацеплять» (напр. рыбу, лодку). Сочетание *ceyya māṭṭēṉ* означает поэтому буквально «я не зацепляю (берусь за) делание» или в переносном смысле «я не собираюсь делать, я не буду делать».

(Ср. наше разговорное выражение: «не возьмусь»). Слова *māṭṭēṉ* и т. д. превращаются таким образом в нечто похожее на отрицательный вспомогательный глагол будущего времени. Напр.:

(nāṉ) pōka māṭṭēṉ	я не пойду
(nī) pōka māṭṭāy	ты не пойдешь
(avaṉ) pōka māṭṭāṉ	он не пойдет
(avaḷ) pōka māṭṭāḷ	она не пойдет
(atu) pōka māṭṭātu	оно не пойдет
(nām, nāṅkaḷ) pōka māṭṭōm	мы не пойдем
(nīr, nīṅkaḷ) pōka māṭṭīr (kaḷ)	вы не пойдете
(avarkaḷ) pōka māṭṭār (kaḷ)	они не пойдут

Точно так-же

aṭikka māṭṭēṉ	я не буду бить
kaṟka māṭṭēṉ	я не буду учиться
koḷḷa māṭṭāy	ты не будешь брать и т. д.

Часто *māṭṭēṉ* имеет оттенок «я не хочу».

§ 29. Суффикс *al,* как форматив для образования «глагольных» существительных.

Этот суффикс занимает выдающееся место в числе словообразовательных суффиксов и выполняет ряд важных грамматических функций.

Он служит для образования «глагольных» существительных и в этом отношении часто заменяет суффикс *a* или *tu.* Этот суффикс присоединяется к корню или основе 1) непосредственно, напр.:

var-al	прихождение	*cey-y-al*	делание
toṭaṅk-al	начинание	*tēṭ-al*	искание

2) посредством суффикса *k,* напр.:

pō-k-al	хождение	*ā-k-al*	возникновение
kaṟ-k-al	учение	*niṟ-k-al*	стояние

3) посредством суффикса *kk*, напр.:

paṭi-kk-al	чтение	*cēvi-kk-al*	служение
kuṭi-kk-al	выпивание	*naṭa-kk-al*	гуляние

При выборе суффиксов действуют те же правила, как при образовании существительных на *a* (см. §§ 24 и 26).

var-a: var-al; kaṟ-k-a: kaṟ-k-al
kuṭi-kk-a: kuṭi-kk-al.

Слова, образуемые при помощи *al, k-al, kk-al* часто соединяются со словом *ā-m* — от корня *ā* «делаться, становиться, быть возможным» (см. § 24). Такое сочетание приобретает оттенок возможности того или иного действия *(potentialis)* или допустимости. Напр.: *var-al ām* «прихождение станет» или «прихождение возможно», т. е. «можно притти» или «возможно, что он придет». Если сочетать эту комбинацию с личными местоимениями *nāṉ, nī* и т. д., то получается эквивалент напр. санскр. или греческого потенциалиса.

nāṉ var-al-ām	(букв., что касается меня, то приход возможен — или допустим) я, мож. быть, приду; мне можно притти.
nī kuṭi-kk-al-ām	ты, может быть, выпьешь; тебе можно выпить.
avaṉ pō-k-al-ām	он, может быть, пойдет; ему можно пойти.
nāṅkaḷ cey-y-al-ām	мы, может быть, сделаем; нам можно сделать.
nīṅkaḷ col-l-al-ām	вы, может быть, скажете; вам можно сказать
avar(kaḷ) ir-u-kk-al-ām	они, может быть, есть; им можно быть.

Оттенок невозможности, и в особенности, запрещенности или недопустимости действия или состояния передается сочетанием этих же существительных с *ā-k-ātu* (см. § 28).

paṭ-i-kk-al-ākātu	нельзя читать, не полагается читать
nāṉ var-al-ākātu	мне нельзя притти и т. д.

Суффикс *al* часто сочетается с формативами *t* и *tt:*

viṭ-u-t-al	покидание	*aṟ-i-t-al*	знание
cey-t-al	делание	*paṅṅ-u-t-al*	делание
koṭ-u-tt-al	давание	*aṭ-i-tt-al*	избиение.

Суффикс *al* употребляется также для образования «глагольных» существительных с отрицательным значением. При этом отрицательное значение выражается суффиксом *ā,* к которому присоединяется суффикс *m* (употребляемый для образования прилагательных см. выше § 28 и § 24 *vēṇṭ-ā-m*); к этому комплексу присоединяется суффикс *al*. Например:

var-ā-m-al	неприхождение	*il-l-ā-m-al*	небытие, несуществование
pō-k-ā-m-al	нехождение	*cey-y-ā-m-al*	неделание
ā-k-ā-m-al	невозникновение	*aṭi-y-ā-m-al*	небиение
aṟi-y-ā-m-al	незнание	*al-l-ā-m-al*	небытие

и т. д.

При помощи этого отрицательного существительного можно образовать перифрастический отрицательный глагол, соединяя с этими формами *iru* в его разных временах и лицах. Напр.:

ceyyāmal irukkiṟēṉ	я не делаю (букв. неделание — пребывание — теперь — мое
aṭiyāmal irukkiṟāy	ты не бьешь
kuṭiyāmal iruntōm	мы не пили
varāmal iruntār(kaḷ)	они не пришли
kallāmal iruppīr(kaḷ)	вы не будете учиться.

§ 30. *ai* и сочетания с *ai,* как формативы для образования «глагольных» существительных.

При помощи *ai* образуются основы и слова, имеющие как существительное, так и глагольное значение (ср. § 17). Суффикс

ai служит также как *al* (см. § 29) для образования «глагольных» существительных выражающих скорее постоянную деятельность и длительное состояние, чем единичное действие. Напр. *koḷ-ḷ-al* значит «отбирание определенной какой-нибудь вещи» в то время, как *koḷ-ḷ-ai* значит скорее «грабеж» «разбой». Этот суффикс присоединяется или непосредственно к корню, или же комбинируется, также как *al*, с другими суффиксами, в частности с суффиксами задненебного ряда *k* и *kk*. Напр.

kol	убивать	*kol-l-ai*	убийство
koṭ	давать	*koṭ-ai*	дар, давание, щедрость
naṭ	ходить	*naṭ-ai*	ходьба
pō	итти	*pō-k-ai*	уход
var	приходить	*var-u-k-ai*	приход, событие
ā	делаться	*ā-k-ai*	возникновение, происхождение
cey	делать	*cey-k-ai*	деяние
ir	быть	*ir-u-kk-ai*	бытие, место, помещение
paṭ	лежать	*paṭ-u-kk-ai*	лежание, ложе
naṭ	ходить	*naṭa-kk-ai*	поведение

Как видно, в тех случаях, когда *ai* сочетается с задненебным суффиксом, последний согласован с суффиксом настоящего времени

varu-k-ir-ēn: var-u-k-ai; iru-kk-ir-ēn: iru-kk-ai.

О синтактическом значении этих слов при передаче наших придаточных предложений см. ч. IV § 52, 54.

Этот суффикс *ai* употребляется, так же как *al*, для образования (отглагольных) существительных с *отрицательным* значением. Точно так же, как мы образуем *cey-y-ā-m-al*, мы получаем путем сочетания *ā* с *m* и *ai*: *cey-y-ā-m-ai* «неделание». От *il* «не быть» *il-l-ā-m-ai* «небытие, отсутствие».

ai также сочетается с *m*: *mai*. Этот суффикс служит для образования существительных, выражающих какое-либо качество. Так от *peru(m)* «большой» *peru-m-ai* «величие»; *pacu(m)* «зеленый» *pacum-ai* «зелень»; *vanta-mai* «приход, явление». Происхождение этого суффикса, вероятно, следующее: *ai* сперва присоединялось к прилагательному суффиксу *m* (см. § 24). Получаемый таким образом суффиксальный комплекс *m-ai*: *peru-m-ai* > *peru-mai* стал ощущаться как один суффикс *mai*. [Может быть, при этом некоторую роль играло наличие слова *mey* «качество, сущность»]. С этим суффиксом *mai* сочетаются и такие слова, которые не оканчиваются на *m* или на гласный. Напр.:

от *in*	сладкий	*in-mai*	сладость
от *nal*	добрый	*nan-mai*	доброта
от *tan*	сам	*tan-mai*	самость, качество
от *il*	нет	*in-mai*	небытие

(о фонетических изменениях происходящих при этом см. § 10,6).

§ 30. Сочетания формативных согласных *c, ṭ, t, v* и др. с формативными гласными.

Разобранные в §§ 18—24 формативы обязаны своим выдающимся значением тому обстоятельству, что помимо общих словообразовательных функций, они берут на себя образование того комплекса форм, который соответствует нашему глаголу. В этом их *грамматическое* значение. Однако число элементов, употребляемых для образования слов или основ, как со значением существительных так и со значением глаголов, не ограничивается перечисленными суффиксами. Для этой цели привлекаются также и другие ряды взрывных — средненебный *(c, cc, ñc)* и передненебный *(ṭ, ṭṭ, ṇṭ)* в комбинации с гласными и другими суффиксами, а также некоторые сочетания зубных и губных (зубо-губных) согласных с разными гласными.

Нижеследующий перечень суффиксальных образований этого типа не претендует на полноту. В нем даны только наиболее часто встречающиеся комбинации. Для подробного изучения вопроса о тамильском словообразовании необходимо тщательно прорабо-

тать ряд словарных групп подобно тому, как это сделано в § 13.

Суффикс	Примеры
ti	*cey-ti* деяние; *pul-u-ti* пыль, высохшая земля от √*pul* высыхать
tti	*oru-tti* одна женщина *kura-tti* женщина из касты *kuravar* (ср. также § 34) *pur-a-tti* внешняя сторона
tai	*piṉ-ṟai* (из *piṉ-tai* см. § 10) следующее деяние
ntai	*piṟ-a-ntai* рождение, естество
vi	*kal-vi* учение *maṟ-a-vi* забывчивость
vai	*par-a-vai* распространение.
ci	*kaṭ-ai-ci* конец
cci	*muy-aṟ-cci* напряжение, *kaṭ-ai-cci* человек нисшей касты
cu	*tar-i-cu* новина, хлебное поле
ccu	*pīr-ccu* промывать, прополаскивать
ccaṉ	*kaṭ-ai-ccaṉ* младший сын
ñcu	*ur-i-ñcu* всасывать
ṭu	*tak-a-ṭu* плита, слой; *kur-a-ṭu* щипцы
ṭṭu	*puk-a-ṭṭu* вставлять, вливать (*puk* = входить)
ṇṭu	*kuṟ-a-ṇṭu* быть кривым
ṇṭi	*kuṟ-a-ṇṭi* особый способ пения (замысловатый «кривой»)
ṭi	*mal-a-ṭi* бесплодная женщина; *puk-u-ṭi* ворота
ṭaṉ	*mal-a-ṭaṉ* бесплодный мужчина
ṭṭai	*kac-a-ṭṭai* кислота
ṉṟu	*a-ṉṟu* в тот день; *i-ṉṟu* сегодня; *e-ṉṟu* в какой день?
mu	*kul-u-mu* собираться.

§ 32. Слоговые формативы состоящие из гласного и плавного.

В эту группу входит ряд формативов служащих для образования как существительных так и глагольных основ и слов и

представляющих собою следующие комбинации гласных с плавными звуками.

Существительные		Глаголы	
ar : toṭ-ar	цепь, нить	*toṭ-ar*	сцепляться, следовать друг за другом
aṟ : kiṇ-aṟ-u	колодец	*pic-aṟ-u*	смешивать
al : mut-al	начало, первый	*mut-al*	начинать
aḷ : mañc-aḷ	шафран, желтый	*pur-aḷ*	катиться, пачкаться
aḻ : puk-aḻ	похвала	*puk-aḻ*	хвалить
ir : kuḷ-ir	холод, холодный	*kuḷ-ir*	мерзнуть
iṟ : kuḷ-iṟ-u	шум, рев	*kuḷ-iṟ-u*	реветь, кричать
il : kuy-il	слово, декламация	*kuy-il*	выражать, звать, создавать
iḷ : mat-iḷ	стена	*tev-iḷ*	насыщаться, наполняться
iḻ : kum-iḻ	пузырек	*mak-iḻ*	радоваться
uḷ : ter-uḷ	понимание, знание	*ter-uḷ*	знать, быть убежденным
uṟ :		*kum-uṟ-u*	греметь.

Эти суффиксы часто соединяются с другими суффиксами:

toṭ-ar-cci	преследование	*ter-uṭ-ci*	зрелость, знания
toṭ-ar-pu	продолжительность	*ter-uḷ-al*	знание
toṭ-ar-vu	дружба, родство	*ter-uṭ-ṭu*	убеждать
puk-aḻ-cci	хвала, одобрение	(из-*uḷ+tu*)	убеждение
puk-aḻ-vu	слава	*mak-iḻ-cci*	радость
kuḷ-ir-cci	прохлада, освежение	*mak-iḻ-vu*	радость
kuḷ-ir-nt-a	прохладный	*mut-aṉ-mai*	первенство
kuḷ-ir-mai	доброта, приятность	*mut-al-vi*	женщина высшего класса
mut-al-var	небесные, цари	*kav-al-ai*	забота
mut-al-i	первый, начальный	*kuy-iṟ-ṟu*	давать внешнее
mut-al-ōṉ	божество	(*il+tu*)	оформление

§ 33. Суффикс *am*. Этот суффикс служит исключительно для образования существительных обозначающих неодушевленные предметы, животных, абстрактные понятия. Напр.: *mar-am* «дерево», *iṭ-am* «место» *ciṅk-am* «лев», *cinēk-am* «любовь». Этот суффикс встречается особо часто в словах санскритского происхождения, причем в этих случаях он соответствует не только санскритскому окончанию *am* существительных среднего рода, но и окончанию *as* им. сущ. мужского рода, если последние не выражают какое-нибудь лицо (ср. § 34). Напр.:

taricaṉam	зрение, лицезрение	от скр. *darśanam*
ciṅkam	лев	от скр. *siṁhas*
cantōcam	удовлетворение	от скр. *santoshas*

По всей видимости сам этот суффикс был заимствован из санскрита вместе с теми многочисленными санскритскими словами, которые влились в тамильский язык вследствие контакта дравидийского юга с арийским, брахманским, севером. От санскритских слов он перешел на слова тамильского происхождения и вытеснил у них чисто дравидийский суффикс *tu* — или с соединительным гласным *a* (см. выше § 15) *atu*. Так форме *mar-am* предшествовало **mar-atu, iṭ-am* — **iṭ-atu*. Только так можно объяснить иначе совершенно непонятное теперешнее чередование существительной — номинативной — формы с суффиксом *am* с аттрибутивной формой с суффиксом *attu*. Напр.: *maram* «дерево»: *marattu (vīṭu)* «деревянный» (дом). Первоначально чередовались: **ma-r-atu: mar-attu: *iṭ-atu: iṭ-attu* (ср. *kāṭu: kāṭṭu* § 12б1). Потом произошло, как это бывает и в других языках, смешение двух морфологических рядов, при чем иностранный — санскритский — ряд оставил свой след на одних формах (*mar-am* в ед. числе и *mar-aṅ-kaḷ* из *mar-am + kaḷ* во множественном числе), в то время как дравидийский ряд сохранился в аттрибутивных формах ед. числа.

Этот суффикс *am* соединяется и с другими суффиксами, в частности со взрывными согласными как *p, k*. В этих сочетаниях он соперничает с суффиксом *u*, что тоже является доказательством его иностранного происхождения.

Напр.: *iṉ-p-am* или *iṉ-p-u* наслаждение, счастие
nī-kk-am или *nī-kk-u* отстранение, разъединение.

В санскритском языке суффикс *am* слагается из тематического (словообразовательного) гласного *a* (индо-евр. *o*) и *m* — окончания винительного — а в существительных среднего рода и именительного — падежа. Когда существительные этого типа принимают на себя аттрибутивные функции и сочетаются с другими существительными, то они откидывают в санскритском языке окончание и представляются ввиде одной лишь основы. Напр.: от *nāgaram* «город» и *sēnā* «войско» получается *nāgara-sēnā* «городское войско, милиция». (Ср. греческое *dōro-foros* «дароносец» от *dōron* и *foros*). Такие сочетания проникли в большом количестве в тамильский язык. Напр.: *pāyakkāram* от скр. *bhāyakāram* «страшилище», *ciṅkanātam* от *siṁha-nādam* «львиный рев». По аналогии этих санскритских сочетаний даже слова чисто тамильского происхождения в сочетаниях часто представляются ввиде основ на *a*. Напр.: наряду с *marattu-kompu* «сук дерева» встречается *mara-kompu*, или *tōṭṭattu-vēlai* «садовая работа» наряду с *tōṭṭa-vēlai*. Этот способ сочетания указывает также на санскритское происхождение самого суффикса *am* (см. также в § 26 сочетания с *paṭu*).

§ 34. Формативы действующих лиц *aṉ, aḷ, ar*.

Эти суффиксы были упомянуты неоднократно, в частности в связи с образованием «глагольных» форм. Главная функция этих суффиксов — образовать слова со значением действующих лиц. Напр.: *piṟ-aṉ* «другой человек», *tiru-ṭ-aṉ* «вор», *kuca-v-ar* «гончары», *pāṭu-v-aḷ* «певица». Соответствующие лица женского пола часто обозначаются также суффиксом *i*: *tiru-ṭ-i* «воровка», или *tti: kuca-tti* «гончарка». Санскритские слова означающие лица мужеского пола также принимают при переходе на тамильский

язык суффикс *aṉ* в ед. числе, а суффикс *ar* во множественном числе. Напр.:

cēvakaṉ	слуга	*cēvakar*	слуги от скр. *sevakas*
aracaṉ	царь	*aracar*	цари от скр. *rājā*.

В литературном языке и в особенности в классическом языке вместо *aṉ* часто встречается удлиненная форма *āṉ* или *ōṉ*. Точно также во множественном числе формы *ār* или *ōr*, а вместо *aḷ-āḷ*. Напр.:

ūr-āṉ	деревенский житель	*ūr-ār*	деревенские жители
muṉ-ṉ-ōr	предки	*peri-y-ōr*	родители (букв. большие), начальники
pāṭu-v-āṉ (*pāṭu-v-ōṉ*)	певец	*pāṭu-vāḷ*	певица

Суффикс *aṉ* употребляется иногда и там, где по значению требуется суффикс *am*, при чем часто употребляются одновременно и слова с последним суффиксом.
palaṉ или *payaṉ* «плод, результат»; также *palam;* от скр. *phalam*.

Туземные грамматики объединяют все существительные выражающие действующие лица в одну группу, так называемых слов «высшей касты» *(uyar-tiṇai)*. В эту группу входят боги, демоны, мужчины и женщины. Все остальные существительные: дети, животные, растения, неодушевленные предметы вообще, и абстрактные понятия — относятся к группе слов «нисшей касты» *(ahriṇai < al-tiṇai)*. Это деление играет значительную роль в синтактическом отношении (см. ч. IV).

Из вышеприведенных примеров, равно как из §§ 19—21 видно, что этот суффикс очень часто соединяется с другими суффиксами как *ta, u, a* и т. д. В тех случаях, когда предшествующий суффикс оканчивается на гласный, вставляется соединительный согласный, которым большей частью является *v*. Напр.: *cey-ta-v-aṉ* «сделавший» *a-v-aṉ* «он».

Ввиду того, что это сочетание *v-aṉ* встречается очень часто, создалось представление, что суффиксом является *vaṉ*. Этот суффикс *vaṉ* — иногда и *vāṉ* — присоединяется и в тех случаях, когда предшествующий ему слог оканчивается на согласный. Напр.: *kaḷ-vaṉ* «мошенник».

Другие разновидности расширенного суффикса *aṉ:*

n-aṉ	напр.: *makiḻ-naṉ*	супруг (букв. дающий радость)
ñ-aṉ	напр.: *kaḷai-ñaṉ*	низкий, подлый человек
ṭ-aṉ	напр.: *tiru-ṭaṉ*	вор
tt-aṉ	напр.: *oru-ttaṉ*	один человек.

§ 35. Суффиксы множественного числа.

Для выражения множественного числа тамильский язык имеет два способа: 1) Замена суффикса единственного числа другим суффиксом, 2) прибавление специального суффикса множественного числа. С главным представителем первого способа мы только что ознакомились: *aṉ > ar*. Сюда относится также чередование *tu: (v)ai*. Напр.:

a-tu	то	*peryia-tu*	большая вещь
a-vai	те	*periya-vai*	большие вещи

Однако самым распространенным и характерным для тамильского языка суффиксом мн. ч. является *kaḷ*. Первоначально этот суффикс прибавлялся только к существительным «низкой касты» которые, в еще более отдаленный период, имели вообще только одну форму для ед. и мн. числа. Напр.: *vīṭu-kaḷ* «дома», *vaṇṭu-kaḷ* «пчелы» *coṟ-kaḷ* «слова» (от *col*) *māṉ-kaḷ* «олени» *tōṭṭaṅ-kaḷ* «сады» и т. д. Впоследствие этот суффикс стал прибавляться также и к суффиксам мн. числа *ar* и *(v)ai*. В первом случае двойное выражение множественности объясняется тем, что очень часто суффикс *ar* употребляется для почетного обозначения старших или чем-либо выдающихся лиц в ед. ч. Напр.: *avar* почти всегда означает «он» с оттенком почета. Точно также *mutali-y-ar*

«главарь», *Manikkavācak-ar* имя одного из шиваитских поэтов и т. д.

Для выражения множественного числа требуется поэтому в разговорном языке еще один уточняющий суффикс. Так мы получаем *manit-ar-kaḷ* «люди», *tiru-ṭar-kal* «воры», *ara-c-ar-kaḷ* «цари» и т. д. В свою очередь и суффикс *kaḷ* может в некоторых случаях брать на себя функции суффикса почета. Так мы встречаем довольно регулярно *kuru-k-kaḷ* «наставник», даже тогда, когда несомненно речь идет об одном лице. По аналогии *kaḷ* прибавляется часто к суффиксу мн. ч. *(v)ai: a-vai-kaḷ* «они», *vilu-kira-vai-kaḷ* «падающие предметы» и т. д.

Другой суффикс мн. ч. *mār* (вероятно сложный суффикс *m-ār*) присоединяется только к существительным высшей касты. Напр.: *takappan-mār* «отцы», *tāy-mār* «матери», *tampi-mār* «младшие братья». И этот суффикс употребляется часто с оттенком почета: *uṅkaḷ tāymār* «ваша уважаемая мать». Поэтому и к этому суффиксу часто прибавляется для уточнения *kaḷ: tāymār-kaḷ* «матери», *takappanmār-kaḷ* «отцы».

Суффикс *kaḷ* прибавляется также к формам мн. ч. личных местоимений *nām* «мы», *nīm* «вы» (теперь в разговорном яз. *nīr*) *tām* «сами». Согласно правилам сочетания согласных (§ 10,6 а) мы получаем:

nāṅ-kaḷ, *nīṅ-kaḷ* и *tāṅ-kaḷ*.

(Форматив *m* множественного числа в *nām* и др. вероятно тот-же самый, который мы имеем в суффиксе *m-ār*).

По своему значению простые формы множественного числа отличаются от сложных с *kaḷ* так:

nām означает: «ты да я», или «вы да мы», т. е. говорящий (ие) *включает (ют)* то лицо (или те лица) к которому (ым) обращена речь.

nāṅ-kal «мы, но не вы». Говорящий (ие) *исключает (ют)* то лицо (те лица) к которому (ым) обращена речь.

Кроме того *nām* употребляется вместо *nān* в торжественной речи лицами занимающими высокий пост и т. д.

nīr(m), nīṅ-kaḷ «Вы, вы». Первое употребляется обычно как вежливое обращение к равному, второе как обращение ко множеству лиц или к одному, но высшему.

tām, tāṅkaḷ «Сам, сами». *tām* стало употребляться как ед. ч., и это вызвало необходимость во втором суффиксе мн. ч. Обе формы, но в особенности *tāṅkaḷ* употребляются часто вместо *nīr* и *nīṅkaḷ* при почтительном обращении: *tāṅkaḷ enna connīr-kaḷ?* «что вы изволили сказать?»

§ 36. Суффиксальные слова.

Эта группа объединяет суффиксы как чисто тамильского так и санскритского происхождения, которые имеют кроме того значение самостоятельных слов, или по крайней мере имели таковое еще сравнительно недавно.

а) Тамильские суффиксы.

āḷi(āḷ) от корня *āḷ* «управлять», как самостоятельное слово означает «хозяин, правитель». Как суффикс оно употребляется для обозначения лиц мужского и женского пола заведывающих или владеющих чем-нибудь, или имеющих то или другое качество. Напр.: *kūṭṭ-āḷi* «компаньон, товарищ», *pakai-y-āḷi* «враг».

āḷan образуется от того же корня при помощи суффикса *an* (*ar* во мн. ч.). Этот суффикс уже не встречается самостоятельно. Напр.: *pakai-y-āḷan* «враг».

uru Это слово означает в самостоятельном употреблении «быть, существовать, достигать, соединяться». Если присоединить его к словам выражающим действие или состояние, то оно придает оттенок окончательности или интенсив-

ности. Напр.: *cūl-urr-ārkaḷ* «они окружили», *ūṭ-ura ceṉratu* «оно пробило».

pāṭu существительное от *paṭu* терпеть. Оно означает «состояние» напр.: *uruti-pāṭu* «состояние окончательности решения», *pir-pāṭu* «потом, после» (из *piṉ* «после» и *pāṭu*).

arra от *aru* «терять, избавляться» употребляется в смысле «без» напр.: *tik-arra* «беспомощный, беспризорный» (букв. не имеющий ни одной страны света, куда итти).

iṭu «ставить, класть» часто соединяется суффиксально с другими словами. Напр.: *kump-iṭu* «сложить руки для приветствия», *kūpp-iṭu* «кричать, звать» и др.

б) Санскритские суффиксы.

kāraṉ от скр. *kāra* «деятель» (корень *kṛ* «делать») напр.: *vēlaik-kāraṉ* «работник», *tōṭṭa-k-kāraṉ* «садовник».

karam от скр. *kara* «рука, средство» того же корня обозначает причину, орудие, способ; напр.:
payaṅ-karam «нечто внушающее страх».

cāli от скр. *šālin* «обладающий чем-либо», напр. *nīti-cāli* «справедливый».

Дальнейшие примеры таких суффиксальных слов дает любой словарь.

§ 37. Удвоение слов и звукоподражание.

Удвоение как способ выражения интенсивности, повторности или множества присуще многим, в частности примитивным, языкам. Оно практикуется чрезвычайно широко в тамильском языке, в частности в разговорном языке простонародия.

Напр.: *aṉr' aṉru* «день за днем», *muṟai muṟai-y-āka* «по порядку», *viṭṭu-viṭṭāṉ* «он совсем покинул», *vara vara* «постепенно», *pārkkap pārkka* «при близком рассмотрении» *munti munti* «прежде всего» *avaṉ avaṉ* или: *vēṟu vēṟ-āka* «каждый в отдельности», *collic colli tirintārkaḷ* «они повторно рассказывая ходили взад и

вперед», *taṉ tukkaṅkaḷai niṉaittu niṉaittu* «думая постоянно о своих несчастиях»; *tēmpi tēmpi aḷutāṉ* «он заплакал навзрыд» *tāṇṭit tāṇṭi natiyai kaṭantārkaḷ.* «Они перешли вприпрыжку через реку» *paṟ-pala* (от *pal-pala*) «очень много».

Характерно для тамильского языка удвоение, при котором второе слово лишь похоже на первое, ассонирует с первым, и имеет приблизительно сходное значение. Напр.: Для того, чтобы сказать: «он пришел спотыкаясь все время» соединяют слово *pataṟu* со словом *tavaṟu*. Оба слова означают «спотыкаться, соскальзывать». Так *avaṉ tavaṟi pataṟi viḷuntāṉ* «он спотыкаясь и скользя падал».

Еще более любопытны такие повторения, в которых второе слово не имеет смысла, а является лишь своего рода эхо первого. Напр.: *viṟaku-kiṟaku* «дрова», *taṇṇīr-kiṉṉīr* «вода», *kutirai-kitirai* «лошадь», *koñcam-neñcam* «немного» (эти выражения встречаются лишь в народном языке).

Словообразование *звукоподражательного* типа, является излюбленным морфологическим приемом тамильской речи и придает ей образность и живость. Широкое употребление этого способа указывает в тоже самое время на примитивность этого языка, сохранившуюся до сих пор наряду с высокой культурностью. Звукоподражания, как единичные так и удвоенные соединяются обычно со словами *eṉṟu*, *eṉ-a*, *eṉ-al* (ср. § 15). Это — существительные образованные при помощи суффиксов *tu*, *a*, *al* от корня *eṉ* «говорить», «произносить». Иногда употребляются соответствующие формы от *iṭu* «класть» «делать». Следующие примеры представляют собой только маленькую часть богатого материала этой интересной морфологической категории.

1) Звукоподражания без удвоения.

nīr curīr-eṉṟu pukaintatu	вода зашипела и задымилась букв. сказав *curīr* задымилась
tiṭīr eṉa eḷuntu	с шумом вставши

kī-mā-eṉpār iṉṟi	не произнося ни звука, букв. не будучи произносителями звуков *kī* и *mā*
kū-v-eṉṟu alari	громко рыдая
kō-v-eṉṟu aḻutu	плача с ревом
paḷīr-eṉṟu viḻuntatu	оно упало со звоном разбивающегося стекла
tiṭṭīl-eṉa kīḻē viḻuntatu	оно упало вниз со звоном
tiṭum-eṉal	звук барабана.

2) Удвоенные звукоподражательные слова.

kala-k-kal-eṉal	Шуршание (сухих листьев)
kaṉīr-kaṉīr-eṉal	служит для передачи звона колоколов.
cala-cala-v-eṉṟu vantāṉ	он приходил, шлепая по воде
nāy vāḷ-vāḷ-eṉṟu kattiṉatu	собака протяжно выла
molu-mol-eṉṟu avaṉai piṭittukkoṇṭāṉ	он бросился на него ударяя в ладоши
maḻai coḷu-coḷ-eṉṟu peikiṟatu	дождь падает крупными каплями (идет, делая *coḷu-coḷu*)
avaṉ maṭa-maṭ-eṉṟu kuṭikkiṟāṉ	он пьет, громко глотая
taṇṇīr maṭa-maṭ-eṉṟu pōkiṟatu	вода булькает
kompu maḷa-maḷ-eṉṟu murintatu	сук сломался с треском
ūrār pilu-pil-eṉṟu ōṭivantārkaḷ	крестьяне прибежали шумной оравой
palīr-palīr-eṉṟu viḻuntatu	(удары хлыста) сыпались со свистом
neru-ner-eṉṟu elumpu kaṭittāṉ	он грыз кость со скрежещащим звуком.
nīr muka-muk-eṉa varukiṟatu	вода журчит
arici paḷa-paḷ-eṉṟu porikiṟatu	рис поджаривается (на сковороде) с шипением.

Часто этот звукоподражательный способ словообразования применяется и тогда, когда речь идет не о восприятии слухом,

а другими органами, напр.: *vala-val-eṉal* означает буквально: «болтать без умолку и без смысла». Но на ряду с этим встречается и такое выражение: *paṭṭu vala-val-eṉṟu irukkiṟatu* «шелк очень мягок» *(Pope H. B. 273)*.

kaṇa-kaṇ-eṉal значит «громко звенеть», как колокол и голос; но так-же говорится *kaṇa-kaṇ-eṉṟu kāntukiṟatu* «оно горит очень ярко». *tiṭu-tiṭ-eṉṟ' ōṭukiṟāṉ* «он убегает быстро» (часто повторяющимися шагами). Буквально это образование передает быстро повторяющиеся звуки шагов.

talai kiṟu-kiṟ-eṉṟu curṟukiṟatu	голова идет кругом (букв. вертится, делая *kiṟu-kiṟu*)
eṉakk' uṭampu paṭa-paṭ-eṉṟu varukiṟatu	у меня тело дрожит (от усталости

но с прямым звуковым значением:

paṭa-paṭ-eṉṟu pēciṉāṉ	он говорил быстро, отрывисто.

От этих звукоподражаний образуются при помощи уже известного нам суффиксального материала слова. Напр.:

paṭapaṭa-ttal или *paṭapaṭa-ppu*	дрожь (от лихорадки), отрывистость в речи.
paḷapaḷa-kk-iṟ-a-tu	оно сверкает
paḷapaḷa-ppu	блеск, сверкание
varṟiya-v-ōlai kalakala-kk-um	сухие листья громко шуршат
vaḷi vaḷavaḷukkiṟatu	дорога скользка
avaṉ kiṟukiṟu-ttu ppōṉāṉ	он ушел смущенный
avaṉ kiṟukiṟupp(u) aṭaṅkiṟṟu	его гордость преуменьшилась.

Отсюда с упрощением:

kiṟu-kku	сумасшествие, гордыня
kiṟu-kk-aṉ	сумасшедший.

§ 38. Образование числительных.

Интересным примером применения различных способов словообразования являются числительные. Современный тамильский

язык знает только десятеричную систему счисления, но в самом названии некоторых числительных, в частности 9, 90 и 900 сохранились, повидимому, отдаленные следы восьмеричного исчисления (см. ниже). Числительные до сотни включительно чисто тамильского происхождения. Числительные от тысячи и выше выражаются санскритскими заимствованиями. Как и у нас, числительные делятся на количественные и порядковые. Первые по своей природе существительные и употребляются или самостоятельно, или аттрибутивно. Соединяемые с числительным существительные ставятся часто в ед. числе; напр.: *ēlu vīṭu* или *ēlu vīṭukaḷ* «7 домов». Первая форма более старая и более идиоматичная. В некоторых случаях разнице в употреблении соответствует и формальная разница, хотя по существу и аттрибутивные и самостоятельные числительные являются существительными.

1) Числительные от 1—10 — количественные.

	Сокращен. аттриб.	Аттрибутивн. форма.	Самостоятельн. форма.
1	*or, ōr*	*oru*	*onru* (назализация)
2	*ir*	*iru*	*ir-a-ṇṭu (reṇṭu)*
3	*mu, mū*	*mū-nru*	*mū-nru*
4		*nāl*	*nāl-u, nān-ku*
5	*ai, aim*	*ai-n-tu*	*ai-ntu*
6		*aru, āru*	*āru*
7		*elu, ēlu*	*ēlu*
8		*eṭṭu, eṇ*	*eṭṭu*
9		*oṇ-patu*	*oṇ-patu*
10		*patu*	*pattu* (ср. § 12, а, 4).

Особый интерес вызывает числительное 9 *oṇ-patu,* которое, повидимому, имело первоначальное значение 10—1. Это указывает на то, что первоначальный счет кончался восьмеркой. Гласный *u,* которым оканчивается большая часть этих форм, исчезает перед другим гласным, при чем часто происходит компенсирующее удлинение самого корня.

При счете лиц прибавляются к аттрибутивным формам суффиксы *an, i, ar* (§ 33) ввиде *v-an, tt-an, m-ar.* Напр.:

oru-v-an или *oru-tt-an* «один человек» *oru-tt-i* «одна женщина» *iru-v-ar* «два человека *mū-v-ar* «3 человека» *nāl-v-ar* «4 человека» *ai-v-ar* «5 человек» *pat-in-m-ar* «10 человек».

100 имеет две формы: *nūr-u* существительное и *nūrr-u* аттрибутивное (§ 12, а, 1). (Ср. *āru* река: *ārr-u* речной и др.).

1000 *āyiram* происходит от санскритского *(sa)-hasram-*
10.000 *ilaṭcam* происходит от скр. *lakšam*
10.000.000 *kōṭi* происходит от скр. *koṭi.*

Для образования сложных числительных тамильский язык прибегает к сочетанию единиц с десятком, или сотней, тысячей и т. д.

В отличие от целого ряда индоевропейских яз. (лат. *quindecim* скр. *pañca-daša* греч. *pente kaî deka* нем. *fünf-zehn* англ. *fif-teen*) в тамильском языке в сложных числительных единицы всегда занимают последнее место, десятки предпоследнее и т. д. как в русском яз.

При образовании чисел от 11—19 единицы прибавляются к *patu* + аттрибутивному суффиксу — *in* (см. § 50), как видно из следующей таблицы:

11 *pat-in-onru* букв. единица — десятки.	12 *pann-irantu* (из *pat-in*)	13 *pat-in-mūnru*
14 *pat-in-nālu* (уподобление *n* > *n*)	15 *pat-in-aintu*	16 *pat-in-āru*
17 *pat-in-ēlu*	18 *pat-in-eṭṭu*	19 *patt-onpatu!* (единственное исключение из общей схемы).

Десятки образуются путем сочетания аттрибутивных форм единиц с *patu*.

20 *iru- patu* (2 десятка)	30 *mu-p-patu*
40 *nāṟ-patu* (от *nāl-patu*)	50 *aim-patu*
60 *āṟu-patu*	70 *ēḻu-patu*
80 *eṇ-patu*	90 *toṇ-ṇūṟu!*

Здесь опять интересна форма 90, которая по мнению *Pope* происходит от корня *toḷ* «быть слабым» «недоставать» и *nūṟu* 100. *Caldwell* связывает *toṇ* с телугу *ton, tom, tol* и объясняет как «первое число перед сотней, тысячей».

Единицы прибавляются к десяткам от двадцати и выше к слову *pattu* без аттрибутивного суффикса *iṉ*.

22 *iru-patt-iraṇṭu* 56 *aim-patt-āṟu* 73 *ēḻu-pattu-mūṉṟu*
но 92 *toṇṇūṟṟ-iraṇṭu* 99 *toṇṇūṟṟ-oṉpatu.*

При соединении сотни с десятками или единицами слово *nūṟu* принимает свою аттрибутивную форму *nūṟṟu;* 156 *nūṟṟ-aimpatt-āṟu* 125 *nūṟṟ-irupatt-aintu* и т. д.

При образовании кратных от 100 *nūṟu* сохраняет эту форму и соединяется с аттрибутивными единицами:

200 *iru-nūṟu*	300 *mun-nūṟu*
400 *nāṉūṟu* (из *nāl-nūṟu*)	500 *ain-nūṟu*
600 *āṟu-nūṟu*	700 *ēḻu-nūṟu*
800 *eṇ-ṇūṟu*	900 *toḷ-ḷ-āyiram.*

И здесь 900 стоит особняком и означает или «недостающее до 1000 или «первое число перед 1000».

Примеры чисел с сотнями: 495 *nāṉūṟṟu-toṇṇūṟṟ-aintu* 728 *ēḻunūṟṟ-irupatt-eṭṭu.* Когда *āyiram* 1000 соединяется с другими числами (сотнями и т. д.) он также как 10 и 100 принимает аттрибутивную форму *āyirattu.* Напр.: 1927 *āyirattu-toḷḷāyiratt-irupatt-ēḻu.*

2) Порядковые числительные.

Для образования порядковых числительных количественные числительные-существительные — соединяются со словом *ām* образуемым от корня *ā* при помощи суффикса *m* (см. § 24) и имеющим значение «делающийся, становящийся». Наряду с *ām* употребляется *ā-vatu,* происходящее от того же корня *ā* но с суффиксальным комплексом *v-a-tu* (см. § 20). Напр.:

2-ой *iraṇṭ-ām; iraṇṭ-āvatu*	3-ий *mūṉṟ-ām; mūṉṟ-āvatu*
4-ый *nāṉk-ām; nāṉk-āvatu*	5-ый *aint-ām; aint-āvatu*
6-ой *āṟ-ām; āṟ-āvatu*	7-ой *ēḻ-ām; ēḻ-āvatu*
8-ой *eṭṭ-ām; eṭṭ-āvatu*	9-ый *ompatt-ām; ompatt-āvatu*
10-ый *patt-ām; patt-āvatu*	100-ый *nūṟ-ām; nūṟ-āvatu.*

Также как и в индо-европейских языках (один — первый; *ēkas-prathamas; unus-primus; heis-prōtos; one-first*) первое порядковое образуется от другого корня, чем соответствующее количественное числительное. Он имеет вид *mut-al* (означающее «начало, передний») или *mut-al-ām; mut-al-āvatu.* Суффикс *āvatu* придает порядковым числам помимо прилагательного значения (второй, пятый и т. д.) еще и значение наречий. Так

mutal-āvatu значит «во-первых» или «впервые»
iraṇṭāvatu » «во-вторых» и т. д.

3) Дистрибутивные числительные.

Принцип удвоения (см. § 36) применяется при образовании числительных с *дистрибутивным* оттенком:

o-vv-oṉṟu, один-один	по одному, в одиночку
i-vv-iraṇṭu два-два	по два, парами
mu-m-mūṉṟu три-три	по три
na-ṉ-ṉāṉku	по четыре
ai-y-aintu	по пять

a-vv-āṟu	по шесть
e-vv-ēḻu	по семь
e-vv-eṭṭu	по восемь
pa-p-pattu	по десять.

Как видно, способ удвоения несколько отличается от уже известного нам (§ 37), и напоминает скорее тип индо-европейской редупликации (скр. *li-lēkha* гр. *pe-poitha* лат. *pu-pugi*).

Часто к числительным количественным или к определяемым ими существительным прибавляется суффикс *um* имеющий обобщающее значение (§ 46). Этот суффикс указывает на то, что данное числительное выражает в с е количество лиц или вещей имеющихся на лицо в данный момент и в данном месте. Напр.:

iru-v-ar два человека: *iruvar-um* оба человека.

aintu cīšarkaḷ пять учеников: *aintu cīšarkaḷ-um viḻuntārkaḷ* Все пять учеников упали.

avaṉ āṟu mātukaḷai vāṅkiṉāṉ. Он шесть быков купил. *āṟu mātukaḷ-um tiruṭappaṭṭatu.* Все шесть быков были украдены.

Для выражения дробных чисел тамильский язык употребляет названия частей тела, как

arai	поясница т. е. половина
kāl	нога т. е. четверть.

IV.

Синтаксис.

§ 39. Типы предложений.

Предложением — или фразой — в самом широком смысле мы называем законченное звуковое выражение какого-нибудь чувства (ощущения, эмоции), волевого импульса или представления. Согласно этому определению понятие «предложение» обнимает все типы звукового выражения от междометия до сложнейшего периода. Переходы от одного типа к другому часто незаметны. Так, например, ощущение боли приводит к непосредственному рефлекторному движению звукового органа, в результате чего получается междометие «ай». Этот звук служит, в большинстве случаев, достаточным средством для сообщения того факта, что произносящему его больно. Отсюда лишь один шаг к более осмысленному выражению того-же ощущения в виде слова — предложения «больно». Следующая ступень в смысле уточнения и осмысления будет «мне больно» или «я страдаю» т. е. такая передача представления, которая содержит два основных элемента законченной фразы: подлежащее и сказуемое. Дальнейшее развитие предложения идет по линии уточнения основного представления путем дополнений к двум основным элементам.

Следуя этому принципу мы будем сначала разбирать самые простые синтактические формы и потом анализировать способы их расширения и уточнения. В зависимости от психологической подкладки можно все предложения разделить на три группы :

1) Выражение — преимущественно рефлекторного типа — разных ощущений, чувств или эмоций. Эти фразы имеют обычно форму восклицания или междометия.

2) Выражения волевого импульса, выражающегося обычно в форме приказания или запрещения.

3) Выражение представления. Эта, самая большая, группа распадается в свою очередь на целый ряд категорий в зависимости от оттенка представления:

а) безусловное утверждение сообщающее об окончательно сложившемся представлении;
б) безусловное отрицание сообщающее об отсутствии представления или части его;
в) условное утверждение или отрицание;
г) неуверенное утверждение или отрицание (потенциалис);
д) вопросы, при помощи которых говорящий требует или уточнения уже имеющегося у его представления, или же подтверждения или отрицания находящегося еще под сомнением представления.

Способность к уточнению мысли и богатство соответствующих грамматических форм достигает своего высшего развития естественно в предложениях передающих представления.

§ 40. Выражение разных эмоций при помощи восклицаний и междометий.

Разговорный язык, и в особенности язык мало образованных слоев тамильского населения, изобилует восклицаниями выражающими всевозможные оттенки ощущений, чувств и эмоций. Жители южной Индии вообще люди очень эмоциональные и любят драматизировать свою речь. Эти восклицания являются часто простыми звуковыми рефлексами на то или иное ощущение, как напр. *ai*, *aiyō*, *aiyaiyō*, *āá*, выражающие боль, горе или удивление; *ōó*, *okō*, *ōy*, выражающие испуг или удивление (иногда радостное); *cīcī*, *tū* выражающие отвращение и др. Иногда эти восклицания облекаются в форму слов имеющих конкретный смысл. Напр. *ayyā*, возглас удивления, горя и т. д., от *ayyaṉ* «отец» (ср. русское «батюшки!»); точно также *aṭāppā* употребляющееся в том же смысле от *aṭā* и *appaṉ* «отец». Очень вероятно, что и *ayyaṉ* и *appaṉ* были первоначально рефлекторными восклицаниями, в частности детскими, и превратились в слова с конкретным содержанием «отец» лишь впоследствии (ср. «папа», «мама» и др. детские обозначения родителей). Сюда относится и *ammā* «матушки», употребляемое в том же значении, как *ayyā*. Восклицание служит часто и для того, чтобы обратить внимание на говорящего или на то, что ему хочется сообщить. Такими окликами служат *ō*, *akō* «эй», но также и формы образуемые от осмысленных слов, как *intā* «вот» (от *inta* этот) *antā* «вон» (от *anta* «тот») *itō* «вот» «во-во» (от *itu* «это»). Нет сомнения, что играющие такую важную роль в образовании указательных и вопросительных местоимений гласные *i*, *a*, *u*, *e* были первоначально ничто иное, как такого рода оклики. Часто употребляются в качестве оклика: *aṭā* эй ты! (обращение к слуге) *eṭā* эй барин! (обращение к человеку высшей касты).

§ 41. Выражения волевых импульсов; приказы и запрещения.

Сосредоточенная на каком-нибудь определенном представлении и обращенная к другому человеку воля говорящего принимает форму *приказа* или *запрещения*. Как мы видели выше, первоначальная форма приказа совпадает с корнем или основой, в которых еще не произошло дифференциации значения на существительные и глаголы. Так напр. *col* означает «слово» и «говори». Точное значение в каждом отдельном случае давалось и дается контекстом и произношением. Отрицательное приказание, т. е. запрещение, выражается формами имевшими первоначально существительное значение. К существительному с суффиксальным комплексом *ā-tu*, прибавляется звук *ē* (см. ниже

§ 45,1), служащий как бы словесным ударением или восклицательным знаком. Так от *naṭa-v-ātu* «нехождение» «неходить» образуется *naṭa-v-āt-ē* «не ходить!», или «не ходи». *kuṭi-y-ā-t-ē* « не пить», «не пей». *kēḷ-ā-t-ē* «не слушаться», «не слушайся» и т. д. Как видно, этот способ выражения запрещения имеет параллель в наших запрещениях командного и декретивного типа.

Такие формы, как *cey* и *ceyyātē* вполне удовлетворяют простым потребностям примитивного общества. Однако, с расслоением общества на классы и с ростущей культурностью появляется потребность в дифференциации. С одной стороны оказалось неудобным употреблять одну и ту же форму в обращении к ниже стоящему и к равному, или даже к выше стоящему; с другой стороны оказалось нужным оттенить единственное число от множественного числа. Для этих целей присоединяется непосредственно к корню или основе *um:*

aṭi	бей	*aṭi-y-um*	бейте
nillu	стой	*nillu-m*	стойте
naṭa	ходи	*naṭa-v-um*	ходите.

По примеру *положительного* приказания образуются соответствующие формы запрещения:

col-l-ātē-y-um	не говорите
kēḷ-ātē-y-um	не слушайте
naṭa-v-ātē-y-um	не ходите.

Эти формы на *um* имеют значение не только почтительного приказа или просьбы, но также приказа во множественном числе. Необходимость в дальнейшей дифференциации создала при помощи суффикса *kaḷ* формы приказа, обращенного ко многим лицам.

cey-y-uṅ-kaḷ	делайте	*cey-y-ātē-y-uṅ-kaḷ*	не делайте
kuṭi-y-uṅ-kaḷ	пейте	*kuṭi-y-ātē-y-uṅ-kaḷ*	не пейте.

И эти формы употребляются в качестве почтительной просьбы. В тамильском языке не существует эквивалента нашему «пожалуйста». Иногда прибавляется *tayavu ceytu* «милости-делание» «сделав милость» (от скр. *dayā* «милость»), напр. *tayavu ceytu vāruṅkaḷ* «сделав милость, приходите»; но тамил предпочитает выражать оттенки приказания при помощи приставки суффиксов или слов.

Другие способы почтительного приказания и запрещения следующие:

1) *vēṇṭum:* *mey c colla vēṇṭum* — говорите правду
правду говорить надо

vēṇṭām: *poy c colla vēṇṭām* — не говорите неправды
неправду говорить не надо

2) *ākātu:* *ippaṭi c ceyyal ākātu* — не делайте так
так делать не следует

3) Глагольные существительные с формативами *a (ka, kka);* напр.:

nīr pōka идите пожалуйста [буквально «(что касается) Вас (то будет) хождение» или «Вам — итти»].

nīr vāḻka будьте счастливы! (букв. «Ваше — процветание»); это очень торжественная форма приветствия.

С этими глагольными существительными на *a, ka, kka* можно соединить суффикс *um* (по аналогии с *ceyyum* и т. д.), что дает еще более вежливую форму повеления.

itu ceyya-v-um	сделайте, пожалуйста, это
aṅkē pōka-v-um	идите, пожалуйста, туда.

4) Будущее время с *āka* в суффиксальном положении:

ceyvēṉ-āka	пусть я сделаю [букв. *ceyv(u)* + *ēṉ* + *āka* (да будет) делания — моего — становление].
ceyvāy-āka	пусть ты сделаешь
ceyvāṉ-āka	пусть он сделает и т. д.

Нужно однако сказать, что приведенные под №№ 3 и 4 способы в современном языке встречаются крайне редко.

5) Зато довольно обычно соединение глагольного существительного на *a, ka, kka* с суффиксом *ṭṭum*, являющееся, по всей вероятности, сокращением слова *oṭṭum* «разрешается», от *oṭṭu*.

āka-ṭṭum	Пусть будет; (буквально «становление будет разрешено»).
kuṭikka-ṭṭum	пусть пьет (пить — дозволяется).
nī vara-ṭṭum	ты можешь притти (что касается тебя, то притти разрешается).

6) Точно также встречается довольно часто соединение глагольных существительных на *a, ka, kka* с формами:

kaṭa-v-ēṉ	*kaṭa-v-ōm*
kaṭa-v-āy	*kaṭa-v-īr (ḳaḷ)*
kaṭa-v-āṉ (āḷ, a-tu)	*kaṭa-v-ār (ḳaḷ)*

kaṭa-v-ēṉ и т. д. образуется от основы *kaṭa* «долг, желание» (ср. *kaṭaṉ* «долг, заем, обязательство»), к которой присоединяются личные местоимения. Напр.:

vara-k-kaṭavēṉ	да приду я, я должен притти (прихода — долг — мой),
vara-k-kaṭavāy	да придешь ты,
paṭikka-k-kaṭavāṉ	да научится он,
kuṭikka-kaṭavārkaḷ	пусть они пьют и т. д.

§ 42. Представление и его выражение.

Общие замечания. Когда говорящий стремится передать собеседнику в словесной форме представление, которое образовалось у него самого, то ясность и полнота передачи зависит от трех обстоятельств: 1) от цели говорящего, т. е. от того, хочет ли он сообщить свои мысли подробно или вкратце, 2) от полноты и расчлененности самого представления и 3) от грамматических возможностей языка.

Ясность представления получается путем расчленения его на его составные элементы, которые имеют свой коррелят в соответствующих частях предложения; из них главные: *подлежащее и сказуемое*. Обстоятельность и уточнение общего представления зависит от числа частичных представлений, передаваемых при помощи дополнений, определений, вводных (придаточных) фраз и т. д.

Наша задача, следовательно, сводится к анализу тех грамматических способов, которыми тамильский язык выражает отдельные члены представления и их согласование между собой. Начиная с основных частей фразы — подлежащего и сказуемого и их согласования — мы перейдем к способам расширения и уточнения: аттрибутивным определениям, прямому и косвенному дополнению, определению места, времени, цели и т. д.

§ 43. Вопросы.

Не всегда говорящий в состоянии формулировать представление ясно и окончательно. То лицо, у которого сложилось то или иное представление, часто или не уверено в том, соответствует ли оно действительности, целиком или в какой-либо части, или же у него не достает того или иного элемента представления. Тогда появляется необходимость в вопросе. В зависимости от цели, с которой они ставятся, мы можем разделить вопросы на 1) требующие пополнения представления, 2) требующие подтверждения (или отрицания) представления. Этим двум целям вопроса соответствуют два типа грамматического оформления. В первом случае употребляется ряд вопросительных слов в зависимости от той части представления, которая требует уточнения. Таковы русские «кто? что? где? почему?» и т. д. При этом в тамильском языке не требуется изменения порядка слов, как это происходит в целом ряде индоевропейских языков (фр. *où demeure-t-il?* «где он живет?» англ. *how has he done it?* «как он сделал это?»). Самые употребительные вопросительные слова — существительные, прилагательные и наречия — следующие:

evaṉ, evaḷ, evar, ār, yār	кто?
enta	который, какой, -ая, -ое?
e-p-pēr-paṭṭa	какого рода? букв. «потерпевший или имеющий какое имя?»
etu (ētu, yātu) eṉṉa, evai (мн. ч.)	что?
ettaṉai	сколько? (числом)
evvaḷavu	сколько? (мерою)
eppoḻutu (eppōtu, eppō)	когда?
eppaṭi, evvatu	как?
eṅkē (eṅku + ē), e-vv-iṭam	где?
ēṉ	почему?
e-m-maṭṭu	как долго? до каких пор?

напр. *ār vantāṉ?* кто пришел? *eṉṉa c coṉṉāy?* что ты сказал? *enta vīṭu keṭṭatu?* который дом пропал? *avaṉ eṅkē nirkirāṉ?* где он стоит? *avaṉ ēṉ pōka-v-illai?* почему он не пошел? *nīr eppōtū colluvīr?* когда вы скажете?

При втором типе вопросительных предложений в русском языке употребляется частица «ли», которая присоединяется к сказуемому или другой части представления, требующей подтверждения или отрицания. Пришел *ли* он?», «Он *ли* виноват?». Точно так же употребляется латинское «*ne*» *Dixisti ne?* «сказал ли ты?», *Hunc ne vidistis?* «этого ли вы видели?». В этом же смысле тамильский язык употребляет суффиксальные гласные *ā* и *ō*. При этом между этими двумя суффиксами есть некоторая разница в оттенке: *ā* выражает прямой вопрос. Напр.: *takappaṉ vantāṉ-ā?* «пришел ли отец?», *takappaṉ-ā ituc ceytāṉ?* «отец ли это сделал?». Вопросительный суффикс *ō* выражает сомнение, удивление, возмущение, и употребляется также при альтернативном вопросе. Его можно передать нашими словами «разве», «неужели».

nārut'ō *eṉruk kēṭṭāṉ.*
«Разве скверно пахнет?» так спросил он.

Nīr koṇṭa kutirai-y-ō?
Разве (она) вами взятая лошадь?
It' enna? poṉ-ṉ-ō? *veḷḷi-y-ō?*
Это что? золото или серебро?

Ввиду того, что вопросительный смысл фразы в достаточной мере выражается вопросительными суффиксами, нет необходимости в перестановке слов, чтобы отличить вопрос от изъявления, как это делается часто в других языках (пришел ли отец? *has he come?*).

avaṉ ituc ceytāṉ.	*avaṉ ituc ceytāṉā?*	*avaṉā ituc ceytāṉ?*
он это сделал.	сделал ли он это?	он ли это сделал?

§ 44. Неполные фразы.

Так как в вопросительных предложениях уже вполне ясно формулируется представление, которое лишь нуждается в подтверждении или отрицании или дополнении, то ответом могут служить и неполные фразы вроде «да», «нет», «можно», «надо» и т. д. или та часть фразы, о которой спрашивают. Такие неполные фразы, состоящие часто из одного слова, особенно часто встречаются в живой разговорной речи, в которой формулированное одним собеседником представление тут же вызывает реакцию со стороны другого собеседника. При этом в таких случаях формулирование представления отнюдь не всегда имеет вид вопроса. Напр.:

avaṉ *coṉṉatu meytāṉ-ā?* *ām-ām.*
То — что — он — сказал правда ли? Да.
uṅkaḷ-iṭattil aintu irūpāy uṇṭō? *illai.*
У вас пять рупий есть-ли? нет.
nīṅkaḷ *eṉakku koṭutta* *pattu rūpāy* *pōṭātu.*
Которые — вы — мне — дали — десяти рупий недостаточно.
pōṭum.
Достаточно.

tenna- marattin-mēl ēri tēṅ- kāy piṭuṅka
На кокосовое дерево взобравшись кокосовый орех сорвать
virumpukirēn. Vēṇṭām.
хочу. Не надо.
avan uṅkaḷ araiyil-iruntu mūnru nārkālai koṇṭu pōka
Он из вашей комнаты три стула унести
virumpukirān. koṇṭu pōkaṭṭum или *ākaṭṭum.*
хочет. Пусть унесет; пусть.
nīr connat' ellām nān ceytirukkirēn. Nallatu.
Что вы сказали все я сделал. Хорошо.
pacuvai kollal-ām-ā? ākātu. или *kollal ākātu.*
Корову убить можно ли? Нельзя (убить нельзя).

§ 45. Способы выделения и подчеркивания отдельных частей фразы.

Не все слова предложения одинаково важны для говорящего и для слушающего. Даже в такой простой фразе как «он идет домой» каждое из трех составляющих ее слов может быть особо выделено, и фраза таким образом получает каждый раз другой оттенок. В разговоре это легко делать усилением или повышением голоса. Тогда «ударение фразы» падает на то слово, которое в данный момент говорящему кажется самым важным. ОН идет домой — он ИДЕТ домой — он идет ДОМОЙ. Наряду с этим механическим способом подчеркивания той или иной части фразы, который применим только в устной речи, существуют еще словесные способы, которые одинаково пригодны, как для устной так и для письменной речи. Напр.: «ведь, это он идет домой», «он идет-таки домой», «он идет ведь домой-то» и т. д.

В тамильском языке, в частности в разговорной речи, существует множество таких словесных способов подчеркивания отдельных частей фразы.

1) Чаще всего употребляется звук *ē*, присоединяемый суффиксально к подчеркиваемому слову. Напр.:

itu-v-ē niyāyam, itu-v-ē nīti.
Вот это справедливость, вот это правосудие.
kutiraiyai tirumpa anuppukirat-ē karumam
Лошадь назад — послать (послание) дело (именно то, что Вы лошадь посылаете назад, хорошее дело).
tiruvuḷattukku etirāy p pōkirat' ākum-ē.
Судьбе наперекор хождение ведь выйдет (это ведь значит сопротивляться судьбе).
vanta turita kilēcaṅkaḷai kaṇṭīrkaḷ-ē.
Пришедшие беды — несчастия вы ведь видели.
enra nimišattil-ē purappaṭṭu
В сказанную же минуту отправившись.....
komp-ōṭ-ē tān-um viluntān.
С суком же он и сам свалился.
i-t- tanmai-y-ē Maṭaiyan colli.
Таким именно образом Матаияан говорил.

Часто *ē* прибавляется просто для того, чтобы дать говорящему возможность сделать краткую остановку. Оно играет роль как бы ферматы:

vaṭa tēcatt-il-ē tennālu enkira ūril-ē
В северной стране — в Тенналу называемой деревне —
Irāman enkira oru pirāmaṇap pilḷai pirant-iruntān.
Ираман называемый один браманский ребенок родился.

В разговорном языке такая фермата является очень удобным средством для расчленения фразы и для придумывания дальнейшего содержания. Поэтому *ē* прибавляется очень часто к разным суффиксам и словам имеющим, как мы увидим ниже, функции выражения синтактической связи. Так напр. одинаково правильно сказать:

avanai vītiyil kaṇṭēn / или / *avanai vītiyil-ē kaṇṭēn* — я увидел его на улице

avaṉ marattiṉ-mēl iruntāṉ или *avaṉ marattiṉ-mēl-ē iruntāṉ*	он сидел на дереве
māṭu kāṭṭil mēyntatu или *māṭu kāṭṭil-ē mēyntatu*	бык пасся в лесу

и т. д.

ē употребляется и в тех случаях, когда нужно путем непосредственного обращения к слушателю обратить его внимание на то или иное сообщение или приказание. В этих случаях образуются сочетания соответствующие нашему *звательному падежу* (vocativus).

tampi-mār-ē	о братия	*kuru-v-ē*	о учитель
vēlaikkārar-ē	о рабочие	*tāy-y-ē*	о мать
tampi-y-ē	о младший брат	*ciṅkam-ē*	о лев.

В некоторых случаях вместо прибавления *ē* происходит изменение суффикса:

Так от	*pai-y-aṉ*	мальчик	образуется	*paiy-ā*	о мальчик
»	*aṇṇ-aṉ*	старший брат	»	*aṇṇ-ā*	о старший брат
»	*app-aṉ*	отец	»	*app-ā*	о отец
»	*tampi*	младший брат	»	*tampī*	о младший брат

2) Значительно более ограничено, но все же довольно распространено, употребление слова *tāṉ* «сам» в качестве средства для подчеркивания. В свою очередь *tāṉ* часто соединяется с *ē* для усиления.

itaik kēṭṭu kuru tāṉ-ē coṉṉār.
Это услышав учитель сам в свою очередь сказал.
pāṉaicaṭṭikalai avaṉ talai mēl-ē tāṉ-ē eṭuppittu.
Горшки на его голову именно нагромоздив . . . . .
paṭukkai-y-il tāṉē metuvāka cavaram paṇṇiṉāṉ.
На кровати же очень нежно бритье совершил.

nāṉ tāṉ itu ceyya māṭṭēṉ.
Я то этого делать не буду.
uṅkaḷ-iṭattil tāṉ-ē avaṉ itu(c) coṉṉāṉ tāṉ.
У вас именно он это сказал ведь.

3) *um* тоже служит для выделения отдельных частей фразы. Оно переводится в таких случаях словом «даже» (о других значениях этого слова см. ниже § 46).

avaṉ-um kaṇṭāṉ	даже он увидел
iraṇṭu kaiyālum intak kal eṭukka muṭiyātu	даже двумя руками этого камня не поднять
kōvil-il-um kaḷḷar iruntārkaḷ	даже в храме были разбойники.

4) Для выделения существительных употребляются кроме того:

а)	*āṉavaṉ*	*āṉavaḷ*	*āṉatu*
буквально:	сделавшийся	сделавшаяся	сделавшееся
	āṉavar (kaḷ)	*āṉavai (kaḷ)*	*ākiṟavaṉ* и т. д.
»	сделавшиеся	сделавшиеся (предметы)	делающийся
	āvatu		
»	делающееся.		

Все эти формы происходят от корня *ā* «становиться, делаться». Напр.: *kuru-v- āṉavar coṉṉār* «учитель именно (буквально: мужчина ставший учителем) сказал».

С тем же значением употребляются и следующие формы образуемые от корня *eṉ* «сказать, называть»:

eṉpavaṉ «называемый»	*eṉpavaḷ*	*eṉpatu*	*eṉpavar* и т. д.
eṉkiṟavaṉ »	*eṉkiṟavaḷ*	*eṉkiṟatu*	*eṉkiṟavar* и т. д.

milēccaṉ eṉpavaṉ tavari patari ōṭivantāṉ «Милечан же (букв. Милечан называемый мужчина) спотыкаясь — падая прибежал».

5) Другой, более сложный, способ подчеркивания подлежащего состоит в том, что к подчеркиваемому слову прибавляется суффикс вопроса (см. § 43) *ō* и слово *eṉ-ṟ-āl,* которое в вольном

переводе означает «если сказать» (о происхождении этой формы см. ниже § 53). Так напр. *avaṉ-ō-v- eṉṟāl vīṭṭukku vantāṉ* означает буквально: «если сказать (спросить): «а он?», то (знай, что) он пришел домой». Это соответствует приблизительно нашему «что касается до него, то он пришел домой».

6) С другой стороны имеется кроме выше приведенных, еще ряд способов специально для подчеркивания сказуемого. И в их образовании употребляется корень *ā* «становиться, делаться».

а) *ām*. Это слово принимает как мы уже видели, значение «да», «действительно». Этим объясняются такие выражения:

avaṉ periyavaṉ ām «он действительно большой человек»
nī coṉṉat' ellām nallat' ām «все что ты сказал, действительно правильно.

б) *ākum* употребляется в том же смысле как *ām:*

nām itait tirumpa aṉuppiṉāl tiruvuḷattukku etirāy
мы это назад пошлем — если, воле судьбы супротив
pōkiṟat' ākum.
пойдем действительно.

в) *ākkum* употребляется также как и предыдущие две формы.

inta turitam ellām kutiraiyaip piṭitta tōšattiṉālē
это несчастие все из-за лошади схватившей нечистой силы
vantat' ākkum.
пришло (именно).

7) *alla-v-ō* или *all-ō*. Это слово представляет собою соединение слова *alla* «нет» с вопросительным суффиксом *ō*. Оно соответствует нашему «не так-ли»? нем. nicht wahr? франц. n'est-ce pas? Напр.:

vilai-y-iṉṟi kutirai vantat eṉṟu mikavum nām makiḻntat'
что бесплатно лошадь получилась, очень мы обрадовались
allō? inta k kāy eṉ marattil-iruntu viḻuntat'allavō?
не так-ли? Этот плод с моего дерева упал, не так-ли?

§ 46. Средства соединения предложений и отдельных частей предложения.

Соединение однородных частей предложения (подлежащих, сказуемых, дополнений, определений) или же предложений между собой производится разными способами в зависимости от смысла.

Самым распространенным объединяющим союзом служит *um*, который присоединяется в виде суффикса к объединяемым словам. (Ср. лат. que: senatus populusque). *um* обыкновенно прибавляется ко всем соединяемым словам, т. е. и к первому (ср. употребление скр. *ca*).

avarukku maṭṭiy-um milēccaṉ-um pētaiy-um mūṭaṉ-um
У него Олух, Косноязычный, Болван, Дуралей,
maṭaiy-um aivar cīšarāka iruntārkaḷ.
и Упрямец, (по имени) пять человек учениками были.

Cūḻa vantu ivaṉ atai taṭava-v-um avaṉ kālai
Кругом обходя этот ее гладил — тот за ногу
piṭittu muṟukka-v-um oruvaṉ vālaip piṭitt' iḻukka-v-um
схватив растирал, один хвост схватив тянул,
maṟṟ-oruvaṉ kaṇṇait tuṭaikka-v-um vēr-oruvaṉ
другой-один глаз вытирал, еще-другой-один
pacum pullai vāyil iṭṭu mēykka-v-um
зеленую траву в рот положив кормил.
taṉ peṭṭiyilē irunta paṇaṅkaḷaiy-um āparaṅkaḷaiy-um
в его ящике находящиеся деньги, украшения и
pāttiraṅkaḷaiy-um vēṟ-ē or iṭattil vaittāṉ
посуду в другое одно место положил.

Многократное *um* также употребляется как эквивалент нашего «ни — ни», причем, в отличие от русского, отрицание выражается только один раз, а именно в сказуемом. Напр. вместо: «ни я ни он не видели» тамил говорит: «и я и он не видели».

tīmaik- kalappillāta naṉmai-y-um kacappu-
Ни со-злом- несмешанного добра, ни с-горечью-

kalappillāta inmai-y-um tukkak-kalappillāta makilcci-y-um
несмешанной сладости, ни с-горем-несмешанной радости
iṅkē kiṭai-y-ātu.
здесь не встречается.
mēṭ-um paḷḷam-um kāṭ-um veḷi-y-um pārāmal.
ни бугорков ни ям ни леса ни открытого места не видя.

Наряду с соединением при помощи *um* тамильский язык знает и простое сопоставление однородных частей фразы без какого бы то ни было союза:

aram poruḷ
для (выполнения) религиозных обязанностей, житейских дел,
inpam vīṭu
(получения) наслаждения и (окончательного) избавления
ākiya ivaikaḷukku pirāṇam mukkiya cātaṇam ām
(для всего этого) жизнь первым условием является.

В особенности сопоставляются обычно без соединительного союза так называемые предварительные сказуемые (см. § 19) (пример соединения при помощи *um* см. выше):

pūṇai atai kēṭṭup pūmiyait toṭṭuc civa civa
кошка это услышала — землю тронула — «Шива, Шива»
eṉru uccarittuk — kāṭiṉ mēr kaiyai vaittuc collukiṟatu.
так произнесла к уху лапку приложила — и сказала.

Особого внимания заслуживает способ *неполного* перечисления, соответствующий нашему «и т. д.», «и т. п.», «и пр.». Тамильский способ повидимому санскритского происхождения, при чем во многих случаях употребляется даже санскритское слово *ādi* «начало» (пишется *āti*). Наш оборот: «В лесу были львы, тигры и пр. животные» принимает в санскритском — и следовательно и в тамильском — языке вид: «в лесу были львов — тигров — своим началом имеющие животные». По — санскритски: «*siṁha- vyāghr(a)-ādi- mṛgāṇi*». Санскритскому

ādi соответствует там. *mutal*, от которого образуются прилагательные при помощи суффиксов *āṉa* и *i-y-a*.

takappaṉ, tāy, periya-takappaṉ, ciṟiya-takappaṉ,
отца, мать, ст. брата отца, мл. брата отца,
periya-tāy ciṟiya-tāy, pāṭṭaṉ, pāṭṭi, māmaṉ,
ст. сестру отца, мл. сестру отца, деда, бабушку, брата матери,
māmi, tamaiyaṉ tamaiyaṉ maṉaivi, kuru,
жену брата матери, ст. брата, старшего брата жену, наставника,
kurupattiṉi, upāttiyāyar mutaliya periyōrkaḷai vaṇaṅka
наставника жену, учителя, и пр. старших почитать
vēṇṭum
нужно.
taccaṉ korraṉ mutalāṉavarkaḷukku vīṭuk kaṭṭac
плотнику каменщику и т. д. дом строить
coṉṉāṉ.
он велел
ūrār varušan- tōrum uḻuvu mutalāṉa kāriyaṅkaḷai
крестьяне ежегодно пахоту и т. п. работы
ceyya vēṇṭum.
делать должны.

Иногда суффикс *um* присоединяется только ко второму из соединяемых членов.

В частности это происходит тогда, когда соединяются две фразы. Мы тогда обычно переводим *um*: «тоже», «также», «и».

nāṅkaḷ kūṭa vant- iruntōm; koñcam nēṟattiṉ piṉpu
Мы вместе пришли; некоторое время спустя
avaṉum vantāṉ.
и он пришел.

Другими средствами соединения предложений и частей предложения служат:

1) *mēl-um* от *mēl* «наверху, поверх, сверх»: «сверх того, кроме того».

avaṉ kuruṭaṉ; mēlum avaṉ ēḷai.
он слепой; сверх того он еще и беден.

2) *iṉṉum* или *iṉṉam* или *iṉṉam-um* «далее, кроме того»

nī vātikku nūṟu irūpāyk koṭukka vēṇṭum iṉṉum nī
Ты истцу сто рупий платить должен; далее ты

pacuvaiyum vīṭum kollaiyum avaṉukku tirumpak koṭukkak-
корову, дом и поле ему назад дать

kaṭavāy.
обязан.

3) *al-l-āmal* от корня *al* означает буквально «небытье», потом: «без» «не считая» «кроме»: *itu-v-um allāmal* «не считая этого» т. е. «кроме этого».

4) *aṉṟi-y-um* (< *al-nt-i-y-um*) от того же корня; употребляется с тем же значением.

5) *mīḷa* или *mīḷa-v-um* или *mīṇṭum* от корня *mīḷ* «вернуться». Эти глагольные существительные употребляются с адвербиальным значением и означают «опять», «опять-таки» «кроме того».

6) *tirumpa-v-um* от *tirumpu* «вернуться»: «опять таки»

7) *kūṭa* или *kūṭa-v-um* от *kūṭu* «соединяться»: «к тому еще».

8) *piṉṉē-y-um* от *piṉ* «потом», «далее».

Для объединения двух или нескольких частей предложения с альтернативным (взаимоисключающим) значением, соответствующим нашему «или», «или — или» тамильский язык имеет также несколько способов:

1) *allatu* от *alla* «нет»

nī cēṟṟait tiṉṟāy-ō allatu vēṟ- oruvaṉukkuk koṭuttāy-ō?
ты рис с'ел-ли или кому-нибудь дал-ли?

2) *āvatu* от *ā* (см. выше § 45)

ni eṉakku paṇam āvatu vēṟē oru māṭṭai -y- āvatu koṭu
ты мне денег — или другого одного быка — или дай.

3) *āṉālum* от *ā* (см. § 53)

nāṉ vīṭṭil āṉālum kāṭṭil āṉālum iruppēṉ
я дома — или в лесу — или буду.

4) *āyiṉ-um* от *ā* (см. ниже § 50); часто в виде *ēṉ-um*.

atikāraṉ āyiṉum avaṉ cēvakaṉ āyiṉum varaṭṭum.
начальник — или его слуги — или пусть придут.

avarkaḷ-il paṭṭaṇaṅkaḷ ēṉum nākarīkam ēṉum illai.
у них ни городов, ни культуры. нет.

5) *ākil-um* от *ā* (см. ниже § 55).

eṉakk ākilum eṉ makaṉukk ākilum colluṅkaḷ
мне — или моему сыну — или скажите.

47. Способы выражения обобщения и отрицания.

Для выражения обобщения той или иной части представления употребляется преимущественно *um* в суффиксальном положении. При этом *um* чаще всего присоединяется к вопросительным словам:

evaṉ-um	кто бы то ни было (ср. лат. quis-que образованное по тому же принципу)
yāvar-um, ār-um	всякий
ēt-um, yāt-um	что бы то ни было, все (quid-que)
eṅk-um	где бы то ни было, везде (ubi-que)
eppoḷutum (epp-ōt-um)	когда бы то ни было, всегда (quando-que)
eppaṭi-y-um	как бы то ни было, всеми способами, всячески
ettaṉai-y-um	сколько бы то ни было, любое число
evvaḷav-um	сколько бы то ни было, любая мера.

avarkaḷ ūril eṅkum tēṭināṟkal. nāṉ avar-kaḷ-āl eppōt-uṁ
они в деревне везде искали. т. к. я от них всегда

kēḷvippaṭukiṟatiṉāl. antak kaḷḷaṉaiy eppaṭiyum taṇṭikka
слыхал (слух терпел). этого разбойника всячески наказать

vēṇṭum. enta iṭattilum nallavar kiṭaikkiṟārkaḷ.
нужно. во всяком месте хорошие люди находятся.

В тех случаях, когда обобщается прилагательное, *um* прибавляется к существительному: *enta vīṭum* «каждый дом»;

eppērpaṭṭa kūlikkāraṉum. «всякого рода рабочие».

Вместо *um* часто употребляется с обобщающим значением *āvatu* (ср. выше § 45).

yār-āvatu	кто бы то ни был
ēt-āvatu	что бы то ни было
eṅk-āvatu	где бы то ни было

Точно также употребляется *ākilum*, *āyiṉum (ēṉum)*

yār-ākilum	кто бы то ни был
ēt-ākilum	что бы то ни было
yār-āyiṉum	кто бы то ни был
eṅk-ēṉum	где бы то ни было
eppōt-āyiṉum	когда бы то ни было

Самым распространенным словом для обобщения служит *ellām* «все», состоящее из прилагательного *ell-ā* и обобщающего суффикса *um*. Слово *el-l-ā* является по всей вероятности сочетанием из корня *el*, означающего «предел, граница (*ellai* = граница)» и отрицательного суффикса *ā* < *al* (см. § 28). Оно означает следовательно буквально: «безграничный, беспредельный». Точно также, как говорят *enta vīṭ-um* «какой бы то ни было дом, т. е. всякий дом», говорят и *ellā vīṭukaḷ-um* «все дома (без ограничения). Обобщающий суффикс *um* присоединяется к существительному, когда *ellā* употребляется как прилагательное. От этого корня образуется *ellārum* (*ellā* + *ar-um*) или *ellā-v-ar-um* «все люди». Когда *ellām* употребляется как существительное, то от него образуется аттрибутивная основа путем присоединения суффикса *aṟṟu* (или — *attu*) *ellā-v-aṟṟu-kkum* всему *ellā-v-att-ilum* во всем и т. д.

kolai ellā pāvaṅkaḷiṟk-un talaiyāy uḷḷatu.
убийство всем грехам главный есть.

ellār-ukk-um ituvē cammati-y-āki.
всем как раз это понравилось.
ivaṉ ellār-ai-y-um oru vīcci vīca-v-ē.
этот всех одним ударом ударил.
it ellām irukkaṭṭum. ellā māṭukaḷ-um kāṭṭilē mēykiṟatu.
это все пусть будет. все быки в лесу пасутся.
ellā tiruṭarkaḷai-y-um piṭittu vaittārkaḷ.
всех воров схватив — положили (т. е. схватили).

По образцу *ellā-m* образуется от чисто санскритского слова *sakala: cakalav-um* «все». Напр.:

cakala maṉitarkaḷ-um cettupoṉārkal. avaṉe eṉakku cakala
все люди умерли. Он мне все
paṇam-uṅ koṭuttāṉ
деньги дал.

Точно также образуется *cakalar-um* как *ellār-um*.

Аттрибутивная основа от *cakalam* образуется как от *maram: cakalattu.*

avaṉ cakalatt-ai-y-uṅ coṉṉāṉ
Он все сказал.

Точно также употребляется *caruvam (carvam)* от *skr. sarva: caruva kāriyam-um* «всякое дело»; *caruvam-um* «все, совокупность». *ellārum* и *ellām* и тождественные санскр. заимствования, имеющие сами по себе значение существительных, употребляются часто в качестве аттрибута, но ставятся *после* того слова, которое они определяют. На самом деле происходит аттрибутивное сопоставление двух существительных только в обратном порядке.

pirāmaṇarkaḷ ellāvarum	все брахманы (букв. брахманов все люди)
paṇam ellām	все деньги (букв. денег все наличие)

kūlikkārar ellāraiyum всех рабочих (букв. из рабочих всех людей)
ūrkaḷ ellāvaṟṟilum во всех деревнях.

Точно также употребляется самостоятельно и как аттрибут *muḻu-t-um* «цельность, совокупность, все».

avaṉ muḻutum vilaik koṭuttāṉ он все продал
paṭṭaṇam muḻutum aḻintatu город весь был уничтожен.

Многие из вышеприведенных сочетаний с *um*, *ākilum*, *āyiṉum*, *ēṉum* соединяются с отрицательным сказуемым. Напр.:

iṉṟaikku ār-um vara-v-illai
Сегодня никто не приходил.
nāṉ avaṉai eṅk-um pārkka-v-illai
Я его нигде не видал.
avaṉ taṉ kaṭaṉ eppōt-um tērkkiṟat-illai
Он свой долг никогда не возвращает.
oru vīṭṭil-um ittaṉai paṇam illai
Ни в каком доме столько денег нет.
oruvaṉ-um vara-v-illai
Ни один человек не приходил.
eṉiṭattil oṉṟum kiṭai-y-ātu
У меня ничего не найдется.
iṉṟaikku yār-āyiṉum vara-v-illai
Сегодня никто (букв. кто-бы ни был) не приходил.
nāṉ avaṉai eṅk-ākilum pārkka-v-illai
Я его нигде (букв. где-бы то ни было) не видел.
nīṅkal eṉakku ēt-ākilum koṭukka māṭṭīr-kaḷ- ō?
Вы мне ничего (что бы то ни было) не дадите?

§ 48. Основные элементы представления и их выражение в предложении; а) Сказуемое.

Среди элементов, из которых состоит предложение, главным является сказуемое. Оно — исходный пункт и стержень

предложения. В нем находит выражение общее представление, которому подчиняется частное представление, выражаемое вторым по значению элементом предложения — подлежащим. Так, например, в предложении: «мальчик играет», главным представлением является «играет», т. е. сказуемое. Это есть общее представление, слагающееся из всех известных говорящему разновидностей понятия «игры». Этому общему представлению, грамматически выражаемому в виде глагола и функционально в виде сказуемого, подчиняется частное представление, отдельный случай: «мальчик». Соотношение этих двух представлений могут найти самое различное грамматическое оформление: кроме привычного нам «мальчик играет» можно сказать: «мальчик — играющие лицо» или наконец «мальчика — игра».

В последних двух примерах сказуемое имеет форму *существительного,* при чем подлежащее или *противопоставляется* сказуемому или находится в *аттрибутивной зависимости* от него. *Эти два типа сказуемого — существительного являются единственными и характерными формами сказуемого в тамильском языке.* Сказуемое имеет чаще всего форму существительного действия или состояния, образуемого при помощи разных формативов (см. ч. III, §§ 19 и след.). Правда, ввиду происходящего во многих случаях слияния подлежащего со сказуемым, первоначальная форма последнего и его основное значение существительного выступают не всегда сразу и с достаточной яркостью; на первый взгляд такие слияния даже похожи на индо-евр. глагольные формы, так что их истинная природа устанавливается только грамматическим анализом. Этот своеобразный характер тамильского сказуемого станет более понятным из следующих примеров.

1) *i-tu vīṭu* } это — дом.
Эта вещь — дом

2) *eṉ tampi tiruṭaṉ.*
Мой младший брат — вор.

3) *i-tu* *e-tu (eṉṉa)*
Эта вещь — какая вещь? } это — что?

4) *vīṭu* *nalla-tu*
Дом — хорошая вещь } дом хорош (§ 19).

5) *eṉakku intak kāriyam oru periya-t (u) -ā*
Мне это дело одно большое дело разве? } мне это разве трудно? (§ 19).

6) *a-v-aṉ paṇam-illāta-v- aṉ*
Тот мужчина денег неимеющий мужчина } он беден (безденежен) (§ 28).

7) *a-v-aṉ meyc-* { *coṉṉa-v-aṉ* / *coṉṉ-āṉ (a + aṉ)* }
Тот мужчина правду сказавший мужчина } он правду сказал (§ 19).

8) *a-v-arkaḷ eṉṉac coṉṉārkaḷ (a + arkaḷ)*
Те мужчины что сказавшие мужчины? } они что сказали? (§ 19).

9) *peṇ-piḷḷai pāl kuṭitt- āḷ(a + aḷ)*
Девушка молоко пившая женщина } девушка пила молоко (§ 19).

10) *ūrāṉ eṉṉa collu-k-iṟ-āṉ (a + aṉ)*
Крестьянин что говорящий мужчина? } что говорит крестьянин? (§ 21).

11) *pakai-v-ar ūr-ai erippārkaḷ*
Враги деревню сожигать—будущие люди } враги сожгут деревню (§ 20).

12) *eṉakku talai nō-k-iṟ-a- tu*
Мне голова болящая вещь } у меня голова болит (§ 21).

13) *kāy marattil-iruntu viḻu-nt-a-tu*
Плод с дерева упавшая вещь } плод упал с дерева (§ 19).

14) *avaṉukku kātu nōku-tu*
Ему ухо больно } у него ухо болит (§ 19).

15) *irāvilē kutiraiyai mēyya-viṭa tak-ā-tu*
Ночью лошади — пастись — пускание негодное дело } ночью лошадь пускать пастись негодится (§ 28).

16) *tūra (p) pirayāṉattukku*
Для далекого путешествия *avacaram vanta-tu*
нужда пришедшая вещь } пришла необходимость в далеком путешествии (§ 16).

17) *avaṉ mūṉṟu nāḷ eṅkum tēṭ-i*
Он три дня везде искатель } он три дня везде искал (искав).

18) *nāṉ inta vīṭu kaṭṭ-i*
Я этого — дома — строитель } я этот дом построил (построив...) (§ 16).

19) *inta kutirai uṅkaḷ vakai*
Эта лошадь для вашего рода *pirayāṉattuku utav-um*
путешествия годна } Эта лошадь пригодится (§ 24).

20) *itu ceyya muṭi-y-um*
Это(го) — делание возможно(е дело) } это можно сделать (§ 24).

21) *inta putti-y-illāta mirukam*
Это ума — неимеющее животное *eṉṉa cey-y-um?*
что делающее? } что будет делать это глупое животное? (§ 24).

22) *māṭu inta kāṭṭil ill-ai*
Быка — в этом — лесу — отсутствие } быка в этом лесу нет (§ 17).

23) *Irāmaṉ vara — illai*
Раманы — прихода — отсутствие } Рама не пришел (§ 17).

24) *inta maram paṉai*
Этого — дерева — пальмировой — *maram alla*
пальмой — небытие } это дерево не есть пальмировая пальма (§ 151).

25) *nīr colla*
Ваше — сказание } скажите вы (§ 15, 41).

26) *pūṉai anta marattiṉ*
Кошки — под — то — дерево *kīḻe vara*
прихождение } кошка пришла под то дерево (§ 15).

27) *maṟu nāḷ avarkaḷ*
В следующий день их —
veyil payantu
жары — боязнь
} в следующий день они побоявшись жары... (§ 19).

28) *mikavum nām makiḻntatu*
Чрезмерно наше-ликование (в пр. вр.)
} очень мы ликовали (§ 19).

29) *avaṉukku māṭṭ-ai koṭu-kk(u)-iṉṟ(u)-ēṉ*
Ему — быка — давание — теперь — мое
} я даю ему быка (§ 21).

30) *it'(u) ellām*
(Относительно) это(го) все(го)
ariv(u)-ōm
знание наше (в будущем вр.)
} это все мы будем знать (§ 20).

31) *avarkaḷ mēṭum paḷḷamum*
Тех — людей — и холмов — и ям — и
kāṭum veḷiyum pār-ā-m-al
леса — и поля — невидение
} т. е. они ни холмов, ни ям, ни леса, ни поля не видели (не видев)... (§ 29).

На основании этих типичных примеров мы приходим к следующим заключениям относительно природы тамильского сказуемого и его отношений к подлежащему:

1) Сказуемые *существительные*, а именно:

а) наименования лиц, предметов и др. понятий;

б) образования от прилагательных при помощи формативов вроде *aṉ, aḷ, ar, tu, (v)ai, a*. Сюда относятся и образования от прилагательных действия и состояния — причастий. При сочетании с этими формативами происходят нередко слияние, затмевающие истинный характер образования;

в) глагольные существительные, т. е. существительные выражающие действие или состояние, и образуемые от корня или основы при помощи суффиксов-формативов: *tu, ttu, ntu, i, ku, kku, pu, ppu, vu, a, ka, kka al* и т. д.

При этом глагольные существительные с формативами *tu, ttu, ntu, i*, встречаются в двояком виде:

а) в соединении с личными местоимениями т. е. как окончательное сказуемое;

б) без личного местоимения, т. е. как предварительное сказуемое. (См. § 19).

Глагольные существительные с формативами *ku, kku, pu, ppu, vu* встречаются только в соединении с личными местоимениями т. е. как окончательное сказуемое. (См. § 20—21).

Глагольные существительные с формативами *a, ka, kka, al* встречаются только без личного местоимения, т. е. как предварительные сказуемые.

Разница в употреблении предварительных сказуемых с формативами *tu, ttu, ntu, i* и *a, ka, kka* иллюстрируется следующими примерами:

piṟpāṭu avaḷ uṭaṉē viṭṭu
потом (со стороны) той женщины сразу покидание; (она)
muṟṟam naṉṟāy perukk-i
дворик хорошо подметавшая — женщина; (со стороны ее)
eṅkum cānākam pōṭṭu t taṉ kāl kai cuttikaraṅ cey-tu
везде помет рассыпание; своих ног-рук очищения делание;
pūcciyatt' ōṭu ulakkkai-y-ai kai-y-il eṭu-ttu koṇṭ-āḷ
с благоговением пестика в руку взятие; (она) пребывав-
(a + aḷ).
шая — женщина. «потом она сразу отошла (или отошедши), дворик хорошо подмела (подметав), везде помет рассыпала (рассыпав), свои руки и ноги почистила (почистив), с благоговением пестик в руку взяла (взяв) — пребывала».

Подлежащее этого периода во всех предложениях одно и то же. Когда же подлежащее предварительных предложений не совпадает с подлежащим окончательного предложения периода, то в качестве предварительных сказуемых употребляются существительные с формативами *a, ka, kka*:

avaṉ cīšarkaḷai kūppiṭ-a
(со стороны) того — мужчины учеников — призывание, (со
cīšarkaḷ talaippāku iḷu-kka atu aṟṟu- pō-ka
стороны) учеников чалмы дергание, той вещи разрывание,
ellārūm nīr-il viḷu-nt-ār-kaḷ
все в воду упавшие — люди.

Перевод: он учеников призвал, ученики дернули чалму, та разорвалась и все упали, в воду.

(Параллель к этой конструкции можно найти в abl. absol. латинского языка и в absolutivum санскрита).

Часто эти два типа предварительного сказуемого встречаются в одном и том же периоде. Напр.:

ittaṉmaiyē maṭaiyaṉ kūppiṭ-a ellārum eḷuntu
таким образом Матаяна призывания, всех вставание (все)
āṟṟil iṟaṅkiṉ-ār-kaḷ
в реку спустившиеся — люди.

Перевод: «таким образом Матаян звал; все вставши, спустились в реку».

Часто глаг. существит. с формативами *tu, ntu, ttu, i* служат предварительными сказуемыми для сказуемых с формативом *a, ka, kka*. Напр.:

ittaṉmaiyē maṭayaṉ coll-i kūppiṭ-a ellārum eḷuntu āṟṟil
таким образом Матаян сказав призвал, все вставши в реку
iṟaṅkiṉārkaḷ
спустились.

Не всегда эта разница в употреблении предв. сказуемых наблюдается с абсолютной строгостью. Глагольные существительные с суффиксом *a, ka, kka* встречаются и тогда, когда по смыслу нужно было бы ожидать *tu, ttu, ntu, i* т. е. когда действующие лицо предварительного сказуемого совпадает с действующим лицом окончательного сказуемого. Напр.:

itukku ellārum eḷuntu, ōṭic, cuṟṟip pārkk-a
на это все вставши, побежавши, окруживши смотрели
mīlēccaṉ coṉṉatu mey-y-eṉṟu kaṇṭārkaḷ
(и то что) Милечан — сказал — правда — факт увидели. «потом они все встали, побежали, окружили (его) смотрели и нашли, что то, что Милечан сказал, была правда».

Отрицательным предварительным сказуемым служит глагольное существительное, образуемое при помощи формативов *ā-m-al* (иногда и *ā-tu*). Мы переводим такие предв. сказ. лучше всего «без того чтобы делать», «не делая», «не сделав» и т. д. (см. §§ 29, 28).

a-v-aṉ pēc-ā-tu (pēc-ā-m-al) niṉṟ-āṉ
того человека не-разговаривание; (он) стоявший человек, т. е. «он стоял не разговаривая».

О соединении глагольных существительных с личным местоимением, см. §§ 19—21.

2) Соотношение между сказуемым и подлежащим имеет двойной характер:

а) *Подлежащее противоставляется сказуемому* по формуле а = в. К этому типу относятся примеры №№ 1—21 *avaṉ nallavaṉ; kāy viḷuntatu;*

б) *Подлежащее рассматривается как аттрибут сказуемого.* (№№ 22—31). *Сказуемое* имеет *формальный* характер *существительного,* одним, а именно главным, определением которого является подлежащее. В буквальном переводе мы передаем эту аттрибутивную зависимость при помощи аттрибутивного падежа (родительного), соответствующих предлогов или сочетаний типа предлога (со стороны и т. д.), или же притяжательным прилагательным или местоимением (материн, мой). На основании такого анализа тамильского сказуемого тамильская фраза представляет собою в сущности ничто иное, как расширенное разными аттрибутами и определениями существительное,

выражающее чаще всего действие или состояние. Этот своеобразный характер тамильской фразы отражается особенно сильно на тех синтактических образованиях, которые соответствуют нашим *придаточным предложениям* (см. ниже §§ 50—55).

В тамильском языке не существует связки между подлежащим и сказуемым в предложениях типа а = в (лат. est, sunt, нем. ist). Напр. *vīṭu-nallatu* дом — хорош. В этом отношении там. яз. сходится с русским. Существует, однако, способ образования сказуемого, который до известной степени походит на нашу связку «быть» (лат. est и т. д.). Так русское: «он был моим другом», можно выразить так:

avaṉ eṉ	*ciṉēkitaṉ-āy*	*iruntāṉ*
он моим	другом став	пребывал.

Фактически мы имеем в этой фразе два сказуемых: одно предварительное *āy* от *ā-y-i* (корень *ā* «делаться») и *iruntāṉ*, которое означает буквально «сидевший человек, сидел, находился, пребывал». При помощи этой конструкции выражается продолжительность того или иного качества, приписываемого подлежащему. Сюда относятся также и образования такого типа: *intak kāy kacupp-āy iru-kkiṟatu* «этот плод горек», буквально «этот плод горечью ставши пребывает» от *kac-u-ppu* «горечь». При помощи глагольного существительного *āy* существительные, принимают предикативный и прилагательный характер.

При помощи слова *āy*, которое можно уже рассматривать как суффикс, образуются от существительных также и наречия: так от *naṉṟu (nal+ntu)* «добро», *naṉṟ-āy* «хорошо»; напр. *avaṉ inta vēlai naṉṟāy c ceytaṉ* «он эту работу хорошо сделал», *cuṟukk-āy vīṭṭukku vāruṅkaḷ* «быстро домой приходите», *kurukkaḷ veku-v-āy kavalaip-paṭṭu-koṇṭ-iruntār* «наставник весьма озабочен был».

Подобно *āy* употребляются и *ā-ka*, другое глагольное сущ. от *ā(ku)* для образования предикативных прилагательных и на-

речий: *mām-paḷattiṉ mēl ācai-y-āka irukkiṟēṉ* «я испытываю желание есть плод манго». На самом деле эта фраза означает: «по отношению к плоду манго — желания — возникновение; пребывание мое» или «я пребываю в то время как возникает ж. п. о. к. пл. м.». Точно также *nāṉ itai naṉṟāka c ceytēṉ* «я это хорошо сделал».

Особое внимание в виду их чрезвычайно частого употребления заслуживают предварительные сказуемые *eṉṟu*, *eṉa*, образуемые от √*eṉ* при помощи форматива *iu* (см. § 19) или *a*. Эти слова означают буквально: «сказывание, сообщение, известие, мысль, вопрос» и т. п. Как предварительные сказуемые мы можем их перевести: «сказав, сообщив, известив, подумав» и т. д. Иногда *eṉṟu* передается и нашим «так как».

ākilum eṉakku oṉṟun tēvai-y-illai eṉṟu pōyviṭṭēṉ
Однако «мне ничего не нужно» соображение—уход мой.
Однако так как мне ничего не нужно было, я ушел.

attaṉait tūraṅ kāl naṭai-y-ākap pōkak kūṭātu
«так (столь) далеко пешком итти невозможно»
eṉṟu oru mōḷai māṭu vātakai-y-āka amarttikkoṇṭuvantārkaḷ.
мысль, одного безрогого — быка на прокат наняв привели.

Перевод: Считая невозможным итти так далеко пешком, они взяли напрокат безрогого быка.

§ 49. Основные элементы представления и их выражение в предложении. б) Подлежащее.

Подлежащим тамильской фразы может быть: 1) Личное местоимение, 2) существительное.

1. Личное местоимение занимает в качестве подлежащего место или после сказуемого, с которым оно сливается в одно целое, или перед сказуемым, оставаясь и внешне самостоятельным словом, или оно, наконец, встречается в одной и той же фразе и в том и в другом положении.

а) Личное местоимение в суфф. положении (см. § 19).

aṭi-y-ēṉ; pollāt-āy; ceyk(u)-iṉr(u)-ōm
раб — я; грех — твой, делание — теперь — наше
(ты грешен); (мы делаем).

aḷut(u)- īr; kēṭṭ(u) — īrkaḷ — ā?
плакание (в прош. вр.) ваше; слышание — ваше — ли (в пр. вр.)
(вы плакали) (слышали-ли вы?)

б) Личное местоимение в самостоятельном положении:

nāṉ varutu; mikavum nāṅkaḷ makiḷṉtatu;
мой приход, т. е. я прихожу, чрезвычайно наша радость;
(в пр. вр.)

nām pōccutu народное выражение вместо *pōyiṟṟu* (см. § 19)
наш уход т. е. мы ушли

nī vara-v-illai
твоего прихода отсутствие т. е. ты не пришел

nāṉ kaḷḷaṉ alla
мое жуликом — небытие, т. е. я не жулик.

в) Часто подлежащее — личное местоимение выражается дважды: самостоятельно перед сказуемым и суффиксально. Это случается в особенности в длинных периодах со многими предварительными сказуемыми и вставными определениями, а также для подчеркивания подлежащего.

В современном разговорном тамильском языке, удвоение личного местоимения практикуется довольно регулярно, хотя не обязательно.

nāṉ ceykiṟēṉ	или	*ceykiṟēṉ*	я делаю
nī aḷutāy	»	*aḷutāy*	ты плакал
nām kāṇpōm	»	*kāṇpōm*	мы увидим
nīr iruppīr	»	*iruppīr*	вы будете.

nāṉ avaṉ-ōṭu-kūṭa pirāmaṇaṉiṭattiṟku pōy kumpiṭup
я с ним вместе к брахману пойдя, поклон
pōṭṭu paṇaṅ koṭuttu ēṉakkup purōkitaṅ colla pirārttittēṉ.
отвесив, деньги дав, мне пророчество сказать просил.

Синтактическое значение самостоятельного личного местоимения увеличилось и благодаря тому, что местоимение стоящее после сказуемого срослось как суффикс со сказуемым и подверглось значительным фонетическим изменениям затмевающим его первоначальную природу.

2. Существительные, которые употребляются как подлежащие, можно разделить на две категории:

а) названия лиц, предметов, животных, абстрактных понятий.

tiruṭaṉ paṇaṅ koṇṭu-pōṉāṉ. paṇam vīṭṭil iruntatu.
вор деньги унес. деньги в доме находились.
māṭu kolla-p-paṭṭatu. kalvi nallatu. i-tu nalla-tu.
бык был убит. учение — хорошо. это хорошо.

б) Существительные действия или состояния — так называемые глагольные существительные. Чаще всего они встречаются в виде расширенных существительных (см. выше § 48) и переводятся обычно какой-нибудь придаточной фразой. Наше неопределенное наклонение имеет такой же глагольно-существительный характер, как тамильские глагольные существительные И у нас неопределенное наклонение употребляется часто как подлежащее фразы. Напр.:

aṅkē pō-ka muṭiyum-ā? itaic ceyy-al ākātu.
туда итти можно-ли? это делать не разрешается.
inta nīr kuṭi-kkal nallat alla. kiḷavaṉai taṭiyāl aṭi-kka
эту воду пить нехорошо. старика палкой бить
vēṇṭām
не нужно.

В тамильском языке глаг. сущ. употребляются как подлежащие значительно шире, и часто не могут передаваться нашим неопределенным наклонением:

nāṉ uṉakku paṇam aṉuppukkiṟatu
Мое — тебе — деньги — посылание
avaṉukk' utavum
ему поможет.

} То, что я тебе посылаю деньги, и т. д.

nī-y-um un pillaikalum inta
твое — и — твоих — детей — эту —
nīr kuṭittatu cari-y-alla
воду — питие не хорошо.

Нехорошо, что ты и твои дети пили эту воду.

nī eṉakku neṟṟu Irāmaṉai
твое мне вчера Ираман —
paṟṟi coṉṉatu
относительно сказанное дело,
mey tān
правда ведь.

То что ты..... сказал, сущая правда.

itai mīṇai pōlē
этого — на — рыбы — подобие —
piṭittu karaiyiṉmēl iḷuk-
вылавливание — на берег — выта-
kiṟatu nalla upāyam.
скивание хороший способ.

хороший способ было бы, если можно было бы выловить его на подобие рыбы и вытащить на берег.

Вышеуказанные (§ 48) существительные *eṉṟu* и *eṉa* употребляются также в качестве *подлежащих*. Определением и расширением их служит то содержание речи или мысли, которое передается при их помощи и предшествует им. Обычно мы переводим *eṉṟu* и *eṉa* в этом положении словом «что» с косвенной речью. Напр.:

avaṉ neṟṟu iṅkē iruntāṉ eṉṟu
он — вчера — здесь — был — факт
eṉakku teriyum
мне известно;

мне известно, что . . .

oru nāḷ iravil āṟu pēr tiruṭar
однажды — ночью — шесть — лиц — воров —
vīṭṭil vantārkaḷ eṉṟu kavaṟkāra-
в дом пришли — представление у сто-
ṉukku toṉṟiṉatu
рожа появилось.

Однажды ночью показалось сторожу, что . . . . . .

vēṭaṉ kāṭṭil vantu cērn-
охотник — в — лес — пришедши — при-
t(u) irukkiṟāṉ eṉa vilaṅkukaḷukku
быв — находится — сведение зверям
teriya-v-illai
известно не было.

Зверям не было известно, что охотник появился в лесу.

Кроме *eṉṟu* и *eṉa* употребляются в том же смысле и другие существительные образуемые от *eṉ* как *eṉkiṟatu* и *eṉpatu:*

kaṉamūṭaṉ kai-p-
дурак — в — руке — находящуюся —
poruḷ iḷappāṉ eṉkiṟatu kāṭṭa-p-
вещь — теряет — явление было дока-
paṭṭatu
зано.

Было доказано, что дурак теряет и то, что он держит в руке.

poy-y-āṉa poruḷ ācai mey-
ложное — богатства — желание — пра-
y-āṉa aruḷ — ācai vi-
вильное — благодати — жажду уничто-
lakkum eṉpatu uṉmai-y-ē
жает — утверждение сущая правда.

Сущая правда, что ложное желание богатства уничтожает..

В отличие от индоевропейскиких языков подлежащее (т. е. именительный падеж) не обозначается особыми формативами. Поэтому напр. окончание *s* или *visarya* санскр. слов перешедших в там. яз. обычно отпадают.

Напр.: *agni-s (agni-ḥ) > akkiṉi*

С другой стороны, хотя его отношение к сказуемому формально нами толкуется — по крайней мере во многих случаях — как отношения аттрибута к существительному, все же аттрибутивные формы личных местоимений и существительных, где таковые существуют, не употребляются для обозначения подлежащего, а лишь для аттрибутов в собственном смысле. (см. следующий § 50). За исключением суффиксальных личных

местоимений подлежащее стоит всегда перед сказуемым, часто в начале фразы.

§ 50. Уточнение представления при помощи аттрибутивных определений.

Каждая часть фразы—а с ней вместе все представление в целом—может быть уточняема аттрибутивным определением. Напр.:

eṉ takappaṉ vīṭu — aḻintatu
дом моего отца сгорел
(определение подл.)
anta periya vīṭu — avaṉ piṟanta iṭam
тот большой дом — место, где он родился
(опред. подлежащего и сказуемого)
nāṉ maṇṇil — kiṭanta kiḻavaṉai eṭuttēṉ.
Я на земле — лежащего старика поднял.
(определение прямого дополнения)
nāṉ kuruṭaṉ — ākiya kiḻavaṉukku paṇaṅ koṭuttēṉ
Я слепцом ставшему старику деньги дал
(опред. косвенного дополнения)
avaṉ nam-m-uṭaya kāṭṭil vacittukkoṇṭiruntāṉ.
Он в нашем лесу жил, (опред. места)

Тамильский язык знает формально только *два* типа аттрибутов: существительные и местоимения в аттрибутивном положении и прилагательные.

Аттрибутивность существительного может выражаться следующими способами:

1. Положением, т. е. аттрибутивное существительное ставится без изменения и без всякого суффикса перед определяемым существительным. Напр.:

itu irāmaṉ vīṭu. avaṉ tantai iṟantupōṉāṉ. avaṉ kūlikkārar
Это *Ираман*-а дом. *Его* отец умер. Он *рабочих*—
paṇaṅ koṇṭu vantirukkiṟāṉ.
деньги принес.

2. Изменением основы, т. е. специальными аттрибутивными основами отличающимися от форм подлежащего. (см. § 12а,1). Напр.:

maram: marattu-k-kompu; *tōṭṭam: tōṭṭa-k- kāraṉ;*
дерева — ветвь садовый работник
vīṭu: vīṭṭu-katavu; āṟu: āṟṟu-k-karai; *paṉai: paṉaṅ-cōlai;*
дома — дверь реки — берег пальмировой пальмы—роща
nāṉ: eṉ tampi; nī: uṉ kāl; nāṅkal: eṅkaḷ nāy.
мой младший брат; твоя нога; наша собака.

3. Суффиксом выражающим аттрибутивное отношение. Самый распространенный суффикс *iṉ*. Напр.:

akkai-y-iṉ vīṭu. takappaṉ-iṉ tōṭṭattil. avaṉiṉ cāmaṉ
сестр-ин дом. в отцовском саду. его товар.

Этот суффикс присоединяется к *аттрибутивным* формам существительных, где таковые образуются (см. выше).

aṟṟiṉ karai; kiṇaṟṟiṉ kīḻ; vīṭṭiṉ katavu; marattiṉ kompu.
реки — берег; колодца — дно дома — дверь; дерева — ветвь.

Суффикс *iṉ* важен еще и тем, что он служит часто для соединения существительных с теми словами и суффиксами, которые определяют синтактическую функцию существительных в предложении. (См. § 51—55).

Значительно реже употребляется для выражения аттрибутивных отношений *a-tu* объясняемое обычно как «та вещь». Я однако склонен думать, что это слово, в его значении аттрибутивного суффикса, нужно разделить на *tu* «вещь» и соединительный форматив *a* (см. § 15). Напр. *avaṉ-a-tu kutirai* значит буквально: «его вещь — лошадь», а потом просто «его лошадь». И этот суффикс присоединяется к аттрибутивным основам, где таковые существуют. Суффикс *atu* свойственен преимущественно поэтическому языку.

У личных местоимений аттрибутивность выражается обычно специальной аттрибутивной основой (ср. § 12), к которой могут быть присоединяемы указанные два суффикса *iṉ* и *a-tu*. Напр.:

eṉ vīṭu *eṉ-ṉ-iṉ vīṭu* *eṉ-ṉ-a-tu vīṭu*	мой дом	*uṉ vīṭu* *uṉ-ṉ-iṉ vīṭu* *uṉ-ṉ-a-tu vīṭu*	твой дом
nam vīṭu *nam-m-iṉ vīṭu* *nam-m-a-tu vīṭu*	наш дом	*um vīṭu* *um-m-iṉ vīṭu* *um-m-a-tu vīṭu*	ваш дом
eṅkaḷ vīṭu *eṅkaḷ-iṉ vīṭu* *eṅkaḷ-a-tu vīṭu*	наш дом	*uṅkaḷ vīṭu* *uṅkaḷ-iṉ vīṭu* *uṅkaḷ-a-tu vīṭu*	ваш дом

avaṉ taṉ vīṭu viṟṟāṉ *avaṉ taṉ-ṉ-iṉ vīṭu viṟṟāṉ* *avaṉ taṉ-ṉ-atu vīṭu viṟṟāṉ*	он продал свой дом
avar tam vīṭu viṟṟār *avar tam-m-iṉ vīṭu viṟṟar* *avar tam-m-atu vīṭu viṟṟar*	он продал свой дом
avarkaḷ taṅkaḷ vīṭu viṟṟārkaḷ *avarkaḷ taṅkaḷ-iṉ vīṭu viṟṟārkaḷ* *avarkaḷ taṅkaḷ-a-tu vīṭu viṟṟārkaḷ*	они продали свой дом

Самым распространенным суффиксом для выражения аттрибутивности, и в частности принадлежности (поссесивности) является *uṭai-y-a*. Это слово происходит от *uṭ-ai* «владение», корнем которого является *uṭ (uḷ)* «быть, иметь». Оно приобретает аттрибутивное (прилагательное) значение благодаря суффиксу *a* (§ 15). *uṭai-y-a* означает буквально: «являющийся(-аяся, -ееся) чьим-либо владением (принадлежностью, особенностью)». Слово выражающее владельца стоит к *uṭai* в отношении *аттрибута*. Поэтому при сочетании с *uṭaiya* употребляется *аттрибутивная* форма существительных или местоимений. Напр.:

iṭaiyaṉ taṉṉuṭaiya māṭukaḷai
Пастух своих (своим имуществом являющихся) быков
mēykkiṟāṉ. nī eṉ-ṉ-uṭaiya tāyyai eṅkē kaṇṭāy?
пасет. Ты мою мать где видел?

eṅkaḷ-uṭaiya vīṭu malai-y-iṉ mēl irukkiṟatu.
Наш дом на горе стоит.
itu uṉ-ṉ-uṭaiyap piḷḷai-y-ā eṉṟu nītikkāraṉ kēṭṭāṉ.
Это твой ребенок? так судья спросил.
tiruṭaṉ avaṉ-uṭaiya vīṭṭukkuḷ nuḻaintāṉ.
Вор в его дом влез.
ciṅkatt-uṭaiyak karccaṉaik kēṭṭu ellā mirukaṅkaḷum
Льва рыкание услышав все звери
payappaṭṭatu
испугались.

Для связи между *uṭai-y-a* и существительным (местоимением) может служить аттрибутивный суффикс *iṉ*.

aracaṉ-iṉ-uṭaiya kaṭṭaḷaik kēṭṭōm или *avacaṉ-uṭaiya*
Царя приказ мы слышали.
uṅkaḷ-iṉ-uṭaiya āpāraṇaṅkaḷ mikavum aḻakāṉatu
Ваши украшения очень красивы.

Аттрибут в виде прилагательного.

Слово *uṭaiya* образует вместе со своим аттрибутом нечто вроде сложного *прилагательного*, что выражается внешним образом при помощи форматива *a* (ср. § 15). Другие способы образования прилагательных перечислены в §§ 12, 15, 24.

Кроме них отмечаем следующие очень распространенные способы:

1. Присоединение глагольных прилагательных к существительному.

а) *āṉa* «сделавшийся, ставший»

kacapp(u)-āṉa	горький
горечью — ставший	
karupp(u)-āṉa	черный
чернотой — ставший	

б) *ullа* «имеющий, являющийся».

kalakam -ullа возмутительный
возмущением — являющийся
muyarci-y-ullа решительный
решительность — имеющий

в) *illāta* «неимеющий» *arra* «лишенный» *īna* (санскр.) «лишенный» для образования отрицательных прилагательных: *paṇam-illāta* «безденежный» *tik-arra* «бесприютный»; *putti-y-īna* «умалишенный».

г) *ākum* или *ām* (от корня *ā*) «делающийся, становящийся, являющийся», напр.:

periya-vīraṉ-ām (ākum) Irāmaṉ } храбрейший Раман.
великим героем являющийся Раман. } (обычно в поэзии).

д) *ākiya* (от того же корня *ā*) «ставший, являющийся». При помощи этого причастия одно существительное подчиняется другому на подобие нашей аппозиции. Напр.:

inta ūr atikāraṉākiya oru veḷḷāḷaṉ } Голова этого
Этого города головой ставший один крестьянин. } города один к.

е) *eṉṉum* и *eṉkira* от корня *eṉ* «говорить». Эти слова имеют значение «называемый, по имени». Напр.:

teṉṉa tēcattilē maturai eṉṉum
В южной стране Мадура — называемый
oru paṭṭaṇam uṇṭu
один город есть.
} В южной стране есть город по имени Мадура.

vaṭa tēcattilē teṉṉāḷu eṉkira ūrilē
в северной стране, в Тенналу называемой деревне
Irāmaṉ eṉru oru pirāmaṇap piḷḷai pirant' iruntāṉ
Ираман по имени один брахманский мальчик родился.

[Как видно из этого примера, даже существительное *eṉru* (см. выше) употребляется часто для выражения аттрибутивной зависимости].

2. Очень многие прилагательные являются в сущности, как по форме так и по своему первоначальному значению, глагольными прилагательными, т. е. причастиями. Напр. *uyar-nta* «высокий» от *uyar* «подыматься», *tāḷ-nta* «низкий» от *tāḷ* «опускаться» *akaṉra* «широкий» от *akal* «шириться». *tiraṇṭa* «круглый» от *tiraḷ* «округляться» *nīṇṭa* «длинный» от *nīḷ* «удлиняться» *miku-nta* «обильный» от *mik-u* «изобиловать». Сюда относятся и слова как *per-i-y-a* «большой» от *per-u* «быть (становиться) большим» *put-i-y-a* «новый» вместо *put-u* «новый» (глагольное значение утрачено). В последних двух примерах соединительным согласным между *i* и *a* служит *y*, вместо *ṉ* употребляемого обычно для образования причастия этой группы (см. § 19).

3. Наконец употребляются в качестве аттрибутивных определений причастия разных времен. Способ употребления причастий отличается во многом от того, к чему мы привыкли в индоевропейских языках. Правда, во многих случаях мы можем перевести тамильское причастие русским же причастием:

oru kirāmātikāraṉuṭaiya kutiraiyaic camīpattil irukkir-a
одного деревенского старосты лошадку по близости находящийся
oru pāḷaiyakkāraṉ tiruṭi-k-koṇṭu-pōṉāṉ.
один вождь (полигар) украл.

enta uyiraiyum kollāta oru canniyāci oru
никакой жизни не убивающий один отшельник одного —
ēri-k- karai mēlē pōṉāṉ
озера — на — берегу шел.

cīšaṉ taṉ valai-y-ai nuḷaiya-pōkir-a eli-y-aip pārttāṉ.
ученик в свою норку влезать собирающуюся крысу наблюдал.
anta maṭattaip perukki-k-koṇṭ-irunta kiḷavikku avarkaḷ it ellām
ту обитель обычно подметавшей старухе они это все
coṉṉārkaḷ
рассказали.

Однако наряду с этими случаями имеются в тамильском языке — и в остальных дравидийских языках — многочисленные

и разнообразные примеры такого употребления причастия, которое чуждо нашему грамматическому мышлению, и где мы должны переводить причастие относительным придаточным предложением. Поэтому этот вид причастия и получил в европейских грамматиках название «относительное причастие» *(participium relativum)*. Чтобы понять эту конструкцию, необходимо помнить, что было сказано выше относительно характера тамильского предложения (см. § 48), а именно — что оно представляет собою расширенное разными определениями сказуемое-существительное. Когда это расширенное сказуемое в свою очередь становится аттрибутивным определением другого существительного, то к нему прибавляется форматив прилагательного, т. е. *a* или *um*.

Возьмем простой пример: *nāṉ neṟṟu kaṇṭu* означает буквально «мое — вчера — видение» т. е. «я вчера видел». Если к сказуемому *kaṇṭu* прибавить форматив *a*, то оно, и следовательно вся «фраза», принимает аттрибутивный характер, напр. *nāṉ neṟṟu kaṇṭa peṇ* «женщина, которую я вчера видел» (букв. «женщина являющаяся моим — вчера — видением»). Следующие примеры могут иллюстрировать разнообразие применения этой грамматической конструкции:

eṉ aṇṇaṉ eṉakku koṭutt-ap
моего — старшего — брата — мне — даванием являющиеся
paṇam iḻantu-pōṉēṉ
деньги я потерял т. е. я потерял деньги, кот. мне дал м. с. б.
itu nāṉ peṟṟap piḷḷaiy eṉṟu avaḷ coṉṉāḷ
это моим рождением явл. ребенок так она сказала т. е. она сказала, что это тот ребенок, которого она родила.
nāṉ viḻunt-a kuḻi-y-ilē nīrum cērum metta iruntatu
в которую я упал, в яме воды и грязи много было т. е. в яме, в которую я упал, много было воды и грязи.
eṉ vayiṟu eriya vāṅkina paṇam avarkaḷukku
(которые) из моего живота (они) вытащили деньги им

nerupp' ākātō?
огнем не станут ли?
nāṉ varum vaḷiyil oru koṭiya ciṅkattai kaṇṭēṉ.
на кот. я шел, дороге одного жестокого льва видел — я.
kutirai mēynta kollaiyai p pārttārkaḷ
на кот. лошадь паслась, поле осматривали
Nīr koṇṭa kutiraiyō? nāṅkaḷ tēṭiṉa kutiraiyō?
которую вы взяли лошадь-ли? кот. мы искали лошадь-ли?
Nāṉ innāḷ maṭṭum kāṇāta aticayaṅkaḷai ippōtu kaṇṭēṉ.
Кот. я до сих пор не видел, чудеса теперь видел я.

Прилагательные, в том числе и причастия, не подвергаются «склонению», т. е. присоединению суффиксов мн. числа и синтактических (падежных) отношений.

Только что перечисленные способы передачи наших относительных придаточных предложений типичны для тамильского языка. Однако встречается, правда довольно редко, грамматическая конструкция, подражающая индоевропейскому относительному предложению. Она, очевидно, возникла под влиянием санскритской литературы, и встречается преимущественно в сочинениях находящихся под сильным влиянием санскр. образцов, т. е. в переводах и пересказах. В самом деле, в этих случаях мы имеем сопоставление двух фраз, из которых первая является вопросом, вторая — своего рода ответом или выводом. Напр. период «кто это сделал, будет наказан» понимается так: «кто это сделал? — тот человек будет наказан». Вопросительный характер первой фразы подчеркивается еще тем, что к сказуемому прибавляется вопросительный суффикс (см. § 43). Обычно эти фразы носят обобщающий характер.

etu uṇṭākum-ō, atu uṇṭākaṭṭum.
что случится, то пусть случится.
ār intat tōšattaic ceytāṉ-ō, avaṉ taṇṭikkappaṭuvāṉ.
кто это преступление сделал, тот будет наказан.

§ 51. Уточнение представления при помощи «прямого дополнения».

Под «прямым дополнением» подразумевается грамматическое выражение того объекта — лица, предмета, отвлеченного понятия, действия и т. д. — на которое направлено действие, выражаемое сказуемым. Напр.: «я пашу землю», «он велел притти завтра», «он видел, что дерево упало», «мы идем в город».

В приведенных русских примерах прямое дополнение имеет разную грамматическую форму в зависимости от своего содержания (землю — что дерево упало). В тамильском языке, где, как было уже отмечено неоднократно, фраза представляет собою просто расширенное сказуемое-существительное, дополнения типа «землю» и типа «что дерево упало» выражаются совершенно одинаково. Последнее принимает в там. мышлении форму «дерева-падение».

Внешним выражением прямого дополнения является:

а) контекст и положение в предложении: в большинстве случаев оно стоит непосредственно перед сказуемым.

б) синтактический суффикс *-ai*.[1]

---

[1] Происхождение и этимология этого суффикса неизвестны. Сравнение с другими дравидийскими языками также не проливает света на его первоначальную форму и значение. Ср. малаялам — *ē*, каннада — *a*, *(annu, am)*, телугу — *nu (ni)*. Возможно ли, что *ai* представляет собою остаток более полного слова? На эту мысль наводит сопоставление его с другими синтактическими суффиксами вроде *āl*, *ōṭu* (см. ниже), которые также восходят повидимому к более полным формам, причем исчезновению подвергся в названных двух случаях, начальный согласный. Легче всего исчезает звук *h*. Так, например, санскр. слова *hataḥ* и *hīna* принимают в там. языке вид *ataṉ* и *īṉa*. Если звук *k* попадает в положение между двумя гласными, то он превращается именно в *h* (см. § 7), которое впоследствии могло легко исчезнуть. Мы получили бы таким образом: *ai* < **hai* < **kai*.

Это слово *kai* имеет первоначальное значение «рука», что по смыслу вполне подходит для выражения направления действия. Названия частей тела употребляются в там. яз. с разными переносными значениями (ср. выше § 38).

а) Примеры прямого дополнения без суффикса *ai*:

avaṉ eṉṉa coṉṉāṉ? ippaṭi avarkaḷ veku nāḷ ālōcaṉaip
он что сказал? так они много дней обсуждение
paṇṇiṉārkaḷ
делали (здесь *ai* в *ālōcaṉ-ai* формативный суффикс)

eli valai tōṇṭa kaṇṭēṉ
крысы — норку — вырывание я видел (я видел, как крыса вырывала норку) норка = *vaḷai*.

eṉ ciṉēkitaṉ pēca toṭaṅkiṉāṉ.
мой приятель говорить начал.

aṟuvarum iṅke vant' irukka paṇṇuvēṉ
всех — шестерых — сюда — прибытие я сделаю (я сделаю, чтобы все шестеро сюда пришли).

itu varaikkum kutirai cumai eṭukkiṟatu aṟivōm
до сих пор лошади — тяжесть — подымание мы знаем (до сих пор мы знаем, что лошадь несет тяжесть).

avaṉum kurukkaḷ cirittat(u)-āka kaṇṭu
и он наставника — смех — делания увидев (и он увидев, что наставник смеется).

avaṉ paṭṭaṇam-ē.p pōṉāṉ. avarkaḷ tēcāntaram pōkap
он в город пошел. они в чужую страну
puṟapaṭṭārkaḷ.
отправились.

б) Примеры с суффиксом *ai*:

Обыкновенно суффикс *ai* присоединяется к существительным «высшей касты» (см. § 34) и к личным местоимениям:

piṟaku cila nāḷ poṟuttup pārppār-ai aḷaippittāṉ.
потом несколько дней подождав жрецов он призвал.

uṅkaḷ-ai kolla kaḷḷar vant'irukkiṟārkaḷ.
вас убить разбойники пришли.

Слово *kaṇ* «глаз» служит суффиксом для обозначения места, и употребляется в этом смысле в поэтической литературе. Я высказываю это предположение со всяческой осторожностью и лишь как возможное объяснение.

avaṉ taṉi-t-taṉiyē niṉṟa mū-v-ar-ai kēṭṭāṉ.
он по отдельности стоящих трех людей спросил.

Но и к другим существительным *ai* присоединяется нередко:

pōṉa kaṟavai-y-ai t tēṭa ūrukk' ūr pōṉārkaḷ
ушедшую корову искать из деревни в деревню пошли...
tēruk katav-aic cāttip pōṭṭu. at-aip pārttu
на — улицу — дверь заперев... это увидев...
aṉēka vekumāṉaṅkaḷ-ai avaṉ peṟṟuk koṇṭu vantāṉ.
много почестей он постоянно получал.
anta cāppāṭṭile kal irukkiṟataik kaṇṭu
в этой пище камня — наличие увидев... (увидев, что в этой пище был камень).
ippōtu nāṉ aṭi-paṭṭat-ai p pārkka illaiyā
теперь мое — избиения — терпение не видел-ли ты (не видел-ли ты, что я был избит).
taṉ kaṟavaip pacu oru nāḷ poḻutu vīṭukku varātat-ait terintu
своей — коровы — однажды — домой — не — приход узнав (узнав, что однажды его корова не пришла домой).

В качестве прямого дополнения встречаются и *eṉṟu, eṉa, eṉkiṟatu* и *eṉpatu.* (Ср. выше § 49). К последним двум словам часто присоединяется суффикс *ai.* Напр.

eṉṉiṭattil naṟ-kuṇam irukkiṟat' eṉṟu nī
у меня хорошего — нрава — существования — факт ты
aṟiyavillaiyā?
не знаешь-ли? (Не знаешь-ли ты, то у меня хороший нрав?)
vēṭaṉ kāṭṭil naṭakkiṟāṉ eṉkiṟatai k kēṭṭu
«охотник в лесу ходит» (такой) рассказ услышав (услышав что охотник ходит в лесу).
inta varākaṉkaḷil išṭamāṉatai k koṭu eṉṟu coṉṉāṉ.
«из этих червонцев желательное дай» — слово сказал он. (Он сказал, чтобы он дал, сколько хочет, из этих червонцев).

Часто в одной и той же фразе употребляются, без видимой причины, формы с суффиксом рядом с формами без суффикса. Напр.:

nāṉ cōr ākka-v-um, nāṉāvita kaṟikaḷ-aic camaikka-v-um,
я рис готовить, разнородные приправы варить,
vintaip paṇiyāram uṇṭupaṇṇa-v-um, vennīr kacca-v-um vēṇṭum
сладкие пироги делать, воду кипятить должен

(здесь *ai* прибавляется только к одному слову *kaṟikaḷ,* по причинам произношения, чтобы избежать встречи *ḷ* и *c*).

Некоторые глагольные существительные (деепричастия), определяемые прямым дополнением, приобрели почти характер синтактических суффиксов и употребляются со значением наших предлогов. Таковы:

1) *kuṟi-ttu* от *kuṟ-i* «обозначать, иметь в виду», «обдумывать». Оно имеет значения: «относительно чего-нибудь», «по поводу», «о», «ради». Напр.:

ummaik kuṟittu eṉṉa colluvēṉ? aracaṉ inta
вас — относительно что скажу я? царь об этой
tiruṭṭaik kuṟittu avaṉai kēṭṭāṉ. pōr ceyya k kuṟittu iṅkē
краже его спросил. бой — сделания — ради сюда
vantārkaḷ. avaṉ coṉṉataik kuṟittu.
пришли. по поводу того, что он сказал.

2) *paṟṟi* от *paṟṟu* «схватывать, соприкасаться». Употребляется также со значением: «касательно, относительно, о» и т. д.

avaṉaip paṟṟi eṉakku oru kāriyamum illai. avarkaḷ
до него мне никакого дела нет. о том, что они
ceytataip paṟṟi eṉṉa colluvīrkaḷ?
сделали, что вы скажете?

Иногда употребляется с тем же значением и *tōṭṭu* от *tōṭ-u* «касаться».

3) *pār-ttu* от *pār* «смотреть» и *nōkk-i* от *nōkk-u* «смотреть», «обращаться» употребляются там, где мы обычно употребляем

или дательный падеж или предлоги в роде «к», «по направлению к» и т. п.

kākam iraniyakaṉai p pārttu collukiṟatu. avaḷ taṉ purušaṉai
ворона Иранякану сказала. она своему мужу
nōkki . . . coṉṉāḷ.
сказала.

4) *iṭṭu* от *iṭu* «класть, ставить» (употребляется в простой разговорной речи) «в виду, по причине»

avaṉ mūrkkatuvattai iṭṭu avaḷ mikavum pāṭuppaṭṭāḷ.
его глупости по причине она много страдала.

Синтактический суффикс *ai* присоединяется к существительному или местоимению двояким способом:

а) *непосредственно,* причем там, где существует особая аттрибутивная форма, суффикс прибавляется к ней. Напр.:

eṉ-ṉ-ai	меня	*maratt-ai*	дерево	*avaṉ-ai*	его
uṉ-ṉ-ai	тебя	*māṭṭa-i*	быка	*avaḷ-ai*	ее
taṉ-ṉ-ai	себя	*āṟṟa-i*	реку	*at-ai*	это
eṅkaḷ-ai / *nam-m-ai*	нас	*kayiṟṟ-ai*	веревку	*nari-y-ai*	лисицу
				maraṅ-kaḷ-ai	деревья
uṅkaḷ-ai / *um-m-ai*	вас			*māṭu-kaḷ-ai*	быков
				āṟu-kaḷ-ai	реки
taṅkaḷ-ai / *tam-m-ai*	себя			*ciṅkaṅkaḷ-ai*	львов

(вообще во мн. ч. существ. употребляются только основные формы).

б) при помощи *аттрибутивного суффикса iṉ* (см. § 50). Это встречается сравнительно редко: *pasu-v-iṉ-ai* «корову», *maṇṇ-iṉ-ai* «землю», *maṉaivi-y-iṉ-ai* «жену».

§ 52. Уточнение представления при помощи «косвенного дополнения».

В косвенном дополнении указывается то лицо, предмет, дело и т. д. ради которого, или в пользу которого происходит действие

выражаемое сказуемым. Косвенное дополнение служит для выражения цели или направления действия. Для его обозначения имеется несколько способов, из которых наиболее распространенный — синтактический суффикс *ku.*[1]

Примеры употребления суффикса *ku:*

а) со значением нашего дательного падежа:

avaṉ-uk-ku aintu rūpāyk koṭu. eṉ-ak-ku ivvaḷavu paṇam vēṇṭum.
ему пять рупий дай. мне столько денег нужно.
avarkaḷukku eṉṉa(c) coṉṉīrkaḷ? kiḻavaṉukku vaḻi kāṇpikka vēṇṭum.
им что вы сказали? старику дорогу покажи.
uṅkaḷukku itu teriyum, allavō?
вам это известно, не так ли?

б) «ради, за»:

nāṉ avaṉai kūli-kku piṭittēṉ
я его за вознаграждение взял (я нанял его).
it eṉṉa vilai-kku viṟkappaṭukiṟatu. kaṟi tiṉṟatukku vilai
это по какой цене продается. за мяса—съедение цена—
paṇam; kaṟi iṭu(m) maṇam mukarntatukku
деньги; за мясом — распространяемого — запаха — вдыхание
vilai paṇam iṭu(m) maṇam. avaṉ nīrukku
цена — деньгами распространяемый запах. он за водой
pōkum pōtu.
пошел — когда.

в) «для», «для того чтобы» (цель действия).

itaṟ-ku eṉṉa ceyya vēṇṭum? ippōtu itu taḷḷukiṟa —
для этого что сделать нужно? теперь это — отменить —
taṟkum vēṟē peyar iṭukiṟataṟkum iraṭṭai-t- taṉai celavu
чтобы, и другое имя дать — чтобы, двойной суммы — расход

[1] Этот суффикс является, по аналогии с другими синтактическими суффиксами, повидимому, тоже остатком слова имевшего самостоятельное значение. Однако ни первоначальная форма, ни значение его нам неизвестны.

piṭikkum. vantavarkaḷukku or(u) āṭṭu perun toṭaiyai
потребуется. для пришедших одного барана большой окорок
cuṭukkiṟārkaḷ. kutirai mēynta kollaiyai pārkkiṟat-aṟ-ku nālu
жарят. где лошадь паслась, то поле чтобы осматривать 4
pēruṅ kūṭi vantārkaḷ. iṉṉum ippaṭikk — otta kuṟṟattaic
лица собравшись — пришли. больше тому — подобную ошибку
ceyātaṟku kavaṇikka vēṇṭum. atukk' āṉa iṭamum
не делать — чтобы стараться надо. для этого годного места
kāṇēṉ. avarkaḷai eṅkē kaṇṭālum acaṉattukku aḻaippān.
не вижу я. их где бы он ни видел к обеду приглашал.

г) «у» (для обозначения владельца).

eṉakku talai nōkutu. uṉ tampi-kku pattu rūpāy uṇṭ'
у меня голова болит. у твоего мл. брата 10 рупий есть,
allavō?
не так ли?

д) Иногда оно передается нашим род. пад. (Gen. possessivus):

avar-u-kku maṉakilēšam māṟa-v-illai
его уныние не изменилось;

е) направление действия или движения. В этом смысле оно переводится разными предлогами, как: «до, к, в, по направлению к, об» и т. д.

maṭattukku ceṉṟārkaḷ. pala putiya jaṉaṅkaḷ intiyāvukku
к обители пришли. много новых народов в Индию
vantu . . . intak kāṭṭukkum nī vacikkum ūrukkum
пришло. и до этого леса и до, где — ты — живешь — деревни —
evvaḷavut tūram?
сколько расстояния, т. е. от этого леса до деревни как далеко?
ammalaikaḷukku vaṭakkē-y-uḷḷa
от по отношению к этим горам к северу лежащей
makācīṉam-nāṭṭil-iruntu vara muṭiyum. intiyāvukku kurukkē
Махачина — страны притти можно. Индии — поперек

kiḻ-mēl tikkāy vintiya-malaikaḷum sātpura-malaikaḷum
в востоко-западном направлении Виндия-горы и Сатпура-горы
uṇṭu. avarkaḷ itukku: «. . . . . *itukku ālōcaṉai eṉṉa?*
есть. они на это: «. . . . . об этом размышление какое?
atukku avaṉ nallatu eṉṟu coṉṉāṉ. avaṉ intac cāmaṉ vilai
на это он хорошо так сказал. на то, что он этот товар
vāṅkiṉataṟku nī eṉṉac colluvāy?
купил, ты что скажешь?

Суффикс *ku* присоединяется к основной или к аттрибутивной форме существительного разными способами:

а) непосредственно и без удвоения начального *k* (редко и главным образом в *ceṉ tamiḻ*):

avaṟku ему [от *avaṉ-ku* см. § 10,6 б];

б) непосредственно с удвоением начального *k* (см. § 10,2):

vīṭṭu-k-ku	дому	*āṟṟu-k-ku*	реке
cey-kiṟatu-k-ku	деланию	*tāy-k-ku*	матери
ceṭṭi-k-ku	купцу	*varātu-k-ku*	неприхождению
ciṅkattu-k-ku	льву	*atu-k-ku*	тому;

в) со вставлением *u* между существительным и *ku* (см. § 14), и с удвоением *k:*

avaṉ-u-k-ku	ему	*avaḷ-u-k-ku*	ей	*avar-u-k-ku* им
avarkaḷ-u-k-ku	им	*ciṅkāṅkaḷ-u-k-ku*	львам	
vīṭu-kaḷ-u-k-ku	домам	*tāy-kaḷ-u-k-ku*	матерям	
maṇṇ-u-k-ku	земле	*maratt-u-k-ku*	дереву	

Как видно, *u* вставляется тогда, когда существительное, или аттрибутивная форма его, оканчивается на согласный. Это сочетание *ukku* стало настолько ощущаться, как самостоятельный синтактический суффикс, независимый от первоначального *ku,* что в некоторых случаях, в частности в сущ. оканчивающихся на устойчивое *u,* оно употребляется даже после глас-

ного. При этом приходится между начальным *u* этого «суффикса» и последним гласным вставить соединительный согласный.

pacu-v-ukku корове *kuru-v-ukku* наставнику.

г) со вставлением *a* (см. § 15). Это относится исключительно к личным местоимениям.

eṉ-a-k-ku мне *uṉ-a-k-ku* тебе *taṉ-a-k-ku* себе
nam-a-k-ku нам *um-a-k-ku* вам *tam-a-k-ku* себе
но во мн. ч. *eṅkaḷ-ukku* «нам», *uṅkaḷ-ukku* «вам», *taṅkaḷ-ukku* «себе»;

д) иногда вставляется между сущ. и *ku* аттрибутивный суффикс *iṉ* или чаще *aṉ*. *it-aṟ-ku* «этому», *at-aṟ-ku* «тому» (*aṉ* > *aṟ* см. § 10,6 б)

collukiṟat-aṟ-ku чтобы сказать *varāt-aṟ-ku* чтобы не притти.

Цель действия может выражаться и рядом других способов:
а) самый распространенный: *paṭi* «шаг, способ, направление» в соединении с причастием (Participium relativum) см. выше § 50.

nī eṉṉuṭaiya iṟaicciyai(t) tiṉṉum
ты мое мясо (тело) съесть (съедения — направления)
paṭi iṅkē vant-irukkiṟāy. pirāmaṇaṉ-uṭaiya poṉṉum veḷḷiyum
чтобы сюда пришел. брахмана золото и серебро
eṭuttu-(k) koṇṭu-pōkum paṭi
подняв — взяв — ушли — чтобы (поднятия — взятия — ухода —
aracaṉ taṉ cēvakarkaḷai aṉuppiṉāṉ.
направления), царь своих слуг послал, т. е. царь послал своих слуг, чтобы они унесли . . . . . .

б) Для более точного выражения цели действия к слову *paṭi* часто прибавляется суффикс цели *ku:*

kaṭaicciyilē tīrttapaṭikku nālu paṇattai
наконец, для того чтобы покончить дело, четыре серебренника
vāṅki-k-koṇṭu . . . . tōšan toṭarātapaṭikku āḷamāy
взяв . . . . . для того, чтобы нечисть не прилипала, они глубоко

kuḷi veṭṭi kātaip putaittārkaḷ. tampi nalla
яму вырыли и ухо закопали. для того, чтобы брат хороший
vīṭṭai(k) kaṭṭum paṭikku avaṉukku āyiram rūpāy iravalkoṭukka
дом построил ему тысячу рупий взаймы дать
vēṇṭum.
нужно.

в) Наряду с *paṭi* употребляется и слово *poruṭṭu* (от *poruḷ* «смысл, цель» + *tu*). Это слово также определяется аттрибутивно причастием. Напр.:

avaṉ coṉṉat(u) ellām aṟiyum poruṭṭu, pala cāstiraṅkaḷ
что он сказал, все понять чтобы, много наук
paṭikka vēṇṭum.
изучать надо. Это выражение употребляется в литературной речи и в разговоре ориентирующемся на литературные образцы.

г) Точно также употребляется санскритское слово *nimittam* «цель» «намерение», которое соединяется с глагольным существительным (с суффиксами *al, tu* и т. д.), причем аттрибутивность выражается обычно суффиксом *iṉ* (см. § 50). Часто прибавляются еще слова *āka* или *āy* от *ā* «становиться, делаться, являться», которые, создают нечто вроде наречий.

Напр.: *itiṉ(n)imittam* или *itaṉ(n)imittamāka* для этой цели.
āṟṟai kaṭakkiṟatiṉ nimittam чтобы перейти через реку.

д) Очень часто встречается следующий способ выражения намерения или цели: *māṭṭai vāṅka vēṇṭum eṉṟuk kaṭaikku p-pōṉāṉ* [«быка купить надо» так сказав он на базар пошел]. Он пошел на базар, чтобы купить быка.

е) Наконец для выражения цели совершенно достаточно глагольного существительного с суффиксами — *a, ka, kka,* соответствующего нашему неопределенному наклонению.

kutiraiyai irāttiri mēy-a viṭṭārkaḷ.
лошадь на ночь пастись пустили.

eṉṉai kallaṟaiyil vaittu(c) cavaccēmañ ceyya āyattañ
меня в могилу положив погребение сделать приготовление
ceyyuṅkaḷ.
сделайте.

āṟṟōṭṭē pōṉavaṉai iṅkē aḷaippikka eṉakku(ṭ) tirāṇi
с рекой ушедшего сюда призвать у меня волшебное
uṇṭu.
средство есть.

3) Глагольное сущ. *āka* часто соединяется с вышеизложенным синтактическим суффиксом *ku*. Мы получаем таким образом: *avaṉ-u-k-k(u)-āka itai(c) ceytēṉ* что означает буквально «я это сделал, чтобы оно стало ему (в его пользу) т. е. «я сделал это для него». В конце концов от соединения *ku* и *āka* получился сложный синтактический суффикс, который имеет значение «для» «ради» и т. п.

eṉakk-āka для меня *itaṟk-āka* для этого
maṟṟai mūṉṟu pērum taṅkaḷukku avaṉ anta naṣṭattai
другие три лица для того чтобы он им тот убыток.
koṭukiṟataṟk-āka piriyatu ārji koṭuttārkaḷ.
платил жалобы — прошение представили.
eṉṉai irāṭcikkiṟataṟ-k-āka avaṉ itai(c) ceytān.
меня защитить — для — того — чтобы, он это сделал.

āka присоединяется, как мы уже видели, к *nimittam*; точно также к *paṭi, paṭikku, poruṭṭu.*

§ 53. Уточнение представления при помощи определения причины, средства, условий действия.

Наиболее употребительным способом выражения: а) *причины,* из-за которой происходит действие, б) *средства,* или инструмента, при помощи которых выполняется действие, в) *лица,* которым производится действие, и г) *условий,* при которых или благодаря

которым происходит действие, является синтактический суффикс *āl.*[1]

Этот суффикс присоединяется к существительному, [к его аттрибутивной основе, где таковая образуется] 1) непосредственно: Напр.:

avaṉ-āl	им	*avaḷ-āl*	ею
avar-āl	ими	*avar-kaḷ-āl*	ими
taṭi-y-al	палкой	*katti-kaḷ-āl*	ножами
kal-l-āl	камнем	*kāt(u)-āl*	ухом
kuru-v-āl	наставником	*kāl-āl*	ногой

(аттр. формы)

eṉ-ṉ-āl	мною	*uṉ-ṉ-āl*	тобою	*taṉ-ṉ-āl*	собою
nam-m-āl	нами	*um-m-āl*	вами	*tam-m-āl*	»
eṅkaḷ-āl	»	*uṅkaḷ-āl*	»	*taṅkaḷ-āl*	»
ciṇkatt(u)-āl	львом	*vīṭṭ(u)-āl*	домом	*cēṟṟ(u)-āl*	грязью
		kayiṟṟ(u)-āl	веревкой		

но: *ciṅkaṅkaḷ-āḷ* «львами» *vīṭu-kaḷ-āl* «домами» *kayiṟukaḷ-āl* «веревками» и т. д.

2) посредством аттрибутивного суффикса *iṉ* (или *aṉ*):

avaṉ-iṉ-āl	им	*it-iṉ-āl*	этим
kuru-v-iṉ-āl	наставником	*kāl-iṉ-āl*	ногой
ciṅkatt-iṉ-āl	львом	*pirāmaṇaṉ-iṉ-āl*	браманом
taṭi-y-iṉ-āl	палкой	*kayiṟṟ-iṉ-āl*	веревкой и т. д.

---

[1] И этот суффикс представляет собою несомненно остаток самостоятельного существительного. Калдвелль (Comp. Grammar, p. 276) предлагает два объяснения: 1) *āl* = *ākal* от корня *a*, что фонетически вполне возможно; или *āl* = *kāl*, которое он берет в смысле «русло», «канал». Но это значение представляет собою уже продукт длительного семантического развития от первоначального значения *kāl* = «нога». Сопоставляя *(k)āl* с *kaṇ* и *(k)ai*, см. примечание к § 51, мы можем, с некоторой вероятностью предположить, что первоначально слово *kāl* употреблялось для выражения средства и причины действия именно в смысле «нога». Ср. напр. семантический переход *paṭi* «шаг» > *paṭi* «способ», «причина».

Синтактические значения суффикса *āl* следующие:

1) Действующее лицо при «страдательном залоге» или лицо являющееся причиной какого-нибудь события:

kaḻutai vaṇṇāṉ-āl aṭikka-(p) paṭṭatu.
осел прачкой был бит (терпел побои от прачки)
inta(t) tuṉpam ciṉēkitaṉ-āl vantatu
это несчастие от друга нам пришло;
kāl-naṭai naṭakka ummāl ākātu.
пешком ходить Вам- (и) нельзя.

2) Средство, способ, орудие, материал и т. п.

ivaṉai vañcaṉai-y-āl kolla vēṇṭum
этого обманом убить нужно.
kuṭiyāṉavaṉ taṭi-y-āl tiruṭaṉai aṭittāṉ
хозяин палкой вора бил.
ārriṉ karaiyilē maṇ-ṇ-āl cuṭṭa periyat'oru
на — реки — берегу из глины жженная (сделанная) большая
vikkirakam iruntatu. etiṉ-āl-ē-y-um piḻaiyāmal cettu(p) pōccutu.
фигура была. никаким способом не выживая умер.

Определение средства часто выражается также и при помощи глаг. существительного *koṇṭu* «взятие в прош. времени» или «взяв». Напр.:

kuṭiyāṉavaṉ taṭi(k) koṇṭu(t) tiruṭaṉai aṭittāṉ.
хозяин палку взяв (т. е. палкою) вора побил.

3) Причина действия:

nari ciṉēkatt-iṉ-āl oru māṉ valaiyil akappaṭṭatu.
из-за лисицы — любви (дружбы) одна лань в силки попала.
kōpatt-āl avaṉ taṉ tampiyai aṭittāṉ.
из гнева он своего младшего брата побил.

При помощи суффикса *āl* образуются слова, имеющие функции установить между двумя предложениями отношение причины

и следствия. Они переводятся: «поэтому», «вследствие этого», «итак».

Самыми употребительными из таких слов являются с одной стороны сочетания *atu* и *itu* с *āl: at-iṉ-āl, at-aṉ-āl, it-iṉ-āl, it-aṉ-āl,* с другой стороны сочетания существительных, образуемых от корня *ā* «делаться» с *āl: ā-tal-āl; ā-kai-y-āl.* Напр.:

itu nammatu conta kutiraiyē alla; at-iṉ-ālē tāṉ
«это наша собственная лошадь не есть; поэтому именно:
eppaṭi ākilum pōkaṭṭum eṉṟu iraṇṭu
каким-нибудь образом пусть идет», думая (они) вдвоем
pērāka ēṟiṉārkaḷ
(на нее) сели.
. . . it-aṉ-āl irāca-kumāraṉ kaṭivāḷattiṉāṟ(l) tirumpukiṟa
. . . Итак царевич уздою возвращаемой
kutirai pōṟ tirumpi, mantiri coṟpaṭi
лошади подобно вернувшись министра — слову — согласно
irācciyam paṇṇi(k) koṇṭiruntāṉ.
царствовал.
. . . ataṉ-āl kuṭikaḷum, avarkaḷāl aracaṉum paḷaṉ
При этих условиях и подданные и через них царь выгоду
aṭaivārkaḷ. anta naṉṟi aṟikiṟa kuṇam
получат. это добро — помнящее — качество (благодарность)
nammuṭaiya eccamāṉaṉiṭattil illai ātal-āl tiruṭarkaḷ
у нашего хозяина не есть, поэтому воры пускай
pukuntu tiruṭi koṇṭu pōkaṭṭum.
войдут, воруют, уносят.
inta catturuvai(t) tappittu(k) koṇṭu ōṭukiṟataṟku namakku
этого врага избегнув бежать чтобы, у меня
cakti illai, ākaiy-āl ivaṉ camīpattil pōka vēṇṭum.
силы нет, поэтому его — в близость итти нужно.

Путем присоединения *āl* к существительным действия образуемым при помощи комплексов формативов *k (kk)-iṟ-a-tu, t(tt, nt, iṉ)a-tu; ā-tu, ai(kkai, kai) ā-mai* и др. мы получаем определе-

ния причины, в виде расширенных существительных, соответствующие нашим причинным придаточным предложениям, присоединяемым к главным предложениям через «так как», «потому что» «ввиду того что» и т. д.

anta(k) kuṭittaṉakkāraṉ vaišṇavaṉ ākaiy-āl
того хозяина вишнуитом становлением (т. к. он был)
avaṉ marattil iruntu viḻuntu-koṇṭ-irukkaiyāl
его — с — дерева — падением (в прош. вр.) (т. к. он упал).
pōkkacattil tiraviyam illā-mai-y-āl; kuru
в казне денег — небытием (т. к. не было) Наставника
taḷarnta naṭaiyāy pōkiṟat-iṉ-āl
медленной — походкой — хождением (т. к. . . . . ходил).
nāṉ ceyyum vēlaiyai nī cey-tat-āl ippaṭi vantatu.
т. к. мною делаемую работу ты сделал так вышло.
kaṟavai cāyum vēḷaiyil varātat-iṉ-āl
ввиду коровы — вечерним временем неприхода (так как корова. . . не пришла).
ēri niṟaintat'-āka-v-um taṉṉīr teḷintat' āka-v-um
т. к. пруда — наполненное — состояние и воды — ясное состояние
iruntat-āl avaṉ maṇ — kutirai — niḻalai naṉṟāyk kaṇṭāṉ.
было он глиняной — лошади — отражение хорошо видел.

Для этой же цели употребляется и *paṭi-y-āl* или *paṭi-y-iṉ-āl* с относительным причастием *(participium relativum)* ср. § 50 и § 52.

iraṇṭu aṟaiyum naṉṟāka(p) paṭṭa-paṭiyāl «iṉi mēl
так как два удара хорошенько потерпел он, «отныне
ippaṭi(c) colla māṭṭēṉ» eṉṟāṉ.
так говорит не буду» сказал он.
itu teyvīkamāka neriṭṭa-paṭiyāl. . .
т. к. это по воле богов случилось. . .
metta(k) karukkal āṉa paṭi-y-iṉ-āl-ē. . .
т. к. очень темно стало.

viḻunta kuḻiyil cēṟ(u) irunta-paṭi-y-iṉ-āl. . .
т. к. в яме, в которую он упал грязь была.
avaikaḷai(k) kēṭṭu(k) kutiraikkāraṉ oru vitattukk-āvatu
т. к. те слова услышав владелец лошади ни с одним способом
cammatiyāta-paṭi-y-iṉ-āl «ulakam palavitam» eṉṟu colli(p) piṉpu
согласен не был, «мир разнообразен» сказав потом
taṉ maṉatiṉ paṭi naṭantāṉ.
своему уму согласно действовал.

4) Условия, при которых происходит действие: *(conditionalis)* Для передачи тех наших придаточных предложений, которые содержат условие, при котором происходит, или могло бы произойти действие — «если» «если бы», и т. п. — употребляется также суффикс *āl* присоединяемый к существительным действия а) с формативом *tu (ttu* и *ntu),* или б) к существительным действия совпадающим с основой, или же в) в некоторых случаях к существительным с формативом *ku.* Последние две категории сущ. действия часто не имеют самостоятельного значения и встречаются только в связи с синтактическими суффиксами *āl, il* и *iṉ.* Напр.:

ippaṭi ālōci-tt-āl ōr iraiyum namakku akappaṭātu
таким образом — рассуждением никакая пища нам не достанется.
т. е если мы будем рассуждать так, то никакая пища нам не достанется.
catturuvun taṉ vīṭṭukku va-nt-āl
при условии — даже — врага — в — их — дом — прихода —
cātukkaḷ avaṉukku cammāṉam paṇṇuvārkaḷ.
добрые люди ему почтение делают. Если даже враг приходит в их дом. . .
oru kācu mīṇai(t) tiṉṟa pūṉai
если на — одну — копейку — рыбу — съевшая кошка
nālu paṇattu(k) kōṭāliyai(t) tiṉṟu viṭṭāl nām eṉṉa ceyyal-ām?
4 — серебрянников — топор съест мы что сделать можем?

ayyā, eṉ paṟi niramp(a)-iṉ-āl karai ēruvēṉ.

отец, при условии сети — наполнения на берег вылезу я. (Если сеть наполнится...)

nī eṉakku utavi(c) ceyya vēṇṭum; illā viṭṭāl

ты мне помощь оказать должен; при условии отсутствия

nāṉ aḻivēṉ

(помощи) я погибну т. е. если не будет (не окажешь), или «иначе», «в противном случае».

nīṅkaḷ paṭṭaṇattukku pōṉāl vēlai kiṭaikkum.

Если бы вы в город пошли, работа нашлась бы.

piṟaku kolla takkat' āṉāl kollu.

Потом, если следует (меня) убить (потом, если убиение приличным делом станет), убей.

При помощи слова *āṉāl* присоединяемого в конце фразы, создается грамматическая конструкция вполне соответствующая нашему условному придаточному предложению с «если» и заменяющая вышеприведенные соединения *āl* с глагольными существительными:

Вместо *eṉ paṟi niramp-iṉ-āl* можно сказать: *eṉ paṟi nirampum āṉāl.* Это означает буквально: «Моя сеть наполнится; (этим) происшествием», т. е. «если произойдет наполнение сети» — «если сеть наполнится». Точно также:

nīr ūrukku pōvīr āṉāl «если бы вы в город пошли...»

nī itaic ceyvāy āṉāl, uṉakku nūṟu rūpāy(k) koṭuppēṉ

«если бы ты это сделал, я бы дал тебе 100 рупий».

āṉāl употребляется часто самостоятельно в смысле «но», «однако», «если так».

āṉāl nī ēṉ vantāy? nāṉ avaṉukku niramba paṇaṅ

Однако ты почему пришел? Я ему много денег

koṭuttēṉ; āṉāl avaṉ pōṭāt' eṉṟu coṉṉāṉ.

дал; но он «недостаточно» так сказал.

В связи с употреблением *āl* для обозначения условности необходимо отметить некоторые синтактические образования,

получаемые путем сочетания *eṉṟāl* «если сказать», «если спросить» (буквально «при условии сказания» «при вопросе») с вопросом, выражаемым при помощи суффикса *ō*, или же с разными вопросительными словами. Этим путем получается ряд подчеркнутых указательных выражений (ср. напр. русское «вот что» «вот почему» «вот как» вместо «это» «поэтому» «так»).

avaṉō-v-eṉṟāl uṭaṉē eḻuntu pōy-viṭṭāṉ.

«а он» если спросить, сейчас встав вышел. (Он же встал и вышел). См. § 45.

eṉṉa-v-eṉṟāl «если спросить: что» «вот что» «именно это».

itaṟku(k) kāraṇam eṉṉa-v-eṉṟāl atiti yāruṭaiya vīṭṭukku

этому причиной именно это: гость в чей дом

vantu mukam vāṭi(p) pōkiṟāṉō, avaṉ taṉ pāvattai a-v-vīṭṭ'(u)

пришедши недовольным уходит, тот (гость) свой грех того дома

ecamāṉaṉukku koṭuttu, ivaṉ puṇṇiyattai(k) kai(k) koṇṭu pōkiṟāṉ.

хозяину передав его(хозяина) добрые дела схватив уходит.

ēṉ-eṉṟāl «если спросить: почему» «вот почему» «ибо».

tušṭarkaḷ vārttaiyil nampikkai vaikkal ākātu; ēṉ eṉṟāl, evaṉ

злодеев слову верить нельзя, ибо чей

cupāvam eppaṭiy-ō, atu eppōtum pōkātu.

нрав каков тот (нрав) никогда не уйдет.

eppaṭi eṉṟāl «если спросить: как» «вот как» «этак».

cāstiramum ippaṭiyē irukkiṟatu; eppaṭi eṉṟāl ēḻaikkē koṭukka

Нравоучение так гласит; а вот как: нищему давать

vēṇṭum.

надо.

5) Присоединение слова *um* «и» «даже» к *āl* придает определению причины, средства и условия оттенок концессивный (уступки, ограничения). Так напр.:

vañcaṉai-y-āl-um avaṉai(p) piṭittu(p) paṟṟa muṭiyātu.

Обманом даже его изловить нельзя.

inta(p) peṭṭai nerupp-iṉ-āl-um aḻi-y-a māṭṭātu.

Этот ящик от огня даже не погибнет.

Если присоединить *āl-um* к существительным действия, то получаются сочетания выражающие то-же самое, что наши придаточные (концессивные) предложения, начинающиеся с «если даже» «хотя» «несмотря на то что» и т. п.

nī eṉakku āyiram rūpāy(k) koṭuttālum nāṉ inta vēlai(c)ceyya
ты мне тысячу рупий дал—хотя-бы, я эту работу
māṭṭēṉ. avaṉ eṉṉa(c) camātāṉaṅ coṉṉālum, eṉ pāṉaiyē
не сделаю. он какое бы возмещение ни предложил, «мой горшок
eṉakku vēṇṭum eṉṟu nī piriyātu paṇṇi(k) koḷ.
мне нужен» сказав ты жалобу сделай.

Такой же результат достигается, если прибавить *um* к *ā-ṉ-āl* (см. выше).

Nī kumpiṭṭu kuruvukku paṇaṅ koṭuppāy āṉālum avaṟ
Хоть с земным поклоном наставнику деньги дай, он
itucceyya māṭṭār.
этого не сделает.

Отсюда объясняеття и употребление *āṉālum* для обобщения (см. § 47) и *āṉālum-āṉālum* «или — или».

ataṟku vilai-y-āṉālum patil-āka yāṉai-y-āṉālum uṉakku koṭuppēṉ.
за него цену — или взамен слона — или тебе дам.

āṉālum, точно также как *āṉāl,* часто означает «но» «однако» «все-таки».

§ 54. Уточнение представления при помощи определения сопровождающих лиц, предметов, обстоятельств.

То синтактическое понятие, которое мы передаем при помощи предлогов вроде «с» «вместе с» «одновременно с» выражается в тамильском языке посредством синтактических суффиксов *ōṭu (oṭu)* и *uṭaṉ.*[1]

[1] *oṭu-ōṭu* обыкновенно (в частности Калдвель Comp. Gram. 278) сопоставляют с корнем *oṭ* «соприкасаться» (ср. *oṭṭu* «приклеивать, прилеплять». Другое слово *uṭaṉ,* которое произносится обыкновенно *oṭaṉ* и в языке

Из этих двух существительных-суффиксов *ōṭu* употребляется в разговорном языке и в прозе чаще, чем *uṭaṉ,* которое зато часто встречается в высоком прозаическом стиле и в поэзии. Оба слова соединяются с существительными точно также как *āl,* т. е. или непосредственно, с основной и аттрибутивной формой, или посредством аттрибутивного суффикса *iṉ.* Примеры.:

avaṉ-ōṭu	с ним	*avaḷ-ōṭu*	с ней
ciṅkatt-ōṭu	со львом	*māṭṭ-ōṭu*	с быком
eṉ-ṉ-ōṭu	со мною	*uṉ-ṉ-uṭaṉ*	с тобою
nam-m-uṭaṉ	с нами	*um-m-uṭaṉ*	с Вами
eṅkaḷ-iṉ-ōṭu	с нами	*uṅkaḷ-iṉ-uṭaṉ*	с вами
tāy-y-iṉ-ōṭu	с матерью	*takappaṉ-uṭaṉ*	с отцом
kōpatt-iṉ-ōṭu	с гневом	*avaṉ-iṉ-ōṭu*	с ними
avar-ōṭu	с ними	*avar-kaḷ-ōṭu*	с ними
paṇatt-uṭaṉ	с деньгами	*taṅkaḷ-ōṭu*	с собою
taṉ-ṉ-ōṭu	с собою	*aṇṇaṉ-iṉ-ōṭu*	с братом (старшим)
tam-m-uṭaṉ	с собою	*eṉ-ṉ-iṉ-ōṭu*	со мною.

В значении «с» *ōṭu (uṭaṉ)* часто соединяется с существительным действия *kūṭ-a* «соединяться», получившим значение наречия, «вместе» (см. § 15).

inta(c) campukaṉ eṉ-ṉ-uṭaṉē ciṉēkitt' iruppāṉ eṉkirāṉ.
«этот шакал со мной дружиться будет» говорит.
appāṭā, appāṭā, oruvaṉ ārṟōṭē pōṉāṉē.
ой батюшки, ой батюшки! один с рекой ушел (т. е. утонул).

Kaṉṉaṭa даже пишется *oḍaṉe,* является также как *oṭ-u* — *ōṭ-u* существительным действия образованным от корня *oṭ.* В то время как *oṭu* — *ōṭu* самостоятельно не встречаются, *uṭaṉ* употребляется в там. поэзии со сущ. значением «соединение», употребляется в прозе как прилагательное «совместный» и очень часто как наречие «немедленно», «непосредственно», «сейчас» и т. п. *avaṉ uṭaṉ-ē varuvāṉ* «он сейчас придет». Телугу имеет *tōḍu* вместо *ōṭu,* что связывает этот послелог (существительное) с корнем *toṭ* «соприкасаться» (ср. § 13). Относительно возможной связи между корнями *toṭ* и *oṭ* ср. Caldwell op. cit. 278/79.

paramārta kuru tam cīšarkaḷ-ōṭu kūṭa ūrukk'
Парамарта наставник со своими учениками вместе из
ūr pōy . . .
деревни в деревню шел.

ācai-y-ōṭē avaṉ at' eppaṭi eṉṟu kēṭṭāṉ.
с вожделением он: «это как» так спросил.

nāṉ muṟai-y-ōṭu ellā anuštāṉaṅkaḷaiyum muṭikka
я подряд (с порядком) все религиозные обряды совершить
vēṇṭum.
должен.

Довольно редко соединяется *ōṭu* или *uṭaṉ* с существительным действия для образования синтактических конструкций, соответствующих нашим придаточным предложениям времени, начинающимся с «пока» «в то время как» «как только».

Зато часто встречается соединение *uṭaṉ(ē)* с относительным причастием *(participium relativum)* со значением «как только», напр.:

avarkaḷ vīṭṭukku(c) tirumpi ceṉṟa v- uṭaṉ-ē
они — домой — вернувшись — пришли — как — только,
kāl — kai(k) kaḷuviṉārkaḷ.
ноги — руки мыли.

avaṉ inta(p) poy(c) coṉṉa — v — uṭaṉē nāṉ itu aṉiyāyam
он — эту — ложь — сказал — как только, я «это стыдно»
eṉṟu coṉṉēṉ.
так сказал.

kuru upatēcittu āṉa uṭaṉē cīšaṉai(k)
наставник, учение — сделалось — как — только, ученика
kēṭṭār.
спросил. (Как только наставник закончил учение, он спросил ученика). Вместо *uṭaṉ(ē)* иногда встречается скр. *māttiram* (букв. мера, только) *itu kaṇṭa māttiram* «как только он это увидел». Для выражения сопровождающих во времени обстоятельств

употребляются кроме того целый ряд существительных выражающих время, о чем см. следующий §.

§ 55. Уточнение представления при помощи определения места и времени действия.

Благодаря разнообразию оттенков понятий места и времени язык обычно обладает целым арсеналом слов для выражения этих оттенков (ср. по-русски — «в, на, под, над, перед, позади, после, близ, от, с, до» и т. д.). С другой стороны в тамильском языке одни и те-же слова служат для оттенения понятия времени и места, что позволяет нам объединить эти два понятия.

Наиболее общим по смыслу суффиксом является существительное «дом» «место». Благодаря своей неопределенности и неоттененности он является «местным суффиксом» в общем смысле. Он также употребляется для определения времени, в течении которого происходит действие.[1] *il* присоединяется точно также как *āl* к аттрибутивным формам, где таковые существуют или же к аттрибутивному суффиксу *iṉ*

at-il	в нем	*eṉ-ṉ-il*	во мне
peṭṭi-y-il	в ящике	*eṅkaḷ-il*	среди нас
kāt-il	в ухе	*uṉ-ṉ-il*	в тебе
maṇ-ṇ-il	на земле	*tam-m-il*	в себе
maratt-il	на дереве	*vīṭṭ-iṉ-il*	в доме
ārr-il	в реке	*arr-iṉ-il*	в реке.

Он выражает место, где происходит действие, равно как направление, куда и откуда идет то или иное движение. Главные оттенки слова *il* иллюстрируются следующими примерами:

а) Место.

inta aṟai-y-il oru mēcaiyum āṟu nāṟkāliyum uṇṭu.
в этой комнате один стол и шесть стульев есть.

---

[1] Об этимологии суффиксов-послелогов служащих для определения места и времени не придется отдельно говорить, так как она вытекает из основного существительного значения этих слов.

avaṉ paratēcattiṟ(l) pōy cāstiraṅkaḷai(p) paṭikkiṟāṉ.
он заграницу поехав в науку изучает.
puṟākkaḷ ellām valai-y-il akappaṭṭaṉa.
голуби все в сеть попали.
anta vaḻiyil vantāṉ.
он по той дороге пришел.
piṉpu avaṉ atukaḷai taṉ vīṭṭilē koṇṭu pōy vaitt' iruntāṉ.
потом он их в свой дом унес и там спрятал.
kaṇṭaki nati tīrattil irukkum cittira —
в — на — Кантаки — реки — берегу находящемся пестром —
vaṉattil nāṉ avaṉ kaiyil paṇam vāṅkiṉēṉ.
лесу... я из его руки деньги взял.
inta kāppil ācai vaikkal ākātu.
к этому браслету желание иметь нельзя.
avarkaḷ taṅkaḷ ākārattil koñcaṅ — koñcam nerukki
они из своего корма немного — немного откладывая
avaṉukku(k) koṭuttārkaḷ. ivarkaḷil oruvaṉ coṉṉat' āvatu.
ему давали. из (среди) них один человек сказал

б) Время.

oru nāḷ irav-il nalla karukkal-ilē āṟu pēr tiruṭar...
в один день ночью в густой темноте шесть лиц воров
vantārkaḷ.
пришло.
oruvaṉ taṉ maraṇa — kālatt-ilē patiṉ-āyiram
один человек в — своей — смерти — время 10.000
varākaṉkaḷaiyum oru cāvakāri kai-y-il koṭuttāṉ.
золотых в — одного — банкира — руку дал.
oru nāḷ viṭiyaṟ — kālatt-il. eṉ nāḷ-il-ē naṭantatu(k)
однажды в утра — время. в мое время (в мой день) случившееся
kēṭka. kaṭaicci-y-il-ē.
слушайте (слушать). наконец.
patariṉa milēccattaṉatt-il. . . . . aṟiya-v-illai.
по врожденной глупости они не знали.

При помощи присоединения слова *il* к существительным действия — в частности с формативами *ai, kai, kkai* и т. под. — образуются определения времени соответствующие нашим придаточным предложениям времени с союзом «когда».

Kōtāvari(k) karaiyil irukkiṟa oru periya
в — на — Котавари — берегу — стоящем — одном большом
vaṉṉi — marattil lakupataṉaṉ eṉṉuṅ kākam iruntu
Ванни — дереве Лакупатанан называемый — ворон — нахо-
koṇṭirukkaiyil, oru nāḷ...
ждение — пребывания — во время однажды... (Однажды, когда... жил на дереве стоящем на берегу К.).
avar oru nāḷ naṭu āṟṟil iṟaṅki
они — однажды — в середине — реки — пустившись —
varukai-y-il aṅkē kuḷi-pāṭṭiṉārkaḷ
прихода — во время там выкупались. (Когда они однажды в середину реки пустились, они там...)
oru nāy naṭu āṟṟilē nīnti(p) pōkai-
одна — собака — в — середине — реки — поплыв — хожде-
y-il.
ния — во время. (Когда одна собака однажды в середине реки плыла...)

От определения времени близко к определению условности. И мы встречаем, правда сравнительно не очень часто, суффикс-послелог *il* с функцией свойственной обычно суффиксу *āl*. При этом *il* прибавляется обыкновенно или к основе (корню) или к формативам *ku, kku*.

Характерно сочетание *ēn eṉ-ṉ-il* употребляющееся в смысле «ибо» (буквально «почему — когда сказать», ср. *ēṉ ēṉṟāl*).

poy(c) collal ākātu; ēṉeṉṉil poyccollukiṟavaṉ kaḷḷanai(p)
ложь говорить нельзя; ибо лгун разбойнику
pōlē irukkiṟāṉ.
подобен.

К таким сочетаниям с суфф. *il* может быть прибавлен суффикс *um*, что придает всей конструкции концессивное значение «хотя» «даже когда». *itaip pār-kk-il-um* «даже когда смотреть на это». Ср. § 56 о сравнении. От корня *ā* образуется наряду с *āṉālum* и *ākilum* «но, однако».

aintu poṉ pōṉatu uḷḷatu tāṉē; ākilum atu
что пять золотых ушло — правда действительно, но что
pōṉatu tāviḷai.
они ушли, даже лучше.

ākilum также употребляется для выражения обобщения: *ēt' ākilum* «что бы то ни было». *eṅk' ākilum* «где бы то ни было» и т. д. (см. § 47).

Кроме суффикса *il* тамильский язык употребляет еще другой способ для определения времени действия, а именно существительные означающие «время» — *kālam, nēram, vēḷai, nāḷ, camayam* и др. или с суффиксом *il* или же без него, причем эти слова в свою очередь определяются относительными причастиями *(participium relativum)*. Напр.:

eṉ takkapaṉ ceṉṉaippaṭṭaṇattil vacikkuṅ
в — моего — отца — в — Мадрасе — жительства —
kālattil nān...
время я, т. е. когда мой отец жил в Мадрасе, я...

kuḻiyilē viḻuntu kiṭanta camayattil oruttaṉukkum
в — в — яму — падения — лежания время никому
muṉ colli-y-irunta purōkitattiṉ mēlē ñāpakam-illātē
относительно раньше сказанного пророчества воспоминания
pōccutu.
не было. В то время, как он упал в яму и лежал...

nāṉ piṟanta nāḷ ippaṭipaṭṭa aticayaṅkaḷai kāṇa villai
с тех пор как я родился я таких чудес не видал
kiḻavaṉ cettu(p) pōṉa nērattil avaṉ makkaḷ kallaṟaic ceytu...
в то время как старик умер его сыновья могилу сделав...

avaṉ pōṉa aṭi-y-il-ē ceṭṭi vantu.
сразу после того как он ушел, купец пришел.
(*aṭi-y-il-e* от *aṭi* «удар» «раз»).

Чаще всего употребляется слово *poḻutu* или *pōtu* «время», которое однако не соединяется с суффиксом *il*.

avaṉ iṟantu pōkiṟa poḻutu
в его умереть — хождения время (когда он умирал).
nāṉ vīṭṭukku vanta pōtu aṅkē oruvaṉum kiṭaikka-v-illai.
когда я домой пришел там никого не было.
irāja kumāraṉ payaṉ-illāta kāriyaṅkaḷil
когда царевич на пользы — не — имеющие дела
celavu(c) ceyya virumpiya(p) pōtu
расход сделать хотел...
inta ālōcaṉai naṭakkum pōtu.
это обсуждение происходило — когда (пока).

Ввиду того, что понятие места выражается суффиксом *il* в общем смысле, включая туда и направление «куда» и «откуда», то для более точных указаний требуются добавочные грамматические способы выражения. Это делается, согласно агглутинативному духу тамильского языка прежде всего при помощи нагромождения суффиксов. Напр.: *vīṭṭ-il* значит, как мы видели «в доме» или «в дом». Если я хочу безошибочно указать, что я иду в дом, я прибавляю суффикс *ku*, который может, как мы уже видели, выразить направление.

vēṭarkaḷ kāṭṭiṟku pōy... (из *kāṭṭ-il-ku*)
охотники в лес пошли...

Чтобы уточнить понятие «откуда» современный тамильский язык пользуется сочетанием *il* с существительным действия *iruntu* √*ir* или *niṉṟu* √*nil*. Первое значит «сидение», «нахождение в пр. вр.» или «посидев», «находившись»; второе «стояние в прош. времени» или «постояв». Напр.: мысль: «я пришел из леса» тамил выражает так: «я в лесу побыв пришел» (или бук-

вально: мое — леса — место — нахождение в прош. вр.-приход). Перед начальным *n* слова *ninru* конечное *l* слова *il* превращается согласно изложенным в § 10,62 правилам в *n* и ассимилирует начальное *n*, причем в конечном счете одно из этих двух *n* исчезает: *kāṭṭil ninru* > *kāṭṭin ninru* > *kāṭṭi(n)ninru* «из леса».

Avan marattil-iruntu kīle viluntān.
он на дереве посидев (с дерева) вниз упал.
Kuru-v-ānavar māṭṭinin ru viluvār enru...
Наставник с быка (на быке посидев) упадет подумав...
Nān aṅk' iruntu ōṭi vant' iruntēn.
я оттуда бежав пришел, т. е. сбежал
ponnum velliyum mutaliyavaikalai peṭṭiyiliruntu eṭuttu
золото и серебро и т. д. из ящика. взяв
koṇṭu pōy...
унес...

Уточнение понятия места и времени достигается кроме того при помощи целого ряда существительных, употребляемых как синтактические суффиксы. Эти слова сами употребляются или в основном виде, или в аттрибутивной форме, или же к ним присоединяется для подчеркивания понятия места суффикс *il*. Присоединяются они к существительным по разному — некоторые к основной форме или к аттрибутивной форме или к аттрибутивному суффиксу *in*, некоторые к суффиксу *ku*.

а) *iṭam* «место». Соответствует нашему предлогу «у» «к» «при»:

mariyātai irāman-iṭattil pōy(p) piriyātu(p)
к справедливому Раме отправившись жалобу
paṇṇinān
он сделал.
avan tan-n-iṭattil irunta paṇam ellām ēlaikku(k) koṭuttān
он у него находящиеся деньги все бедноте отдал.
oru tulukkan-iṭattil oru velḷāḷan yānai iravalāka
у одного мусульманина один крестьянин слона на прокат

vāṅki(k) koṇṭuvantān.
взял.
nān un tāy-y-iṭattil it' ellām connēn
я (при) твоей матери это все сказал.
marrai(p) paṭcikaḷ tan-n-iṭattil irakkam vaittu...
другие птицы по отношению к нему сострадание имели...

С оттенением направления — *il + ku:*

avarkaḷ nītikāran-iṭatt-ir(il)-ku pōy piriyātai ceytārkaḷ.
они к судье пошедши жалобу предъявили.
en-n-iṭam onru paṇamum illai.
у меня никаких денег нет.
kaṇ-ṇ-iṭattu alaku
у (в) глаза (сущая) красота, т. е. глазу свойственная красота.
avan — iṭattu-kku pōy nī enna ceytāy?
к нему пошедши ты что сделал?

iṭam служит также для выражения времени действия. При его помощи и в соединении с относительным причастием *(participium relativum)* образуются синтактические конструкции соответствующие нашим придаточным предложениям с «когда» и пр.

iraṇṭu pēr mūṭarkaḷ oru ālayattilē civa — taricaṇam
два лица — дурака в одном храме Шиве — молитву
paṇṇa (p) pōna iṭattil. pinpu akkaraikku(c) cenraviṭattil...
сделать пошли — когда. потом на тот берег пришли — когда.
eṇṇina-v-iṭattil aivar māttiraṅ kaṇṭatināl...
сосчитали — когда, пять человек только видения — вследствие
apayamiṭṭār
завопили они (так как они, когда сосчитали, видели только пять человек, они завопили).

Иногда и это сочетание употребляется с оттенком условности и — с суффиксом *um* — концессивности.

tēṭina-v-iṭattil-um karavai(p) pacu akappaṭa-v-illai
хотя они искали корова не нашлась

б) Оттенок близости, выражаемый нашими предлогами «около», «вблизи от», «недалеко от», передается суффиксальными словами: *aṇṭai*, *camīpam*, *aruku*, *kiṭṭa*. К первым трем из этих слов часто прибавляется *il*.

uṉ-ṉ-aṇṭai-y-il irukkiṟavaṉ ār?
тебя — возле находящийся кто?
ivaṉ camīpatt-il pōka vēṇṭum.
к нему близко итти нужно.
āṉāl maraṇattukku iṭam ākiya puliyiṉ kiṭṭa(p)
однако к смерти — местом — являющемуся тигру близко
pōkal ākātu.
подойти нельзя.
aṭupp — aruk-ilē nāṉ cākiṟat' allō? ataṉ arukē pōkātē.
плиты — около я умираю, не так-ли? к нему близко не иди.[1]

в) *mēl* соответствует нашему «на» «над» «в добавок к» «после»; оно присоединяется к простой и аттрибутивной форме, к *iṉ* и *ku*:

Место:

kāy kīḻē kottu(k) kottāy(p) paṭarnta ciṟu ceṭi mēlē
плод вниз с треском на раскидистый низкий куст
vicai — paṭa viḻuntu takarntu uṭaintatu.
кусками упав вдребезги разбился.
mīḷavum māṭṭiṉ mēl ēṟināṉ. nāṉ coṉṉataṟku mēlē nī ceytāy.
опять на быка он сел. больше чем я сказал ты сделал.

Время:

aṅkē pōṉatiṉ mēlē nī eṉṉa ceyvāy?
туда — хождения — после ты что будешь делать. После того, как ты пойдешь туда.....

---

[1] Самостоятельное значение этих слов: *aṇṭai* «близость» *camīpam* скр. слово «близость, соседство» *aruku* «близость» *kiṭṭa* от *kiṭṭu* «быть близко», «близко» (как наречие, ср. § 15).

iṉi-mēl pañcāram ākiṟa-pōtu at-iṉ mēl yār iruk-
Потом, когда он взрослым будет, на нем кто си-
ka(p) pōkiṟār? pattu maṇikku mēl vā
деть будет? после десяти часов приди.

г) *kīḻ* «под», «под начальством», «под властью»

piṟaku poḻutu pōṉa-v-uṭaṉē iraṇṭum caṉpaka marattiṉ
потом как только время прошло оба, Чанпака дерево—
kīḻe vantaṉa. ataṉ kīḻ eṉṉa irukkiṟatu?
под пришли. под этим что находится.
atikāraṉ(iṉ) kīḻē pattu p pēr irukkiṟārkaḷ
под надзирателя начальством 10 человек находятся.
avarkaḷ ellārum tušṭaṉ kaiyiṉ kīḻ iruntārkaḷ
они все под злого человека властью (рукою) находились.[1]

д) *piṉ, piṟ-aku, piṟ-pāṭu piṉ-pu* «позади», «после».

Это слово употребляется со значением места и времени. Он следует за простой или аттрибутивной формой существительного или же за суффиксом *iṉ*.[2]

eṉ vīṭṭiṉ piṟakē periya(t) tōṭṭam irukkiṟatu.
моего — дом — позади большой сад находится.
nī matil piṉṉē ēṉ maṟaintu nillukiṟāy?
ты стеной — за почему спрятавшись стоишь?
atiṉ piṟpāṭu nī eṉṉa(c) ceyya(p) pōkiṟāy?
этого — после ты что делать собираешься?
pul(l) ellām tiṉṟatiṉ piṉpu kutirai taṉ ilāyattukku
траву — всю — съедения — после лошадь в конюшню
tirumpi(p) pōyiṟṟu.
назад пошла, т. е. после того, как лошадь съела всю траву,.....

---

[1] *mēl* как существительное значит «небо», «верх»; *kīḻ* «дно», «основа».

[2] *piṉ* был первоначально существительным; это уже явствует из того, что к нему прибавляются некоторые синтактические суффиксы. Например *piṉ-ṉ-āl-ē*. Основное значение: «задняя сторона», «конец».

Обычно *piṉ* и вышеуказанные его разновидности употребляются для обозначения времени в соединении с относительным причастием *(participium relativum)*, точно также как уже упомянутые существительные времени *poḻutu* и др. Напр.:

avarkaḷ maṭattukku ceṉṟa piṟaku
они в обитель пришли — после — того — как . . . . . .
ippaṭi(p) pēci(k) koṇṭu veku tūram
таким образом продолжительно разговаривая далеко
naṭanta piṉpu
пошли — после — того — как . . . . . .
veku nēram pōṉa piṟpāṭu kuru
много времени прошло — после — того — как, наставник
tāṉē coṉṉāṉ
сам сказал.

е) *muṉ(ṉē)* «перед» в смысле места и времени.[1]
Обычно *muṉ* присоединяется к суффиксу *ku*. Напр.:

inta vikkirakattukku muṉṉe nillukiṟatu eṉṉa?
Этим изображением — перед стоящее что?
ataṟku muṉṉe āintu nāṭkaḷukku muṉṉē.
Перед этим. пять дней тому назад.
nīr iṅkē varukiṟatukku muṉ nāṅkaḷ ummai(k)
Перед тем как Вы сюда пришли мы про Вас
kuṟittu ālōcaṉai(c) ceytōm
суждение имели.

Часто *muṉ* соединяется для выражения времени действия, с относительным причастием *(participium relativum)*. Напр.:

ecamāṉaṉ uṉakku(k) paṇam koṭukkum muṉṉē nī vēlai(c)
хозяина- тебе- денег давания — раньше ты работу

[1] *muṉ* так же как *piṉ* существительное со значением «начало», «древность». Оно стоит в связи с корнем *mut* (в *mut-al* начало). К нему присоединяются синтактические суффиксы: *muṉ-ṉ-ukku; muṉ-ṉ-āl.*

ceyya toṭaṅkātē
делать не начинай.
avaṉ cākum muṉṉe taṉ makaṉai aḷaippittāṉ
он умирания — раньше своего сына призвал.

ж) Понятие «до» выражается рядом существительных обозначающих, в соединении с сущ. действия и с относительными причастиями, «пока» «до тех пор пока» и т. п. Эти существительные следующие:

1) *maṭṭum, maṭṭil* от *maṭṭu* «мера» «количество».
a-m-maṭṭu, ammaṭṭum столько, столь далеко.
e-m-maṭṭu, emmaṭṭum сколько?
avaṉ varum maṭṭum iṅkē kātt' iruṅkaḷ
пока он не придет, здесь подождите.

2) *varai-kku-m* или *varai-y-il* от *varai* «предел»
atu varaiyiṟ(l) pō. nāḷ-atu varaikkum.
до того места иди. до настоящего времени.
anta camācarattai vaṇṇāṉ irājā varaikkun teriya-(p)
то событие прачка царя — вплоть — до известным
paṭuttiṉāṉ.
сделал.
mantiri uṉakku pōkum paṭiyāka uttaravu koṭukkum
министр тебе чтобы итти приказ (не) даст —
varaikkum nī aramaṉaiyilē taṅka vēṇṭum
пока, ты во дворце остаться должен.

3) *aḷavum* или *aḷavil* или *aḷaviṟ-ku* от *aḷavu* «мера» «степень» «до», «вплоть до», «согласно».
mēka — maṇṭalam aḷavum ēṟiṉāṉ.
облаков — пространства — до он поднялся.
eṉ-ṉ-aḷavil. ippaṭi naṭantatu irājā aḷaviṟk(u) ēṟiṟṟu.
что до меня. так случившееся вплоть до царя дошло.
anta iṭayaṉ piracaṅkam muṭiyum aḷavum appaṭiyē
тот пастух, декламация — закончилось — до так

ninṟu- koṇṭ-iruntāṉ. avaṉ iṇke varum aḷavil pōkātē.
стоял (пока не закончилась). Пока он не придет сюда, не уходи.

4) *pariyantam* скр. «предел», «граница»: «до»

hīmālayamalaikaḷ(iṉ) pariyantam paṭaiyōṭu(p)pōṉāṉ.
вплоть до гималайских гор с армией пошел он.
avaṉ vantappariyantam ellārum vīṭṭilē niṉṟārkaḷ
пока он не пришел, все в доме остались.

з) Понятие «в» «внутри» выражается словами *uḷ (uḷḷē)* или (редко в прозе) *akam*. И то и другое слово — существительные означающие «внутренняя сторона» «сердце» «душа». В соединении с существительным действия *uḷ* соответствует нашему «пока, в то время как».

uḷ (ḷē) присоединяется или непосредственно к существительному (в современном разговорном языке редко) или же к суффиксу *ku*.

taṉ kaṭṭāriyai anta uṟai-kk-uḷḷē pōṭṭu;
свой кинжал в эти ножны (внутри) вставив.
ataṟkuḷḷē avaṉ...
Между тем он...
itu naṭakkiṟataṟkuḷḷē avarkaḷ veku tūram pōṉārkaḷ.
в то время как это происходило, они уже очень далеко ушли.

и) *puṟam* буквально «сторона» «внешняя сторона» означает «вне» «снаружи».

avaṉ katavin puṟattil niṉṟu-k-koṇṭirukkaiyil.....
он снаружи двери когда стоял.

Синтактические отношении места и времени, а также и косвенное дополнение выражаются в более древнем — поэтическом — языке часто просто аттрибутивными формами: *avaṉ marattu niṉṟāṉ* «он стоял на дереве». Современный разговорный язык стремится к большей точности и употребляет поэтому синтактические суффиксы.

§ 56. Уточнение представления при помощи сравнения.

При сравнении двух или больше объектов указывается: 1) на то, что они одинаковы или равноценны, 2) что они не равны по количеству, качеству и ценности, 3) что один из них в ту или иную сторону превосходит все остальные. Этим трем типам сравнения соответствуют в индоевропейских языках три степени сравнения: положительная, сравнительная и превосходная. В тамильском языке формально степеней сравнения совершенно нет, и поэтому приходится прибегать к разным синтактическим конструкциям, которые по смыслу соответствуют разным оттенкам сравнения.

I. Сравнение одинаковых объектов:

а) При помощи *pōl*, *(pōlē)*, «сходство» «походить на». Оно означает: «как» «подобно тому как». Наряду с *pōl* употребляется также существительное *pōl-a* приобревшее значение наречия (см. § 15). Эти слова соединяются: 1) с основной формой существительного, 2) с суффиксом *ai*, 3) с суффиксом *āl*. В последнем случае он переводится: «как будто»:

aṅkē yemaṉai(p)pōla payaṅkāraṉāy oru vēṭaṉ
туда как бог смерти страшным — ставший один охотник
vantāṉ
пришел.
oru māṉ valaiyil akapaṭṭatu pōlē uṉṉāl eṉakku
одна лань в сеть попала — подобно, (так и) от тебя мне
pōllāṅku nēriṭum
несчастие случится (как одна лань в сеть попала, так.....)
inta vīṭu anta vīṭṭai pōlē(p)periyatu
этот дом как тот дом велик (той же величины как...)
taṉṉil coṉṉāṟ(l) pōlē(c) coṉṉāl.
про себя говорила — как — будто, она сказала (она сказала, как бы про себя).

б) При помощи *cari*. Это — санскритское заимствование означающее собственно «тождество», «равность».

inta(t) tokaiyum anta(t) tokaiyuñ cari.

этой суммы и той суммы тождество (эта сумма равна той, так же велика как та).

uṉ celavu eṉ celavukku cari

твой расход моему расходу равен(ство)

nāṉ cettāluñ cari

и при условии моего умирания равенство,

nāṉ piḻaittāluñ cari

и при условии моего выживания равенство, т. е. все равно, умру-ли я или выживу.

в) При помощи *paṭi*. Это слово, как мы уже видели, играет немалую роль в синтаксисе там. языка. От основного значения «шаг», «ступень» развивается значение «согласование» «согласно». Напр.:

avaṉ coṟ- paṭi nāṅkaḷ itu(c) ceytōm

его слова согласно мы это сделали.

kuḷa — vaḻakkattiṉ paṭi avaṉ nūṟu pirāmaṇarkaḷukku

касты — обычаю — согласно он сотне браманов

acaṉam pōṭṭāṉ

пищу дал.

avaṉ munnāle niṉṟa paṭi niṟkaṭṭum

он раньше стоял — как, пусть стоит.

II. Сравнение двух неравных объектов или групп объектов.

Это достигается разными путями, которые лучше всего иллюстрируются примерами: фраза «мой дом больше этого дома» передается:

а) *inta vīṭṭukku eṉ vīṭu periyatu* (§ 52)

(по отношению) к этому дому мой дом велик

б) *inta vīṭṭukku eṉ vīṭu atika-periyatu* (§ 52)

(по отношению) к этому дому мой дом чересчур велик.

в) *inta vīṭṭil eṉ vīṭu periyatu* (§ 55)

при этом доме мой дом велик

г) *inta vīṭṭilum eṉ vīṭu periyatu* (§ 46 и 55)

даже при этом доме мой дом велик

д) *inta vīṭu pārkkilum eṉ vīṭu periyatu* (§ 55)

даже при этого дома рассматривании мой дом велик

е) *inta vīṭu kāṭṭilum eṉ vīṭu periyatu* (§ 55)

даже при этого дома показывании мой дом велик

ж) *inta vīṭṭai(p) pārkka eṉ vīṭu periyatu* (§ 48)

этого дома рассматривание — мой дом велик

з) *inta vīṭṭai viṭa eṉ vīṭu periyatu* (§ 48)

этого дома оставление (в стороне) мой дом велик

Слово *atika* скр. происхождения и означает чрезмерность и превосходство. Все эти формы встречаются в разговорной речи.

III. Выражение превосходной степени.

Это достигается обычно указанием на то, что данный объект обладает известным качеством даже при наличии всех других подобных объектов, (ср. русское «всем городам город»).

Так напр. фраза: «Это самый большой дом в этом городе» передается:

inta ūrilē irukkiṟa vīṭukaḷ ellāvaṟṟilum (ellāttilum) inta vīṭu periyatu, что означает буквально

«Даже среди всех в этом городе находящихся домов этот дом велик» (ср. выше II г)

inta ūrile irukkiṟa vīṭukaḷ ellāvaṟṟiṟkum (ellāttukkum) inta vīṭu periyatu.

«Даже по отношению ко всем... домам этот дом велик» (ср. выше II а).

§ 57. Примеры современного прозаического стиля.

Нижеприведенные отрывки тамильских текстов преследуют двойную цель: 1) они дают, правда далеко не полное, предста-

вление о разных стилях современного разговорного языка, вернее, тех литературных жанров, которые ближе всего стоят к разговорному языку. 2) При помощи этого материала дается читателю этой грамматики возможность повторить анализированные в грамматике явления в огранической связи друг с другом, и таким образом усвоить их наиболее живым и легким способом. Для этой цели каждое грамматическое явление, встречающееся в тексте, отмечается номером того параграфа, в котором оно разбирается. Изучающему тамильский язык по этой грамматике рекомендуется при чтении и анализе предлагаемых здесь отрывков почаще пользоваться этими ссылками на §§ грамматики.

Для характеристики стилей привлечены отрывки из следующих сочинений: 1) Из сборника земледельческих пословиц и поговорок, изданного Отделом Земледелия правительства Мадрасской провинции. Эти пословицы, которыми индийский крестьянин, точно так же как крестьяне всех стран, любит пресыпать свою речь, могут служить образцом сжатого способа выражения. Этот способ характеризует не только изречения народной мудрости, но и является отличительной чертой поэтической литературы. 2) Следующие два отрывка взяты из сборника народных рассказов «*Katāmañjari*. Многие из этих рассказов вошли в изданный U. Pope'ом. «A Tamil Prose Reading book» 1859, и Handbook vol., II. Они передают народный повествовательный стиль и содержат много материала для изучения живой разговорной речи. 3) Для характеристики несколько более сложного, но все же вполне обычного, повествовательного стиля дается отрывок из популярного юмористического рассказа *Paramārṭa Kuru* изданного впервые в начале XVIII ст. иезуитским миссионером Бесхи, известным также как автор первой научной тамильской грамматики. Первые три отрывка представляют собой образцы самобытного и сравнительно чистого тамильского языка, т. е. языка тех слоев народа, которые не соприкасаются непосредственно с санскритским языком. 4) Следующие четыре отрывка

отражают тот стиль тамильского разговорного языка, который находится в большей или меньшей мере под влиянием санскрита. Этот стиль присущ брамапской касте и тем сочинениям, которые служат для распространения и популяризации санскритских произведений или браманских идей среди дравидийского населения. Первый из этих отрывков является пересказом санскритского сборника басень *Pañcatantram*. В нем санскритизация держится в умеренных пределах. Следующий отрывок взят из недавно вышедшего конспективного изложения содержания древнего индийского эпоса Махабхарата, под названием *Srimat pārata sāram*. В нем и в следующем отрывке, прозаическом пересказе «Наль и Дамаянти» санскритский элемент очень силен. Последний из этих четырех отрывков взят из книги для чтения, предназначенной для старших классов средних учебных заведений. В нем излагается древне-индийская правоверная теория о происхождении каст, с сохранением санскритской терминологии. 5) Последние два отрывка отражают тот тип тамильского разговорного языка, который за последнее столетие образуется под европейским влиянием. Авторы их думают скорее по английски, чем по тамильски, что придает стилю и словарю своеобразный, не совсем тамильский, оттенок. Для образца приводится отрывок из учебника истории Индии, употребляемого в старших классах средних учебных заведений. Автор пользовался широко историческими сочинениями на английском языке, в частности *Vincent Smith, A Student's History of India*. Это явствует как из подхода к историческим фактам, так и из стиля, подражающего английской краткости и ясности. Во втором отрывке приводится часть передовой статьи, посвященной обозрению политического положения. Это типичный газетный стиль хорошего качества.

Эти девять отрывков должны служить лишь иллюстрационным материалом для грамматических правил и отнюдь не заменить собою хрестоматию. Для дальнейшего углубления и укрепления грамматических знаний студенту рекомендуется пользоваться прекрасно изданными хрестоматиями U. Pope'a: A Tamil Prose

Reading Book, Madras 1859 и A Handbook of the Tamil Language vol. II. Oxford 1911.

Тексты приведенных отрывков снабжены двумя переводами: подстрочным и литературным, причем первый должен одновременно служить словарем и выявить грамматические особенности тамильского языка.

Пословицы и поговорки крестьян.

(Из «Tamil sayings and proverbs on agriculture», Department of Agriculture, Madras, vol. II, Bulletin № 34, 1908).

1) *ul̲aviṉ̲* (20) *mikunta* (50) *ūtiyam* *illai.* (48) 2) *kuṭi* (16)
Земледелие превосходящего занятия — отсутствие. Земледельца

ēr̲a (15 48) *nel* *ēr̲a.* 3) *kuṭi-y-* *āṉ̲avaṉ̲-ō* (45 43) *muṭi-y* —
поднятие = риса поднятие. Землеробом ставший ли, венценосцем

āṉ̲avaṉ̲-ō? 4) *kuṭi-t* (50) — *taṉ̲amē* (45) *turai-t* — *taṉ̲am.*
ставший ли? Землероба — богатство = барина — богатство.

5) *ul̲atavaṉ̲* (19) *keṭṭat* (28) *illai.* 6) *parutti* — *c-ceṭiyum* (46) *pālum* (46)
Пахаря разорения отсутствие. Хлопка — куст — и молоко —

ul̲l̲avaṉ̲ukku (34 52) *pañcam* *illai.* 7) *al̲utu* (27) *koṇṭiruntālum* (53) *ul̲utu-* (27)
имеющему нужды отсутствие. Плача — продолжением пахание

koṇṭirum. (24) 8) *taṉ̲* (12 a, 1) *āl̲-* *illāta* (50) *vel̲l̲āmaiyum* (30 46)
делать продолжай. Своего хозяина неимеющее земледелие

tāṉ̲ *ul̲āta* (28) *nilamum* (46) *taricu.* 9) *īr* (38) *ūril* (55 a)
самим не пахаемое поле — пустошь. В двух деревнях

ul̲utavaṉ̲ *keṭṭāṉ̲* (22) *iraṇṭu* (38) *peṇ* *kaṭṭiṉ̲avaṉ̲* (19) *keṭṭāṉ̲.*
пашущий погибший; двух жен привязавший погибший.

10) *iṉ̲ak-* (33) *kūṭṭ'-* (10, 3) *āṉ̲ālum* (53) *nīlak-k* *kūṭṭ'*
С родными соединения-происхождением даже поля соединение

ākātu. (28) 11) *ceṭṭikku* (52) *vēl̲āṇmaikku* (52) *jeṉ̲ma-p-* (33) *pakai.*
негодное дело. Купцу к земледелию (от) рождения вражда.

12) *tam-m-iṉ̲am* (50) *tammai(k)* (51) *kākkum* (24) *vēli* *payirai(k)* (51)
Своя родня его защищающая, ограда поле

kākkum. (24) 13) *pil̲l̲ai* *pir̲akkum* (24) *pūmi* *pir̲akkātu.* (29)
защищающая. Дитяти рождение, земли не-рождение.

14) *orukkāl* (38) *puñcai* *irukkāl* (38) *nañcai.*
Один раз сухая земля, два раза орошенная земля.

15) *māri-y-illātu* (10, 4 19, 48) *kāriyam* *illai.* (48) 16) *viṇ* *poyttāl* (53)
Дождя отсутствие дела отсутствие. Неба — обманом

maṇ *poykkum.* (24) 17) *vāṉ̲añ* (10, 6 a) *curuṅkir̲(l)* (55) *(t)r̲ānañ* (10, 6 d)
земля — обманывающая При неба съеживании щедрость —

curuṅkum. (24) 18) *mal̲ai-p-* *pēr̲um* (24) *pil̲l̲ai(p)* *pēr̲um*
съеживающаяся Дождя рождение (в буд.) дитяти рождение

mahātēvaṉ̲ukkun (52 46) *teriyātu.* (28) 19) *pil̲l̲ai* — *per̲r̲u-k-* (22)
даже Магадеве неизвестно. Дитяти — рождение(м)

keṭṭavarum (19) *mal̲ai* *pēyntu-* (19) *keṭṭavarum* *illai.*
разорившихся и дождя — капание(м) рассорившихся отсутствие.

20) *viṭāta-* (28 15) *mal̲ai-peytāl* (19 53) *paṭāta-* (28 15) *pāṭu* (19, a, 2)
Беспрестанного дождя капанием нестерпимого страдания

paṭa (15, 49) *vēṇṭum.* (24)
терпение нужно.

1) Нет лучшего занятия, чем земледелие. 2) Когда (экономическое положение) крестьянин (а) улучшается, рис (урожай) улучшается. 3) Землероб подобен царю. 4) Когда землероб богат, государство богато. 5) Пахарь не может разоряться. 6) У того, кто имеет хлопок и молочный скот, не может быть нужды. 7) Хоть плачь, но паши. 8) Земледелие, где нет своего хозяина, и земля, где не работаешь сам — пустошь. 9) Кто имеет

землю в двух деревнях, погибает, как тот, кто женился на двух женах. (Слово *kaṭṭiṉavaṉ* указывает на церемонию завязывания свадебного ожерелья *tāli*). 10) Не годится владеть полями сообща, хотя бы с родственниками. 11) У купца от рождения отвращение к земледелию. 12) Своя родня защищает человека, как ограда защищает поле. 13) Хотя дети родятся, но земля не увеличивается. 14) Один урожай от неорошаемой земли, два — от орошаемой. 15) Нет дождя, нет дела. 16) Небо обманет — земля не уродит. 17) Когда небо скупится, и щедрость уменьшается. 18) Даже Магадеве неизвестно, родится ли ребенок, пойдет ли дождь. 19) Никто еще не разорился от рождения детей и от дождя. 20) Если дождь идет непереставая, нестерпимо приходится страдать.

Из «Kaṭāmañjari».

I.

15 31 34 38 55 19
Cila piṟavi kuruṭarkaḷ ōr iṭattil cērntu
Некоторых рождение — слепцов в одном месте приход —
23 27 51 26, 49
iruntu koṇṭu iruntārkaḷ. avarkaḷ yāṉaiyai(p) pārkka
пребывание продолжение были они. Они «слона смотрение
24 48 (50) 48 38 50 34 51
vēṇṭum eṉṟu ācai koṇṭu oru yāṉai(p) pākaṉai
нужно» желания возымев одного слона — погонщика
19 27 10, 4 10, 4, 51 23 48 51
vēṇṭi(k) koṇṭārkaḷ. avaṉ yānaiyai nirutti itai(p)
попросив — продолжали они. Он слона поставив: «этого
19, 48 41 48 19, 44 48 34
pārttu(p) pōṅkaḷ eṉṟāṉ. nallatu eṉṟu oru kuruṭaṉ
осматривание идите» сказал. «Хорошо» сказание, один слепец
51 16 19 19, 23
kālai taṭavi(p) pārttāṉ. oru kapōti tumpikkaiyai taṭavi(p)
ногу потрогав смотрел. Один слепой хобот потрогав
34 14, 51 10, 1
pārttāṉ. Or antakaṉ kātai(t) taṭavi(p) pārttāṉ. ippaṭi(p)
смотрел. Один незрячий ухо потрогав смотрел. Такого рода

19, 48 22 35 10, 1 51 50 55 в
pārttu viṭṭu ivarkaḷ appuram pōṉa piṟaku
смотр покидание; этих людей — в — сторону — ухода — после
38 52 38, 35 50 30 15, 51 18 19
oruvarukk oruvar yāṉaiyiṉ taṉmai pēca(t) toṭaṅkiṉārkaḷ.
одним одни слона сущность говорить начали.
10, 1 51 19 56
appōtu kālai(t) taṭaviṉavaṉ yāṉai ural pōl
Тогда ногу потрогавший человек «слон ступе подобен
21, 23 19 10, 1 51
irukkiṟatu eṉṟāṉ. tumpikkaiyai(p) pārttavaṉ yāṉai ulakkai
есть» сказал. Хобот смотревший «слон пестику
56 22
pōl irukkiṟatu eṉṟāṉ. kātai(t) taṭavi(k) kaṇṭavaṉ
подобен есть» сказал. Ухо потрогавши — посмотревший
33 56 51
yāṉai muṟam pōl irukkiṟatu eṉṟāṉ. vālai(t) taṭavi(k)
«слон веялке подобен есть» сказал. Хвост потрогавши —
33 56 10, 1
kaṇṭavaṉ tuṇṭappam pōl irukkiṟatu eṉṟāṉ. ippaṭi
видевший «метле подобен он есть» сказал. Этаким образом
52 16, 19
oruvarukku oruvar māru paṭa(c) colli
одним одни (чтобы) противоречие терпеть сказав
28, 29, 48, 10, 6 b 19 23
oliyāmaṟ caṇṭai iṭṭu tirintārkaḷ.
не-переставание спор делание бродили они.

I.

Несколько слепорожденных как-то собрались в одном месте. Они пожелали узнать, что такое слон, и обратились с просьбой к погонщику слона. Тот привел слона и сказал: «Идите, смотрите». — «Хорошо», сказали они. Один стал изучать слона, трогая его ногу. Другой слепой трогал его хобот. Другой незрячий изучал его, трогая его ухо. После того, как они таким образом изучили слона, они пошли на другую сторону и стали друг другу излагать природу слона. Тот который трогал ногу, сказал, что слон похож на ступу. Тот, который изучал хобот

слона, сказал, что он похож на пестик. Тот, который изучал его, трогая его ухо, сказал, что он напоминает веялку (для отвеивания рисовой шелухи; она имеет форму четырехугольного подноса). Тот, который трогал и изучал его хвост, сказал, что он подобен метле. Таким образом, друг другу противореча, они спорили бесконечно.

II.

Oru kuṭittaṉakkāraṉ aṭimai(p) paṟaiyaṉai vaittu(k)
одного хозяина рабства — парии — имение —
koṇṭu, avaṉai uṉ pēr eṉṉa eṉṟu kēṭṭāṉ. aiyā! eṉ pēr
взятие, его «твое имя какое» вопрос спросил. «Отец, мое имя
perumāḷ eṉṟāṉ. anta kuṭittakāraṉ vaišṇavaṉ ākaiyāl,
Перумаль» сказал он. Того хозяина вишнуитом — бытием,
inta paṟayaṉai(p) perumāḷ eṉṟu aḷaikka(c) cammatiyāmal
этого пария «Перумаль»—именем — называть — несогласие;
nī vēṟē pēr vaittu(k) koḷḷukiṟāyā? eṉṟu kēṭṭāṉ. aiyā!
«ты другое имя положив берешь ли», так спросил. «Отец,
vaittukkoḷḷalām. koñcam celavu piṭikkum
положение — взятие возможно. Некоторый расход потребуется»,
eṉṟāṉ. ataṟku evvaḷavu piṭikkum? collu eṉṟāṉ. eṉ
сказал. На это «сколько потребуется? скажи», сказал. Моего
takappaṉ irukkaiyil pattu varākaṉum paṭiṉ
отца — существования — во-время десять золотых десяти
kala nelluñ celav' aḷittu nālu paṟaiccērikaḷukkum
мер риса — расхода уничтожение, четырем — парий — деревням
cāppāṭu pōṭṭu inta(p) pēr iṭṭāṉ. ippōtu itai(t)
пищи — накладывание это имя дал он. Теперь его —
taḷḷukiṟataṟkum vēṟē peyar iṭukiṟataṟkum muṉ
изменения — для и другого — имени давания — для прежнего

celavukku iraṭṭattaṉai(c) celavu piṭikkum,
расхода — против двойной — меры — расход потребуется»,
eṉṟāṉ. antapaṭi cammatittu irupatu varākaṉum irupatiṉ
сказал. Такого рода соглашение; двадцать золотых двадцати —
kala nelluñ koṭuttāṉ. atai vaittu koṇṭu costamāka(c)
мер — рис дал он. Этого ставление — взятие здоровья возник-
cila mācam cāppiṭṭu(p) pōṭṭu(p) periya
новение несколько месяцев кушание — делание «Великий
perumāḷ eṉṟu peyar iṭṭu(k) koṇṭu vantāṉ.
Перумаль» название — имя — давание — взятие пришел он.
vaišṇavaṉ aṭimaiyai(p) pārttu eṉṉa peyar iṭṭu(k)
Вишнуита раба рассматривание «какого имени давание —
koṇṭu vantāy? eṉṟu kēṭṭāṉ. cāmi ippōtu
взятие — приход твой?» вопрос спросил. «Господин, теперь
iṭṭukoṇṭuvanta peyar periya perumāḷ eṉṟāṉ. atai(k)
данное имя «Великий Перумаль» сказал. Этого —
kēṭṭu āṇṭai veṭki(p) pōnāṉ. ātalāl vīṇ
услышание хозяин постыдившись — ушел. Поэтому напрасными
vipparītattāl pētaiyar vīṇ celavu ceyya uṭaṉ-paṭuvārkaḷ.
странностями дураки напрасный — расход делать соглашаются.

II.

Один хозяин имел раба из касты париев. Он его спросил: «Какое твое имя?» Тот сказал: «Отец, мое имя Перумаль» (Это тамильское название Вишну). Так как хозяин был вишнуитом, он не хотел терпеть, чтобы имя парии было Перумаль, и спросил его: «Не возьмешь ли ты другое имя?» Тот сказал: «Отец, взять то можно, но это вызовет расход». — «Сколько на это потребуется, скажи?» Тот ответил: «когда мой отец был

жив, он потратил 10 золотых и десять мер риса, чтобы накормить четыре деревни париев, и дал мне это имя. Теперь, чтобы отменить это имя и дать мне другое, потребуется двойной против прежнего расход». На это хозяин согласился и выдал ему 20 золотых и 20 мер риса. Раб поставил этот рис, ел несколько месяцев вдоволь и принял имя Великий Перумаль. Обращаясь к рабу, вишнуит спросил: «Какое имя ты принял?» Тот ответил: «Имя, которое мне дали теперь, — Великий Перумаль». Услышав это, хозяин устыдился. Из этого следует, что дураки из-за своих напрасных странностей идут на напрасный расход.

Paramārta kuruvin katai.

10,4,50 17

Парамарта — наставника — рассказ.

38 50 51 16,19,48 9 33
Mūnrāvatu vāṭakai — māṭu ēri(p) pirayāṇam

№ 3. (на) найма — быка севший (в) путешествие —

22,50 49 45 38
pōṇa katai. nāṉ tāṉ oru nāḷ

пошедший (об этом) рассказ. Моего — самого — один — день —

52 30 55 19
ūrukku(p) pōkaiyil or' irāttiri perit'

город — в — хождения — во время одной ночью в большой вещи —

38 55 19, 49 45 19 34 52
oru viṭutiyilē taṅkiṉēṉ. aṅkē vantavarukku

одном постоялом дворе остановившийся я. Туда пришедшим

46 46 47 52 52
iṭamum aṉri vēṇṭuvat' ellām cāppaṭa vilaikku

место и кроме того нужное все кушание за цену

20 55 18 52
koṭuppārkaḷ ākilum nāṉ celavukku

дающие — они. Однако в виду — моего — на расход —

33 53 52 38 47
avakācam illātatiṉāl eṉakku oṉrun tēvai(y) illai

средств — отсутствия «мне (в) одном — даже нужды нет»

10,1 19 52 38
eṉrēṉ. appōt' aṉru vantavarkaḷukku ōr

сказание мое. (В) то время — (в) тот день пришедшим одного

12b,50 24 50 17 51 24 50 55
āṭṭu perun toṭaiyai iruppu(c) calākaiyil kōrttu(t)

барана большую ногу на железный — вертел накалывание

55b,5 21 18
taṇal mēl culaṟṟi(c) cuṭukkiṟārkaḷ. atu

пламенем — над вертевшие — жарящие — они. того

37 17 19 24, 48 17 15
vēka vēka(p) pukaintu viṭum vācanai metta(p)

сильно-сильно паро-подымание(м) выпускаемый запах очень

45 48
parimaḷam ām. nāṉ koṇṭu — vanta kaṭṭu(c)

приятным делающийся. Который я принес, узелка —

54 49 48
cātam inta maṇattōṭē cāppaṭukiṟatu nallat'

риса с этим запахом — вместе съедение хорошее дело,

48 51 27
eṉṟu atai(c) ciraṟṟu nēraṅ culaṟṟi — koṇṭ' —

подумывание; это некоторое—время вертевшим—продолжительно—

51 33 10, 1 45 51
irukka uttāran kēṭṭēṉ. appaṭiyē cātattai anta

быть разрешения просьба моя. Таким образом рис этим

55b,5 10,6b 18,23,48 38 53 51 48
pukai — mēṟ piṭittu oru kaiyāl atai(c) culaṟṟa

дымом — над держание; одной рукой той вещи вращение;

52 33
maṟṟ' oru kaiyāl anta vācaṉaikku iṉpam

другой одной рукой тому запаху (присущей) сладости

52 27 15,26,49 24
āka(c) cāppaṭṭu — (k) koṇṭēṉ. piṟaku pōka vēṇum

возникновения съедение — продолжение мое. потом «итти нужно»

27 55 36 51
eṉṟ' irukkaiyilē viṭuti — (k) — kāraṉ nāṉ vācaṉai

сказания — бытия — во время, харчевни хозяин за мое — запаха —

19 52 51 22
mukarntatukku(k) kūli kēṭṭāṉ.

нюхание — (в прош. вр.) вознаграждение требовавший человек.

49 15, 48 38
avaṉ kēṭṭatu nāṉ aniyāyam eṉa iruvarum

На его требование мое — «несправедливость» сказание; оба

18 52 50 55
vaḷakku(p) pēca anta ūr atikāraṉ aṇṭaikku(p)

для тяжбы — говорения той деревни старосты — в близость —

22 19 48 7 36
pōṉōm. avaṉ-ō veku cāstiri makā putti-cāli,
шли мы. Он то очень учен, великий умница,
34 45
metta(c) camarttaṉ, mika-v-um niyāyaṅ —
весьма способный человек, чрезвычайно справедливость —
19, 34 50 18 51 22,26,41
koṇṭavaṉ. avaṉ iṭṭa tīrvai kēṭka: kaṟi
взявший муж. Им сделанный приговор слушать! «за мяса —
22 19 52
tiṉṟatukku vilai paṇam kaṟi
съедение (в прош. вр.) цена — деньги; за мясом —
50 32 19 42
iṭu(m) maṇam mukarntatukku
распространяемого — запаха — нюхание — (в прош. вр.)
50 45 31
vilai paṇam iṭu(m) maṇam ituvē tīrvai
цена деньг(ам)и распространяемый запах, вот это — решение»
51 19 48
eṉṟu viṭuttikkāraṉai aṇaittu aḷaittu
сказание; харчевни — хозяина приближение — призывание;
50 51 50 55,45 52
paṇam niṟainta paiyai avaṉ mūkkilē aḷunta
деньг(ам)и — наполненный кошелек его носу — на прижимание —
19, 48 19 46 21,48,45 40
uraittu(t) tēyttāṉ. avaṉum mūkku(p) pōkutē aiyō anta(k)
трение; растирал он. И тот «носа уход же! ай-ай, этого
24 22 48
kūli pōtum eṉṟāṉ kēṭṭīrkaḷō
вознаграждения довольно» сказавший — он. Слышание ваше ли?
45
ituvē niyāyam ituvē nīti(y) allavō?
вот это справедливость, вот это правосудие, не так ли?

Рассказ о наставнике Парамарта.

Из № 3. *Рассказ о том, как он сел на наемного быка и отправился в путешествие.* Когда я сам однажды шел в город, я ночью остановился в одном большом постоялом дворе. Там давали приезжим за деньги не только ночлег, но и всякие кушанья, какие они желали. Однако, так как у меня не было средств на расходы,

я сказал, что мне ничего не нужно. Приехавшим в тот день жарили большую баранью ногу, вертя ее на железном вертеле над пламенем. Запах, исходящий от сильного пара, был очень приятен. Я подумал, что было бы хорошо съесть рис, принесенный мной в узелке, вместе с этим запахом, и попросил разрешения некоторое время вертеть вертель. Так я держал рис над паром, вертел одной рукой и ел другой, так что я получил сладость того запаха. Потом, когда я сказал, что я должен итти, хозяин харчевни, за то, что я вдыхал (нюхал) запах, потребовал плату. Я сказал, что его требование несправедливо, и мы оба пошли к старосте той деревни, чтобы предъявить нашу жалобу. А тот был очень большой ученый, очень мудрый человек, очень ловкий и большой знаток права. Послушайте, какое он дал решение: «за съедение мяса цена — деньги; за вдыхание запаха мяса цена — запах, который исходит от денег. Вот это мое решение». Сказав это он призвал к себе трактирщика, придавил кошелек, наполненный деньгами, к его носу и стал тереть изо всех сил. А тот сказал: «Нос уходит, ай-ай, довольно мне этой платы!» Слышали? Вот это справедливость, вот это правосудие! Не так-ли?

Из «Pañcatantiram».

I. Mitrapētam.

Дружбы разрыв.

12b,2 51 22, 50 17 50
Muyal ciṅkattai(k) koṉṟa katai. oru neruṅkiya
Зайца — льва — убиения — рассказ. Одном густом
12b, 55 34 50 33 45
kāṭṭil matōṉmattaṉ eṉṉum ciṅkam — āṉatu
лесу — в Горделивый называемый лев — ставшая вещь
45 15 7 10,6a 51 10,4 47 22, 48 22, 48
akkāṭṭil — uḷḷa mirukaṅkaḷai(y) ellām koṉṟu — tiṉṟu
том лесу — в сущих животных всех убиения — съедения
19,48 16,19,48 27 24,50 55
koḷuttu veṟi — koṇṭu tiriyum — nāḷil mirukaṅkaḷ
жирения—запугивания продолжение брожения—время — в звери

ellām *oṉṟāka(t)* *tiraṇṭu* *pōy* *ō* *mirukēntirā*
все (для) едино—становления (в) собрание шедши «о зверей-царь

ummuṭaiya *kāṭṭil irukkiṟa mirukaṅkaḷai(y)*
в вашей собственностью являющемся лесу сущих зверей

ellām *ippaṭi(k)* *koṉṟāl* *mirukaṅkaḷ* *nirmūlamāy(p)*
всех такого — рода — убиением, звери без корня ставши

pōm *ātalāl* *nāṅkal* *tiṉam* *ovvoṉṟu*
уйдут; этого возникновением что до нас, то (в) день одного-одного

ummakku *iraiyāka(k)* *koṭuttuk* *koṇṭuvarukiṟōm*
вам (для) пищей становления давание—взятие—приход—наш.

atai *nīr pakšittu(k)* *koṇṭ'* *irukkalām* *eṉṟu*
этого ваше съедение взятие пребывание да будет «сказание—

pirārttikka *ciṅkam* *appaṭiyē* *ceykiṟēṉ* *eṉṟu*
просьба; льва» такого именно рода делание теперь мое» сказание,

sattiyam *ceytu* *koṭuttatu.* *ivvāṟu* *tiṉam* *ovvoṉṟāka*
клятвы делание—давание. Таким образом (в) день один-один —

tiṉṟu — *koṇṭu* — *varu* *nāḷil* *oru*
становление съедания — взятия — прихода — время — во один

nāḷ *oru* *kiḷa* — *muyaliṉuṭaiya* *muṟai* *vantatu.* *appōtu*
день одного старого зайца очередь пришла. То время

vilaṅkukaḷ *ellām* *kūṭi* *iṉṟaikku* *uṉ* *muṟai* *pō*
звери все собравшись «сегодня твоя очередь, иди»

eṉṟu *colla* *muyal* — *āṉatu* *iṉṟu* *namakku*
сказания сказание; зайцем ставшая вещь «сей день нам

maraṇa — *kālam* *vantu* — *viṭṭa* *paṭiyiṉāl* *itaṟk*
смерти — время (ени) прихода — оставления — по причине этому

ōr *upāyam* *yōcikka* *veṇṭum.* *puttimāṉ*—*ukk'* *etu*
одного средства придумание необходимо. Умному человеку что

tāṉ *kai* — *kūṭātu* *ākaiyāl*
именно рукой (с) не связывающаяся вещь? (этого) становлением

nām *ippōtu* *upāyattāl* *ciṅkattai(k)* *kolvōm* *eṉṟu*
наше (в) это время хитростью льва убиение — наше, мысли

ālōcittu *mella* *mella* *anta(c)* *ciṅkattiṉ* *pacivēḷai*
обдумание; медленно медленно к того льва корма — времени

tappi *vantatu.* *ciṅkam* *atai(p)* *pārttu* *muyalē!*
опоздав пришедшая вещь. Льва его — видение; «О заяц,

yāṉai — *y* — *āṉālum* *eṉṉuṭaiya* *paci* — *vēḷai*
слона — становлением — даже мое корма — время — на

tappi *varukiṟat*—*illai*—*y*—*ē.* *nī* *evvaḷavu* *pirāṇi.*
опоздав — прихода отсутствие. Ты какого размера тварь?

ippaṭi(t) *tāmasam* — *āy* *ēṉ* *vantāy* *eṉṟu*
Так опозданием — ставши почему приход твой?» сказание

mikunta *kōppattōṭu* *kaiyai(t)* *taraiyilē* *aṟaintu* *kēṭṭatu*
чрезмерным гневом — с лапу землю — о ударение спросившая

muyal *aiyaṉē!* *itu* *eṉ* *kuṟṟam* *āṉṟu.* *ummuṭaiya*
вещь. Заяц «О отец! Это моей — ошибкой небытие; вашему

paci — *vēḷaikkē* *vantēṉ* *varum* *vaḷiyil* *oru*
голода — времени — к приход мой; прихода — дороге — по одного

koṭiya *ciṅkattaik* *kaṇṭu* *payantu* *oḷitt'* *iruntu* *anta(c)*
жестокого льва увидение; испуг, прятание, пребывание, того

ciṅkam *pōṉapiṉpu* *iṅkē* *vantēṉ* *eṉṟu* *colirṟu*
льва ухода — после сюда приход — мой» сказание, сказавшая

(coṉṉatu). *ciṅkam* *eṉṉai* *y* *allāmal* *intak* *kāṭṭil* *vērē*
вещь. Лев «Меня — небытие (в) этом лесу другого

ciṅkam *nī* *pārttāyō.* *kāṭṭu* *vā* *eṉṟ'* *aḷaittatu.*
льва твое видение ли? Покажи иди» сказание, призывание.

51 19 48 48 48 46 46
muyal atai alaittu(k) koṇṭu pōy cērum nīrum
Заяц его пригласив взяв ушедши, грязью и водой

19 50 24 51 16,19,48 5545
nirainta oru palaṅ — kinarrai(k) kāṭṭi itilē
наполненный один старый колодец показав «этом — в

23 21 48 48 50 10,2 51
irukkiratu enru kāṭṭa ciṅkam muyalin collai
находящаяся — вещь» сказание, показание; лев зайца слову

16,48 55 16,48 19,48 55 19 50
nampi(k) kinarril eṭṭi(p) pārttu atil tonrina
поверив колодец — на дотянувшись, посмотрев; в нем появившееся

50 51 50 45 51 19,48
tan piratipimpattai anta(c) ciṅkam atu tān enru enṇi(k)
свое отражение того льва «именно» мнение считав

54 51 15,49 24 48 55,10,6b 19 48
kōpattōṭu atai kolla vēṇṭum enru atir pāyntu
гневом — с его убиение нужно размышление; него — в прыганье;

12,b1,55 18,16,19,48 19 23
cerril alunti irantatu.
грязи — в завязнув умершая вещь.

Рассказ о том, как заяц убил льва.

В одном густом лесу лев по имени Горделивый убивал и съедал всех животных, которые находились в том лесу, и стал от этого жирным и страшным. Тогда все звери собрались вместе и пошли к нему. «О царь зверей», просили они, «если Вы таким образом убьете всех зверей, живущих в Вашем лесу, то все звери без остатка уйдут (выведутся). Поэтому мы Вам будем каждый день давать по одному (животному) для пищи. Его Вы можете съесть». Лев дал им обещание, что он так и будет делать. Когда таким образом он ел по одному (зверю) в день, однажды очередь дошла до одного старого зайца. Тогда все звери собравшись сказали: «Сегодня твоя очередь, иди». — «Раз сегодня пришло время моей смерти», подумал заяц, «то нужно придумать какое-нибудь средство. Что умному не удается? Поэтому мы сегодня убьем льва». С такими мыслями он шел и опоздал ко времени, когда лев кормился. Лев, увидев его, спросил, гневно ударяя лапой об землю: «Эй заяц, даже слон не опаздывает ко времени, когда я утоляю свой голод. А ты какая большая тварь! Почему ты так поздно пришел?» Заяц сказал: «Отец, это не моя вина, я во-время шел к твоему кормлению. На дороге, по которой я шел, я увидел одного жестокого льва, испугался и спрятался и пришел только после того, как тот лев ушел. Лев сказал: «Так ты видел в этом лесу другого льва кроме меня? Пойдем, покажи!» и он позвал его с собой. Заяц попросил льва следовать за ним и повел его. Он показал ему старый колодец, наполненный грязью и водой и сказал, что в нем (тот лев) находится. Лев поверил словам зайца, вытянулся до (края) колодца, посмотрел и принял появившееся свое отражение за того льва, в гневе решил его убить, прыгнул, завяз в грязи и погиб.

Из «Srīmat pāratasāram».

Автор E. Varatāccariyār. Издано Mayilappūr, Cennai 1923.
Patinmūnrām attiyāyam.

Тринадцатая глава.

52 33 19 48 33,51 10,4
Arjuñan akkinikku cakāyan ceytu kāṇṭava vanattai y
Арджуны богу огня дружбу делание; Кантава — лес —

52 24,48 22 48
alittatarkāka oru perum kīrtti perru anru —
уничтожения — из-за одной большой славы получение; того дня

29 50 45 17 19 48
mutal kāṇṭīvatanvā enkira nāmatēyamum aṭaintān.
начало Гандивадханва называемое имя получивший

10,1 34 35 48 19
ivvitam pāṇṭavarkal cukamāy vālntu —
человек. Этим образом сынов Панду счастливо житья —

27 55a 10,4 55b 38 52 38
varukaiyil tiraupatiyiṭam ovvoruvarukkum oru
прихождении — в, Драупади — место одному — одному одного

19 34 52 38 34 35 22 48 22
puttiran āka aintu puttirarkal uṇṭ-ānārkal.
сына — становления — для пять сыновей родились.

34 35 46 50 55a 52
ak kumārarkaḷum takunta — vayatil taṅkaḷukk' —
тех царевичей в соответственном возрасте им
10,50 9 46 35 51 23 48 33 9 33 51
urīya cāstirātikaḷai appiyacittu piramacariya — viratattai
подобающих наук и т. д. изучение. целомудрия — обета
23 53,b 22
aṉuštittu. arjuṉaṉiṭam astira — cāstiraṅkaḷai karr —
давание. Арджуны — место оружейным наукам научение —
32, 19 48 9 9 36 35 48 18 23 19
uṇarntu pirākkirama — cālikaḷ-āy viḷaṅkiṉārkaḷ.
приобретение; храбростью обладающими ставши блиставшие — они.

Уничтожив в союзе с богом огня лес Кантава и от этого приобрев большую славу, Арджуна с тех пор получил прозвище Гандивадханва (обладатель лука Гандива). Пока сыновья Панду таким образом счастливо жили, у Драупади родилось пять сыновей, по одному от каждого из них. (Драупади имела зараз пять братьев своими мужьями). Когда царевичи достигли соответствующего возраста, они стали обучаться подобающим им наукам и т. д. дали обет целомудрия (или юноши изучающего веды), а у Арджуны научились владеть оружием. Они стали отличаться своей храбростью.

Из тамильского пересказа в прозе «Наль и Дамаянти».

Плач покинутой Дамаянти.

40 50 9 33 34 45 50 51
Ōy eṉ pirāṇa — nāyakarē. iṉraiya — tiṉam eṉṉai
О моей жизни — властитель! (в) Сегодняшний день меня —
22 48 43 34 15 53
viṭṭu pirintīrō. ival kūṭa iruntāl
покидание — расхождение твое ли? (с) Этой вместе существованием
52 48 21 22, 48 9 17 50 51
namakku kālkaṭṭ-āy irukkutu eṉṉu nittirai pōkiṉa eṉṉai
нам ноги — связь будет подумав, (в) сон идущую меня
9 55a 16, 19, 48
araṇṇiyattilē vañcaṉai paṇṇi viṭṭu pirintīrō.
джунгле — в обман сделав покидание — уход — твой ли?

9 34 45 34, 45 33
ōy kīrtti-p- piratāparē ōy tayā — pararē ōy kaliyāṇa —
О славный герой! О милосердием — высший! о прекрасных
33 34 45 33 34 45
kuṇa — paripūraṇarē ōy tīṉa — rākšakarē ōy
добродетелей совершенство! О бедных защитник! О
9 51 1 40
pīrāṇēcarē ōy cuvāmi eṉṉai oṇṭi-y-āy viṭṭu (p) —
жизни господин! О бог! Меня одной — ставшей покидание
55,b 7 33
pōka nītiyō. itu varaiyilē nimiša — nēram
уход справедливость ли? Этого — до минуты — время
45,53 19,23 50
ānālum pirint' — irunta nām
возникновением — даже разлуки пребывание — имеющие мы
45 32 38 16 38
allavē. uyir oṉṟum ponti iraṇṭum — āka
не были же. Душа — одно тело — двое становление
iruntōm.
существование наше.

О властитель моей жизни. Неужели ты сегодня покинул меня? Думая, что если я буду с тобой, я помешаю тебе, неужели ты ушел и покинул меня обманным образом сонную в дикой джунгле? О славный герой, о образец милосердия, о совершенство славных добродетелей, о защитник бедных, о господин моей жизни, о бог! Справедливо ли, что ты оставил меня одной? До сих пор мы ни на минуту не разлучались. Одной душой мы были в двух телах.

Из «Pālapāṭam» nāṅkām puttakam.

Книга иля чтения, четвертая книга.
Автор: Ārumukanāvalar из Yāḷppāṉam (г. Джаффна на сев. Цейлона) 18-е изд.

9
Varuṇam.
Каста.

9 34 9 34
Pirāmaṇaṉ kšattiriyaṉ vaiciyaṉ cūtiraṉ eṉa
«Брахман кшатрия вайшья шудра» название имеющей

*

38 34 19 50
nāṉku varuṇattār uṇṭu piramāviṉuṭaiya
четверки кастовых людей существование. В Брахме принадле-
55b 46 55b
mukattiṉiṉṟum pirāmaṇarum puyattiṉiṉṟum
жащей голове постояв брахманы, в руке постояв
kšattiriyarum toṭaiyiṉiṉṟum vaiciyarum pātattiṉiṉṟum
кшатрии, в бедрах постояв вайшья, в ноге постояв
17,19 52
cūttirarum tōṉṟiṉar. pirāmaṇarukku uriya
шудры явившиеся люди. Брахманам подобающие
32 35 45 29,49 23 46 10,6a
toḷilkaḷ— āvaṉa vētam ōtalum vētam-ōtuvittalum yākañ
занятиями ставшие: вед — чтение, ведам обучение, жертву —
23 10,6a 29
ceytalum yākañ — ceyvittalum tāṉañ koṭuttalum
делание, жертву — делать — заставление, дары — давание,
50 38 48(45) 52
tāṉam ēṟṟalum ākiya āṟum ām. kšattiriyarukku uriya
дары — принятие ставшие шесть есть. Кшатриям подобающие
toḷilkaḷ āvaṉa vētam — ōtalum yākañ ceytalum tāṉañ
занятия ставшие: веды — чтение, жертвы — делание, дары
46
koṭuttalum pūmiyaik kāttalum yānai kutirai tēr
давание, землю защищение, слона — коня — колесницы
32
ūrtalum paṭaikkalam payilalum ākiya āṟum ām.
езда, военному делу обучение, ставшие шесть есть.
vaiciyarukku uriya toḷilkaḷ āvaṉa vētam ōtalum
Вайшьям подобающие занятия ставшие веды — чтение,
yākañ ceytalum tāṉañ koṭuttalum pacu(k) kāttalum
жертвы — делание, дары — давание, скота — защищение,
vāṇikañ ceytalum payir iṭutalum ākiya āṟum ām.
торговли — делание, семени — вкладывание, ставшие шесть есть.
cūttirarukku uriya toḷilkaḷ āvaṉa payir iṭutalum
Шудрам подобающие занятия ставшие семени — вкладывание,
vāṇikañ ceytalum pacu(k) kāttalum mutaṉ mūṉṟu
торговли — делание, скота защищение, первым трем

varuṇattārukkum aṉukūlam ākiya toḷilkaḷai(k) ceytalum
кастовым — людям полезным являющиеся работ делание,
ākiya nāṉkum ām. cūttirar itikācapurāṇa
ставшие четыре есть. Шудры на с — Итихаса — пураны
10,6b,52 50 32 51 22
mutaliyavaikaḷai ōtuṭaṟkum vētattiṉ — poruḷai(k) kēṭṭaṟkum
начинающихся вещей чтение, веды смысл слушание,
46 51 52
pitirkkiriyai mutaliya karumaṅkaḷai(c) ceytaṟkum
на с — предкам — жертвы начинающихся священнодействий делание,
20
tāṉañ — koṭuttaṟkum atikārikaḷ āvar cūttirar
на дары давание правомочны становящиеся люди. Шудры
10 48 46
caṟ — cūttirar eṉavum acaṟ — cūttirar eṉavum
хороших — шудра — название — и нехороших — шудра — название
20
iruvakai-p- paṭuvar matu — māmica — pakšaṇam
два рода терпящие люди. Вино — мясо — съедение —
28 34 55a 23 26 50
illātavarāy nūlkaḷil vitilkkappaṭṭa camayācāram
не имеющими ставшие в книгах приказанные священнодействия
48 15
uṭaiyavarāy uḷḷa cūttirar caṟcuttirar. avar
имеющими являющиеся шудра — хорошие шудра. этими
28 50 46
allāta cūttirar acaṟcūttirar caṟcuttirarum
не сущие шудра нехорошие шудра. Хорошие шудра — и
46
vaiciyarum camamē-y- āvar.
вайшья — и одно — и то-же становящиеся люди.

Существуют четыре касты: брахманы, кшатрия, вайшья и шудра. Брахманы появились из головы Брахмы (создателя вселенной по инд. мифологии), кшатрия из его рук, вайшья из его бедер, шудра из его ног. Занятиями, подобающими брахманам, являются шесть, а именно: чтение Вед, преподавание Вед, жертвоприношение, жертвоприношение для других, раздача подаяний и прием подаяний. Занятиями, подобающими кшатрия,

являются шесть, а именно: чтение Вед, жертвоприношение, раздача подаяний, защита земли, езда на слонах, конях и колесницах, занятие военным делом. Занятиями, подобающими вайшья, являются шесть, а именно: чтение Вед, жертвоприношение, раздача подаяний, скотоводство, торговля и земледелие. Занятиями, подобающими шудрам, являются четыре, а именно: земледелие, торговля, скотоводство и обслуживание трех первых каст. Шудра имеет право читать Итихасапурана и тому подобные книги, слушать толкование Вед, делать жертвоприношения предкам и (совершать) другие священнодействия и давать милостыню. Шудра делятся на две группы: хорошие и нехорошие шудра. Хорошие шудра те, которые отказываются от вина и мяса и выполняют предписанные в священных книгах действия. Остальные — нехорошие шудра. Хорошие шудра и вайшья в сущностиодно и то же.

Tirāviṭarkaḷ.

Дравидийцы.

10,1 10,2 55 23,24,50 10,6a 35 52
ippōtu teṉṉintiyāvil vacikkum jaṉaṅkaḷukku
Теперь в южной Индии живущим народностям

34 35 12b2 19 27 10,4 52
tirāviṭarkaḷ eṉṟu peyar vaitt' irukkiṟārkaḷ. intiyāvukku(t)
Дравиды название имя дав пребывают. От Индии

10,6b (52) 38 24 33 19 51 55
teṟkē oru periya tēcam iruntat' eṉṟum oru — kālattil
к югу одна большая страна была факт, и одно — время — в

55 18,16,19 27
atu kaṭalil muḻuki(p) pōy — viṭṭat' eṉṟum
эта (вещь) море — в утонув — пошла — покинула — факт,

55 19 34 35 45 35
aṅk' — iruntu vantavarkaḷē tiraviṭarkaḷ eṉṟum
и там — побыв пришедшие люди именно дравиды, факт

34 55
cilar apippirāya(p) paṭukiṟārkaḷ. tirāviṭarkaḷiṭam
некоторые мнение — имеют. Дравидийцев — в

35 19 35 35 51
āṭu — māṭukal ērāḷam — āka iruntaṉa. avarkaḷ kāṭukaḷai
козы — быки земледелие становление были. Их — лесов

19 23 48 51 32 36 10,6a 35 55
aḻitti nilattai(p) paiyir iṭṭārkaḷ. kirāmaṅkaḷil
уничтожение; (они) землю (— в) семя — клали. Деревнях — место

23 48 27 9 33 52 18 16,19,48
vacittu(k) koṇṭu kirāmātikārikku aṭaṅki
жительства — взятие; деревенскому голове подчинившись

19,23 51 46 53 51 46
naṭantu vantārkaḷ. sarpaṅkaḷaiyum maraṅkaḷaiyum avarkaḷ
поведение; приходили они. Змей — и деревья — и их

27 12a1 52 50
ārātittu — vantārkaḷ. taṅkaḷukku oruvitamāṉa
почитание; приходили они. Им какого бы то ни было рода

31 47 28,29 52
keṭutiyum uṇṭ' — ākāmal iruttaṟkāka avarkaḷ
несчастия бытия - невозникновения обеспечения ради их

33,35 52 35 51 46
teyvaṅkaḷukku āṭukaḷaiyum kōḻikaḷaiyum erumaikaḷaiyum pali —
божествам коз — и кур — и буйволов — и (в) жертву

19 27 35 50
koṭuttu — vantārkaḷ. tirāviṭarkaḷukku (c) contamāṉa
приношение; приходили они. У дравидийцев собственные

50 10 6a 35 46 7 35 46 55 46
periya paṭṭaṇaṅkaḷum kirāmaṅkaḷum vaṭa — intiyāvilum
большие города — и деревни — и северной Индии — в — и

26 52
teṉṉintiyāvilum veku — kālamāka uṇṭu.
южной Индии — в — и много времени были (бытье).

52 15 9 19 51
avarkaḷukku (p) pala irājjiyaṅkaḷ iruntaṉa. kirāmātikārikaḷ
У них много государств было. Деревенские

51 34 35 52 52
tāṉiyaṅkaḷai aracarkaḷukku variyāka (c)
старосты хлеба царям данью — становление

23 19 27 33 45
celutti — vantārkaḷ. kirāma — paripālaṉa — muṟaiyāṉatu
платив — приходили. Деревни — управления — системой — ставшее

55 53 26
mutalil tirāviṭarkaḷāl eṟpaṭuttappaṭṭatu. anta muṟai
дело начале — в дравидийцами учинение терпело. Эта система

55b 7 55a
veku camīpakālam varaiyil vaḻakkattil iruntu
очень близкого времени вплоть до обычае — в пребывав —

vantatu. tirāviṭarkaḷ viyāpāram ceytu [27] *vantārkaḷ* [15] *pala*
пришла. Дравиды торговлю сделав — пришли. Много
[55 b 4] *varušaṅkaḷukku muṉ avarkaḷ tēkkumaram maiyil tantam*
лет раньше они тэк — дерево, павлинов, слоновую
cantaṉakattai arici [46] *mutaliyavaikaḷai*
кость, сандаловое дерево, рис началом — имеющиеся вещи
[50] *ayal* [52] *nāṭukaḷukku* [27] *aṉuppikkoṇṭiruntārkaḷ* [56] *kōlarkaḷai (k)*
соседства — странам посылать — продолжали. Колариев
kāṭṭilum avarkaḷ [56] *mikka tēkatitamum* [56] *atika*
указыванием даже они очень тела — силу, очень
nākarīkamum uḷḷavarkaḷ. [50] *ceḷippāṉa* [35 51] *nilaṅkaḷai(t)* [49] *tāṅkaḷ*
культуру имеющие люди. плодородные земли сами
[27] *vaittukkoṇṭu maṟṟa nilaṅkaḷai(k) kōlarkaḷukku viṭṭu —*
имев — взяв, другие земли колариям оставив —
[27] *viṭṭārkaḷ.* [55 a] *aṉēka iṭaṅkaḷil* [34] *tirāviṭarkaḷum* [34] *kōlarkaḷum* [46]
оставили. Многих местах — в дравидов — и колариев — и
[23] *kalantu* — [27] *koṇṭu* [38,46] *orē jātiyār* — [52] *āka* [27] *āy-viṭṭārkaḷ.*
смешение — взятие; одного племени — людьми сделаться стали.
[33 9] *kālakkirāmattil* [55 a] *pala* [15] *putiya* [24] *jaṉaṅkaḷ* [52] *intiyāvukku*
Со времени течением многих новых народов Индию — в
[48] *vantu kuṭi — y — ēṟiṉārkaḷ* [55 a] *mutalil* [53] *avarkaḷōṭu*
приход; в дом — поднялись — они. Начале — в с ними
[46] *tirāviṭarkaḷum kōlarkaḷum* [48] *cantai pōṭṭu appāl*
дравидов — и колариев — и войны — положение; потом
[53] *avarkaḷōṭu* [23] *kalantu koṇṭārkaḷ tirāviṭarkaḷ* [26] *vekukālamāka*
с ними смешение; взявшие они. Дравиды много времени
[55 46] *pañcāpilum kašmīrattilum* [55 - 46] *rājaputaṉattilum*
Панджабе — в — и Кашмире — в — и Раджпутане — в — и

[51 46] *iruntārkaḷ eṉṟum piṉpu* [55] *aṅk' iruntu*
бывшие — люди — факт — и, потом там — пребывав
[26] *turattappaṭṭārkaḷ* [51 46] *eṉṟum* [34] *cilar* [21] *niṉaikkiṟārkaḷ. vaṭa*
удалены были — факт — и некоторые думающие люди. Северной
[55 46] *intiyāvilum* [33] *mattiya — intiyāvilum* [50] *tirāviṭarkaḷuṭaiya*
Индии — в — и средней Индии — в — и дравидов
[52] *cantatiyārkaḷ iṉṟaikkum* [23] *vacittu* [27] *varukiṟārkaḷ*
потомки сегодня — даже проживая приходящие — люди.
[24,50] *ušiṇa* — [35] *tēcaṅkaḷilēyē* [45] *avarkaḷ vekukālamāka iruntu*
Жаркой стране — в — именно они много времени побывание —
[30] *vantamaiyāl* [53] *maṟṟavarkaḷai* [34] *kāṭṭilum* [56] *atikamāka(k)*
происхождением других показыванием даже очень
karuttu (p) pōyviṭṭārkal [50] *avarkaḷuṭaiya*
потемнев ушедшие они. Их владением — являющиеся
[35] *mukkiyamāṉa pāšaikaḷ* [46] *āvaṉa — tamiḻ teluṅku kaṉṉaṭam*
главой — ставшие языки — ставшие тамил телугу каннада
malaiyāḷam tuḷu kuyi. [10,1] *ikkālattilum* [55 a 46] *cila*
малаялам, тулу куй. Это время — в даже некоторые
[36] *tirāviṭarkaḷ nākarīkam — aṟṟavarkaḷ — āka irukkiṟārkaḷ.*
дравиды культуры лишенных — становление пребывают.
[55 a 46] *avarkaḷ kāṭukaḷilum kuṉṟukaḷilum malaikaḷilum*
они лесах — в — и холмах — в — и горах — в — и
[10,1] *vacikkiṟārkaḷ totavarkaḷ* [34] *ittakaiyavarkaḷ* [38] *patiṉāyiram*
живущие люди. Тоды такого рода люди. Десять тысяч
[55 b 4] *varušaṅkaḷukku muṉṉāl inta tirāviṭarkaḷ* [37] *vaḷavaḷappāy (t)*
годами раньше эти дравиды гладко — ставши
[19] *tēyttu* [50] *merukiṭṭa kaṟ — karuvikaḷai* [35 51] *vaḷaṅkiṉārkaḷ. appōtu*
трением шлифованные камня — орудия употребляли. Тогда

nilattai *uḻutu* *payir* *iṭutal* *caṭṭikaḷ* *ceytal*
земли — пахание, семени — вкладывание, горшков — делание,

parutti — *nūl* — *āṭaikaḷ* *neytal* *mutaliya*
хлопковых — ниток — платьев — шитье началом имеющие

vēlaikaḷai *tērnt'-iruntārkaḷ.* *piṉpu irumpuk* — *kallai* *irukki*
искусства узнали. Потом железо — камень расплавив

irumpu eṭuttu *iruppu k karuvikaḷai(c)* *ceyya (t)* *talaippaṭṭārkaḷ*
железо взяв, железные орудия делать начали.

atu — *mutal* *nākarīkam* *mutirntu* *uyarnilai* *peṟṟārkaḷ.*
Это — начало культуры созревание. высоты состояние достигли

aracarkaḷukku (k) *kōṭṭaikaḷum* *cātāraṉa* *jaṉaṅkaḷukku (p)*
Царям крепости — и обыкновенным людям

pēṭṭaikaḷum *kaṭṭikkoṇṭu* *vāḻntārkaḷ.*
деревни — и построив процветали.

Дравидийцы.

Живущим теперь в южной Индии народностям дали имя дравидийцев. Некоторые люди высказывают мнение, что к югу от Индии была большая страна, что когда-то эта страна утонула в море, и что люди, пришедшие из нее и есть дравидийцы. У дравидийцев процветало скотоводство и земледелие. Они вырубили леса и возделали поля. Они жили в деревнях и подчинялись деревенским старостам. Они почитали змей и деревья и для предотвращения несчастий приносили в жертву богам коз, кур и буйволов. У дравидийцев было в северной и в южной Индии много собственных городов и деревень. У них было много царств. Деревенские старосты платили царям дань хлебом. Деревенский порядок управления был первоначально установлен дравидийцами. Этот порядок был в обычае до очень недавнего времени. Дравидийцы занимались торговлей. Много лет тому назад они посылали в соседние страны тэковое дерево, павлинов, слоновую

кость, сандаловое дерево, рис и т. д. Они были сильнее и культурнее Колов (первобытные племена, жившие в Индии еще до прихода дравидов и живущие сейчас в горах, к югу от низовий Ганга). Они отобрали себе плодородные земли и оставили другие земли Колам. Во многих местах Колы и дравидийцы смешались и стали одним племенем. С течением времени много новых народов пришло в Индию. С ними дравидийцы и Колы сперва воевали, потом с ними смешались. Некоторые думают, что дравидийцы долгое время жили в Панджабе, Кашмире и Раджпутане, и были оттуда удалены. Как в северной, так и в Средней Индии до сих пор живут потомки дравидийцев. Благодаря тому, что они много жили в жаркой стране, они стали темнее других. Их главные языки: тамильский, телугу, каннада, малаялам, тулу и куй. Сейчас некоторые некультурные дравидийские племена живут в лесах, на холмах и на горах. Такого рода (напр.) племя Тода. Десять тысяч лет тому назад дравидийцы употребляли гладко отшлифованные каменные орудия. Тогда они научились пахать землю, сеять семена, делать горшки, шить одежду из хлопковых ниток и другим искусствам. Потом они стали расплавлять железную руду, добывать железо и делать железные орудия. После этого их культура достигла высокого уровня. Они построили для царей крепости и для обыкновенных людей деревни, и процветали.

Из «Cutēca mittiraṉ» (varuša — aṉupantam)
«Отечества-друг». (ежегодник).

Ceṉṉapaṭṭaṇam 1926.
Мадрас 1926.

Airōppiya nilaimai.
Европейское положение.

. . . . iv — *varuṭattil* *airōppāvil* *naṭanta* *mukkiyamāṉa*
Этом году — в Европе — в происшедшие главой ставшие

campavaṅkaḷuḷ *mūṉṟē* *avaciyam* *iṅku kuṟippiṭa vēṇṭum.*
события — среди три именно обязательно здесь отметить нужно.

am — mūnṟuḷ mutalāvatu iṅkilāntil ēṟpaṭṭa
Этих трех — среди началом являющееся Англии — в возникшая
potu vēlai niṟuttam oṉṟu. curaṅka — mutal —
общее работы — прекращение одно. Рудника — начала —
āḷikaḷiṭattil ēṟpaṭṭa caccaraviṉ kāraṇamāka
лиц — месте — в возникшею ссоры — причины — становление
nilakkari(t) toḻil — āḷarkaḷ kaṭṭupāṭṭ' uṭaṉ mutalil
угля — работы — лиц — (с) союзом — вместе начале — в
vēlai niṟuttam ceyya; avarkaḷ iṭattil anutāpaṅ koṇṭu;
работы — остановки; делание их — месте — в сочувствия взятие;
iṉṉum paṟpala toḻil tuṟaikaḷil uḷḷavarkaḷum
уже многих-многих работы — отраслях — в находящиеся
cērntu koṇṭu vēlai niṟuttam ceytu iṅkilāntil
примкнув — взяв работы — прекращение сделав Англии — в,
evarum elitil camāḷikka muṭiyāta
кто бы то ни был легко переносить не могущий,
mikavum payaṅkaramāṉa oru nilaimai
весьма страха — причиной — ставшее одно положение
ēṟpaṭuttiviṭṭaṉar. inta makattāṉa
возникнуть — заставив — покинули. Этого величием — ставшего
vēlai niṟuttattiṉ payaṉāka iṅkilāntiṉ toḻil
работы прекращения результатом становление Англии промы-
tuṟaikaḷum viyāpāramum nilai kulaintat'
шленности отраслей — и торговли — и состояния расстройство
uṭaṉ, kavarṉmeṇṭārukku aḷavaṟṟa kaṣṭamum
вместе правительству (Government) меры-лишенное затруднение-и
kōṭikkaṇakkāṉa poruḷ naṣṭamum ēṟpaṭṭatu.
10.000.000 — счетом — ставшего богатства потеря — и возникла.
inta atircciyil iruntu iṅkilāntu iṉṉum
Этом — потрясении — в — находившись Англии все еще
cariyāka viṭupaṭavillai
правильно — становление покидания — терпения — отсутствие
eṉṟē kūralām.
факта именно ясность — становится.

Здесь необходимо отметить три из событий, происшедших в этом году в Европе. Первым из этих трех (событий) является происшедшая в Англии общая забастовка. Сперва, из за разногласия, возникшего с главными владельцами копей, забастовали сперва углекопы всем союзом; потом, из сочувствия к ним стали постепенно примыкать рабочие других отраслей и тоже объявили забастовку, и этим создали чрезвычайно опасное положение, к которому никто в Англии не может не отнестись серьезно. В результате этой великой забастовки, благодаря тому, что все отрасли промышленности и торговли пришли в расстройство, правительству были причинены бесконечные затруднения и миллионные убытки. Совершенно ясно, что Англия еще не пришла в себя от этого потрясения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Изложенный в предыдущих параграфах грамматический материал позволяет нам теперь свести особенности тамильского языка в одну общую картину. Эта картина, которая в своих главных чертах дает представление о строе дравидийских языков вообще, станет еще более рельефной, если мы противопоставим ей привычный нам строй индоевропейских языков. Коренная разница наблюдается уже в звуковых системах этих двух групп. Мы видели, что тамильский язык значительно беднее большинства индоевропейских языков, как в отношении отдельных звуков, так и звуковых комбинаций. Отсюда происходит поражающее нас однообразие корней и формативов. С другой стороны тамильский язык обладает целым рядом звуков, которые или вовсе не представлены в звуковых системах известных нам индоевропейских языков, или же вошли туда — как например в случае санскритских церебральных — уже на индийской почве, по всей вероятности под влиянием местных, может быть, дравидийских языков. Дальнейшее исследование должно установить, насколько

эти чуждые нам звуки являются исконным дравидийским достоянием, ибо многие из них встречаются также и в языках группы Мунда и не исключена возможность, что последние оказали сильное влияние в звуковом и в других отношениях на дравидийские языки.

Коренным образом отличаются дравидийские языки от индоевропейских в смысле словообразования. Изменение корней, которое считается одним из главных средств индоевропейского словообразования, имеет в тамильском языке весьма второстепенное значение и происходит по иным принципам. Почти всю морфологическую работу несут суффиксы, которые соединяются с корнями агглютинативным путем, при чем слово обязательно начинается с корневого слога. Значительная часть этих суффиксов имеет до сих пор самостоятельное значение, многие из них утеряли это самостоятельное значение, повидимому, недавно, и связь между суффиксами и основными словами значительно менее тесна, чем связь между индоевропейскими корнями и формативными элементами. Формативный аппарат тамильского языка отличается, в противоположность индоевропейскому, большой скудостью, которая, однако, до известной степени компенсируется возможностью нагромождения суффиксальных элементов. Этот способ нанизывания суффиксальных слов берет на себя те функции, которые в индоевропейских языках выполняются флексией и разнообразием окончаний, префиксов и суффиксов.

Пожалуй, больше всего отличает дравидийские языки от индоевропейских *характер сказуемого*. В индоевропейских языках подавляющее большинство сказуемых принадлежит к определенной категории слов, а именно к глаголам, которые по своему грамматическому характеру ничего общего не имеют с номинальной категорией (существительных и прилагательных). В тамильском же языке сказуемое всегда есть существительное. Чтобы отличить этот непривычный нам тип существительных от общей массы и указать, чему равняется их синтактическая функция, я их назвал «существительными действия и состояния» или

«глагольными существительными». Из этой природы тамильского сказуемого вытекает характерное для дравидийских языков построение фразы и периода. Второй основной элемент фразы — подлежащее — занимает по отношению к сказуемому двоякое положение: оно ему или противопоставляется по формуле $a = b$ или подчиняется, как аттрибут определяемому. Фраза является, таким образом, расширенным при помощи аттрибутов сказуемым — существительным. Характерно для дравидийских языков также и место сказуемого. В отличие от индоевропейских языков, по крайней мере, от древних и некоторых современных, как, например, русский язык, где сказуемое может занимать любое место во фразе, в тамильском языке место сказуемого строго определено. Оно всегда стоит в конце фразы и определяющие его остальные элементы фразы, включая подлежащее, предшествуют ему. Исключения допускаются иногда в поэзии, а кроме того вообще в том случае, если подлежащим является личное местоимение. Есть основание предполагать, что последнее явление, которое приближает подлежащее-местоимение к личным окончаниям типа индоевропейского спряжения, произошло под влиянием индоевропейских языков.

В виду своеобразной природы тамильского сказуемого отсутствуют в тамильском языке придаточные предложения. Они заменяются соединением синтактического суффикса или слова с глагольным существительным, которое в свою очередь соответствует глаголу нашего придаточного предложения. Эти синтактические суффиксы и слова присоединяются ко всем существительным без различия их содержания для уточнения их синтактического отношения к главному сказуемому. Таким образом, в тамильском языке абсолютно нет разницы между тем, что в индоевропейской грамматике называется склонением и образованием придаточных предложений. Синтактические суффиксы и слова коренным образом отличаются от окончаний индоевропейского склонения. Их приходится рассматривать, как существительные определяемые аттрибутами, т. е. теми существительными — или комплексами

соответствующими придаточным предложениям—синтактическую функцию которых они уточняют. Основной тип тамильской фразы имеет поэтому такой вид: отца—дома—места—сидение, т. е. отец сидит дома. В этих двух фразах сказывается основная разница между духом языка этих двух семейств.

Вышеперечисленные характерные особенности тамильского языка мы находим в языках так называемой урало-алтайской группы. Для сопоставления основных особенностей этой группы с дравидийскими, в частности тамильским, языками, я пользуюсь указаниями, встречающимися в разных работах Heinrich Winkler'a, одного из лучших знатоков этого семейства языков. Согласно Винклеру, в урало-алтайскую группу входит несколько языковых семейств, связанных между собой как общностью морфологии и синтаксиса, так и словарного состава, хотя словарное сходство далеко не одинаково для всех групп. Эти языковые семейства следующие: финно-угорское, тюркское, монгольское, тунгусское с манчжурским, и наконец, японский язык. Характерными признаками этих языков можно считать следующие:

1) Состав согласных поразительно ограниченный и простой во всех семействах..... почти везде мы приходим к заключению, что в каждом из различных семейств основными согласными являются: *k, t, p, l, m, n, r, s, v, j*. Придыхательные согласные отсутствуют за исключением вторичного *h (ch)* развившегося из гортанного *k*. С другой стороны во всех семействах заметно определенное стремление к смягчению глухих согласных; в частности это выражается в переходе tenues в mediae и в широко применяющейся назализации. Возможно, что все ныне существующие звонкие являются результатом этого процесса смягчения. Звонкие составляющие часть основы, встречаются, однако, преимущественно или всегда, ближе к концу слова, в то время, как в начале слова стоит всегда глухой согласный.[1]

[1] Das Uralaltaische und seine Gruppen, 1-e und 2-e Lieferung Berlin 1885, S. 1.

2) Слово всегда начинается с корневого слога.[1]

3) Начальный согласный слова должен всегда быть простым. Этот закон почти никогда не нарушается, даже в самых поздних стадиях урало-алтайских языков. В этом отношении эти языки резко отличаются от индоевропейских языков, в которых многочисленные второстепенные элементы предшествуют корневому слогу. Эти элементы могут сократиться до согласного, который срастается с начальным согласным корня, отчего получаются начальные комбинации вроде *стл, стр, сфр* (ср. с этим русские комбинации *вспл, вспр, взн* и т. д.).

4) Образование падежей в алтайских языках достигло богатого развития постольку поскольку речь идет об определениях места. С другой стороны грамматические падежи в узком смысле, т. е. падежи подлежащего, прямого дополнения и аттрибута (adnominalcasus) остаются большей частью без обозначения. Они выражаются исключительно синтактическим путем, часто тем или иным местом в предложении или их отношением к глаголу, т. е. скорее глагольному существительному. Наряду с этим падежи прямого дополнении и аттрибута и в виде исключения падеж подлежащего могут при известных условиях обозначаться также и формально.[2]

5) В японском языке как и в алтайских языках, отношение между существительными и так называемым падежным окончанием или послелогом одно и то же. Падежный суффикс и послелог восходят все или же почти все к существительным, обозначающим место. Определяемое этими суффиксами и послелогами существительное, относится к ним как аттрибут. Оно в синтактическом отношении соответствует нашему родительному падежу и это отношение довольно часто обозначается внешним путем. Так, выражение «к дому» передается: «дома направление», «у дома» передается выражением «дома близость».

[1] Там же, стр. 2.

Цитаты 4—8 взяты из работы H. Winkler'a Japaner und Altaier. Berlin, 1894.

6) Два основных закона обусловливают строй урало-алтайских языков: закон простого нанизывания (по формуле $a = b$) и закон зависимости или подчиненности. Когда объединяемые в предложении понятия равнозначущи по смыслу, то вступает в силу закон нанизывания, и по контексту получается отношение подлежащего к сказуемому. Когда же существует какое-нибудь отношение подчиненности, то вступает в силу второй основной закон, который в еще значительно большей мере проникает весь язык и придает ему его определенный характер. Согласно этому закону управляемые части фразы предшествуют управляющим. При этом все синтактические функции выражаются прежде всего порядком слов, и язык обходится без употребления флективных форм. Порядок слов, вместе с контекстом, определяет данную связь, как адноминальную, генетивную или аккузативную, локативную, инструментальную или адвербиальную. В самом деле, эта связь представляет собой почти всегда тип связи с родительным падежом, в том смысле, что все категории слов в алтайских языках сводятся к существительным. Если за словом «человек» следует глагольное существительное «хождение», то это соединение имеет несомненно первоначальное значение: «человека-хождение». Отсюда получается смысл: «человек ходит» и таким образом то, что формально является подчиненным существительным, становится по смыслу подлежащим. Точно так же слово «мужчина» с последующим «битье» означает «мужчины-битье» или «мужчина бьет». В этой фразе слово, предшествующее глагольному существительному может быть по смыслу и прямым дополнением. Это часто случается как только существительному со следующим за ним глагольным существительным предшествует другое существительное и когда глагольное существительное выражает действие, направленное на какой-нибудь объект, например «мужчины — собаки — битье», т. е. «мужчина бьет собаку».

Таким образом все предложение может состоять из слов, определяемых только синтактически, т. е. их местом во фразе

по отношению друг к другу, и не имеющих ни малейшего признака номинальной или глагольной флексии. В этом отношении, как и во многих других, мы находим наилучшие образцы в древне-японском языке. Ни в одном из алтайских языков мы не видим с такой ясностью, что глагол, или скорее глагольное существительное представляет собой управляющее существительное фразы, при чем все остальные определения фразы, включая то, что по смыслу соответствует нашему подлежащему, являются лишь подчиненными адноминальными уточнениями этого глагольного существительного.

7) Так как глагол на самом деле есть существительное, он также принимает все те знаки падежей (суффиксы и послелоги), которые вообще присоединяются к существительному. Это последовательно. Но опять-таки эта система яснее и обширное всего проведена в японском языке. Точно так же как можно сказать: «отца хождение», т. е. «отец ходит», можно в дальнейшем образовать сочетания такого типа: «при отца хождении», «после отца хождения», «во время отца-хождения», «несмотря на отца-хождение», «перед отца-хождением», что соответствует нашим придаточным предложениям типа: «когда (после того как, пока, несмотря на то что, раньше чем) отец ходит (идет) ходил». Другими словами: совершенно отсутствует понятие «придаточное предложение». Все, что по нашим грамматическим понятиям должно выражаться придаточным предложением, принимает здесь форму добавочного определения, так или иначе определяемого по месту или времени при помощи какого-нибудь падежного суффикса. Самая идеальная форма периода типа «сын ушел, когда отец вернулся» в алтайских языках следующая: «сына отца — возвращения — после уход». Эта форма, которая в некоторых алтайских языках с течением времени и с постепенным образованием глагола, напоминающего скорее наш глагол, отчасти уже брошена, или уже не обозначается с достаточной ясностью, встречается в японском языке в полной чистоте.

8) Прилагательное, указательное местоимение и количественное числительное являются фактически определениями существительного по типу нашего родительного падежа, напр. «темная ночь» означает собственно говоря «темноты-ночь», но это адноминальное предшествующее определение может быть рассматриваемо как родительный падеж лишь с точки зрения синтактической. Оно обычно — за исключением японского языка — не имеет собственной формы родительного падежа. Так как прилагательное является синтактическим родительным падежом существительного, оно, конечно, не разделяет с существительным ни признаков падежа, ни признаков числа. По той же причине во всей алтайской группе, так же, как и в японском языке, указательные местоимения и числительные не склоняются. Что особенно поразительно для индоевропейского языкового чувства, это то обстоятельство, что при счете считаемые предметы ставятся обычно в единственном числе.

Приведенных цитат[1] казалось бы достаточно, чтобы определить то направление, в котором должны вестись работы по сравнительному и историческому изучению тамильского языка и дравидийского семейства вообще. Вышедшая в 1925 г. работа О. Шрадера Uralisch und Dravidisch (см. выше стр. 2) дает много дополнительного материала, главным образом из области словарных параллелей. Подробное исследование этого обширного и многостороннего вопроса вышло бы далеко за рамки этого очерка, цель которого — заинтересовать наших языковедов и индологов мало известной группой у нас языков.

1954
1210
ПРОВЕРЕНО
1948

---

[1] Дальнейший материал по структуре драв. языков дает: Fr. Misteli Charakteristik der hauptsächlichen Typen des Sprachbaus Berlin 1893, S. 390—413.